

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла
Императорскаго Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,
состоящаго при Московскомъ университетѣ.

1902, № 2.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Предсѣдателя Отдѣла В. В. Миллера

и

Товарища Предсѣдателя Н. О. Рюкова.

МОСКВА.

Т-ре Скоря. А. А. Левинсонъ. Коммисіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Тверская, Мамоновскій пер., с. д.

1902.

**Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Общества Любителей
Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.**

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Секта Исманлы въ русскихъ и бухарскихъ предѣлахъ Средней Азіи. Географическое распространіе и организація. <i>Гр. А. А. Бобринскаго</i>	1
II. Изъ поѣздки въ Литву. <i>Н. Н. Соколова</i>	21
III. У русскихъ подданныхъ султана. <i>В. Θ. Минорскаго</i>	31
IV. Св. Касьянъ и сказка о больной царевнѣ. <i>Г. Н. Потанина</i>	87
V. Къ новымъ записямъ былинь изъ Донской области. <i>Вс. Θ. Миллера</i> . Приложение <i>В. А. Харламова</i>	125
VI. Сибѣрь:	
1. Преданіе о сорока новгородскихъ валикахъ. <i>А. В. Маркова</i>	144
2. Забѣтка о двухъ лирикахъ Черниговской губерніи. <i>А. Н. Малинки</i>	148
3. Забѣтка о пѣснѣ «Ванька-Ключникъ». <i>Ф. Красильникова</i>	161
4. О былинахъ на Печорѣ. <i>Н. В. В.</i>	162
VII. Критика и библіографія.	
1. Отчеты о новыхъ изданіяхъ:	
<p><i>В. Г. Богоразъ</i>. Очеркъ матеріальнаго быта оленныхъ чукчей. <i>А. Н. Максимова</i> (165). — <i>В. И. Гохельсонъ</i>: Матеріалы по изученію юкагирскаго языка и фольклора, собранные въ Колымскомъ округѣ. Ч. 1-я. <i>Ею же</i> (166). — <i>Ермоловъ, А.</i>: Народная сельскохозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговорахъ и примѣтахъ. I. Всенародный мѣсяцесловъ <i>Вл. В.</i> (168). — <i>Тумановъ, Г. М.</i>: Земельные вопросы и преступность на Кавказѣ. <i>А. С. Хазанова</i>. (171). — Извѣстія Имп. Русскаго Географическаго О-ва, т. XXXVII, в. 4-й и 5-й. <i>А. Н. Максимова</i>. (171). — Извѣстія Оренбургскаго Отдѣла Имп. Русскаго Геогр. О-ва. Вып. 16-й. <i>Ею же</i>. (172). — <i>Tiersot Julien</i>: Chanson d'amour des peuzuns des alpes françaises. <i>E.</i> (173). — <i>Edmond Doutté</i>: Mahomet Cardinal. <i>Ея же</i> (174). — <i>Heinrich Schurtz</i>: Urgeschichte der Kultur. <i>Ея же</i> (175). — <i>Sell, Rev. E.</i>: Essays of</p>	

Islam. *Ея же* (175). — Hildebrand, Rudolf: Materialien zur Geschichte des deutschen Volkslied. *Ея же*. (175). — Памятная книжка Вятской губ. на 1902 г. *Вл. Б.* (176). — Памятная книжка Смоленской губ. на 1902 г. *Ею же* (176) 165

2. Обзоръ журналовъ и газетъ 177

3. Новости этнографической литературы 180

VIII. Хроника:

Ф. Д. Неведовъ. Некрологъ. *Вл. Б.* (185). — Шарль Летурно. Некрологъ. *А. Н. Максимова.* (186). — Двѣнадцатый Археологическій съѣздъ. *Б.* (190). — Третій международный конгрессъ американистовъ. *М.* (192). 6-й этнографическій конгрессъ и другія извѣстія (193) 185

IX. Объявленія 195

Секта Исмаиля въ русскихъ и бухарскихъ предѣлахъ Средней Азіи.

Географическое распространение и организація.

Приношу мою искреннюю благодарность многоуважаемому профессору Ага-оангелу Ефимовичу Крымскому, который любезно согласился просмотрѣть мою рукопись, исправить транскрипцію именъ собственныхъ и дать мнѣ нѣсколько цѣнныхъ указаній.

Въ 1901 году, лѣтомъ, мнѣ удалось побывать въ нашихъ средне-азиатскихъ владѣніяхъ. Между прочимъ, я посѣтилъ на верхнемъ Пянджѣ бѣдныя таджикскія ¹⁾ общества Вахана, Ишкашима, Горона, Шугнана и Рошана ²⁾. Всѣ они расположены по обоимъ берегамъ рѣки, между отрогами сѣвернаго склона Гиндукуша и юго-западными склонами Памировъ. При посѣщеніи этого порубежнаго съ Афганистаномъ края, я, между прочимъ, задался цѣлью провѣрить на мѣстѣ свѣдѣнія, сообщаемыя англичанами о распространеніи въ данной мѣстности секты Исмаиля ³⁾: Разспрашивая жителей, я убѣдился, что англійскія свѣдѣнія вполнѣ правдивы и что, дѣйствительно, все населеніе края въ вышепоименованныхъ предѣлахъ принадлежитъ не къ шіитскому толку, какъ у насъ до сихъ поръ предполагали, а къ сектѣ Исмаиля.

Короткое время, посвященное на поѣздку, и правила секты, предписывающія своимъ послѣдователямъ не только хранить тайну ученія, но даже вводить въ заблужденіе лицъ

¹⁾ О происхожденіи и значеніи слова Таджикъ написано очень много, но до сего времени вопросъ остается вполнѣ открытымъ. Въ Туркестанѣ называютъ себя Таджиками горныя племена и жители низменности, говорящіе на какомъ-нибудь иранскомъ нарѣчій и считающіе себя не тюрко-монгольскаго происхожденія. По моему мнѣнію, со словомъ Таджикъ въ данное время трудно связывать понятіе объ особой расѣ или народности. Проф. А. Е. Крымскій съ своей стороны находитъ, что въ данномъ случаѣ мнѣніе всего пригодно филологическое толкованіе этого слова (таджикъ-арабъ-тантъ).

²⁾ По мѣстному произношенію Шугнонъ и Рошонъ.

³⁾ По мѣстному произношенію Исмоиля.

непосвященныхъ и чуждыхъ сектъ (притворяясь во время бесѣдъ съ шіитомъ—шіитомъ, съ суннитомъ—суннитомъ), заставили меня поневолѣ ограничиться вопросами, на которые охотнѣе отвѣчали мои собесѣдники, а именно о географическомъ распространеніи и о внѣшней организаціи секты. Даже на эти вопросы мои собесѣдники, большею частью главари секты, отвѣчали только тогда, когда убѣждались изъ моихъ разспросовъ, что я вполне освѣдомленъ о существованіи секты въ данной мѣстности. Вслѣдствіе вышеприведенныхъ обстоятельствъ, читатель въ настоящихъ запискахъ не найдетъ новыхъ данныхъ ни по философіи ученія секты, ни по міровоззрѣнію сектантовъ.

Большая часть свѣдѣній записаны мною со словъ трехъ главарей секты, или, какъ туземцы ихъ называютъ, пировъ (старцевъ), живущихъ въ Шугнанѣ. Эти пиры, благодаря своему положенію, позволяли себѣ быть откровеннѣе своихъ подчиненныхъ. Провѣряя отвѣты одного отвѣтами другого, я убѣдился, что они вполне правдиво отвѣчали на мои вопросы.

Роль пировъ или старцевъ въ жизни сектантовъ—огромная. Пиръ является полнымъ хозяиномъ души и тѣла своего подчиненнаго; онъ полновластный руководитель сектанта въ его духовной, семейной и гражданской жизни. Всѣ страны, заселенныя послѣдователями секты Исмаилья, расpredѣлены между извѣстнымъ количествомъ пировъ. Каждый послѣдователь секты обязанъ подчиняться которому-нибудь изъ нихъ.

Не будучи достаточно знакомъ съ предметомъ, я, конечно, не намѣренъ представлять здѣсь всесторонняго обзора секты—приводить ея исторію и ученіе. Моя задача на много скромнѣе: сообщить лицамъ, интересующимся вопросомъ, сырой матеріалъ о сектѣ Исмаилья, собранный мною на мѣстѣ ея распространенія. Желających познакомиться съ исторіей и ученіемъ секты, я отсылаю, между прочимъ, къ трудамъ иностранныхъ ученыхъ: *Silvestre de Sacy. Exposé de la religion des Druzes 2 vol. Paris 1838. Defrémery. Essai sur l'histoire des Ismaéliens ou Batinien de la Perse. Paris 1867. Guyard. Fragments relatifs à la doctrine des Ismaélis. Paris 1874. G. Du-*

gat. Histoire des philosophes et des théologiens musulmans. Paris 1878. Dozy. Essai sur l'histoire de l'Islamisme. Leyde et Paris. 1879. Кромѣ вышеприведенныхъ трудовъ, укажу на краткій очеркъ секты, помѣщенный во второмъ томѣ исторіи Ислама Мюллера, на стр. 288—299, и въ особенности на описаніе секты, ея исторіи и ученія, проф. А. Е. Крымскаго, съ богатой библиографіей по данному вопросу ¹⁾. Здѣсь же, въ заключеніе къ моимъ предварительнымъ словамъ, я ограничусь только напоминаніемъ о происхожденіи названія секты и о времени ея возникновенія.

Свое названіе секта получила благодаря тому обстоятельству, что, ограничивъ число имамовъ изъ потомковъ Алія семью, признала послѣднимъ изъ нихъ Исмаила, сына Джафара ²⁾. Возникла она около 765 года, т.-е. по кончинѣ Джафара Садика, отца Исмаила ³⁾. Вначалѣ секта составляла одно изъ развѣтвленій шіитскаго толка ⁴⁾. Въ 864 году Абдаллахъ, прозванный Каддахъ, настолько измѣнилъ первоначальное ученіе секты, что сами шіиты признали ее вредною, и всякаго, присоединявшагося къ ней, считали безбожникомъ ⁵⁾. Секта не разъ подвергалась преслѣдованіямъ. Въ 1256 году, въ Персіи, она подверглась особенно усиленному преслѣдованію со стороны монголовъ ⁶⁾. Хулагу-ханъ, между прочимъ, при разгромѣ секты уничтожилъ ея главный оплотъ, Аламуть, при чемъ предалъ огню чудную бібліотеку послѣдователей секты Исмаилья ⁷⁾. Несмотря на частые разгромы, секта въ Персіи не была уничтожена ⁸⁾, и послѣдователей ея можно найти по сіе время въ нѣкоторыхъ южныхъ частяхъ Персіи. Въ настоящее время, кромѣ Персіи, секта существуетъ на западномъ берегу Индіи и въ

¹⁾ Къ сожалѣнію, этотъ трудъ еще не напечатанъ.

²⁾ Guyard-Fragments relatifs à la doctrine des Ismaélis p. 8 Introd.

³⁾ Крымскій—рукопись. Мюллеръ т. II., 288 стр. Silvestre de Sacy t. I. Introd. p. LXV.

⁴⁾ Guyard, Introd. p. 8.

⁵⁾ Тамъ же Introd. p. 8.

⁶⁾ Dugat. Histoire des Philosophes et des Théologiens musulmans etc. p. 198, прим. 2.

⁷⁾ Guyard, Introd. p. 1 въ примѣчаніяхъ.

⁸⁾ Dugat. p. 198, прим. 2.

окрестностяхъ Бомбея. Въ самомъ городѣ живетъ глава секты, официально признаваемый таковымъ англичанами. По англійскимъ свѣдѣніямъ извѣстно, что секта имѣетъ послѣдователей въ горахъ по обоимъ склонамъ Гиндукуша. О распространеніи секты въ горахъ на сѣверъ отъ Гиндукуша, между прочимъ, упоминаютъ: Лейтнеръ въ добавленіяхъ (Appendix VII a и b) къ своему *Dardistan in 1866, 1886 and 1893*, а также майоръ Биддельфъ въ своемъ сочиненіи о народахъ Гиндукуша ¹⁾. Относительно ученія скажу только, что секта Исмаилья одна изъ самыхъ радикальныхъ шіитскихъ сектъ: послѣдователи ея принадлежатъ къ такъ называемымъ моаттила, т.-е. лишаящихъ Бога всякихъ атрибутовъ ²⁾. По словамъ проф. А. Е. Крымскаго, философская сторона ученія Исмаилья имѣетъ много общихъ чертъ съ радикальными вѣтвями суфизма, при чемъ, надо это замѣтить, историческое происхожденіе ихъ различно ³⁾. Внѣшняя организація секты очень напоминаетъ организацію дервишскихъ орденовъ ⁴⁾.

Желая возможно точнѣе передать мною собранныя свѣдѣнія, я ихъ излагаю въ видѣ отдѣльныхъ разговоровъ съ пирами, т.-е. въ томъ видѣ, въ какомъ они были записаны мною на мѣстѣ, ничего не измѣняя въ изложеніи и не приводя въ систему собранный матеріалъ.

Бесѣда съ пиромъ Сандъ Юсуфъ Али Шо ⁵⁾.

12 поколѣній тому назадъ его предокъ Шо Малангъ пришелъ сюда, въ горы, изъ Хоросана, изъ города Сабзи-

¹⁾ Народы, населяющіе Гиндукушъ. Соч. М. Биддѣлфа, пер. Лессара. Асхабадъ. 1886 годъ, стр. 156 по 163.

²⁾ Guyard. p. 199, Note 4.

³⁾ О томъ же смотри: Очеркъ развитія суфизма, А. Е. Крымскаго. Москва. 1895, стр. 28 въ примѣч., а также стр. 47.

⁴⁾ Позднѣвъ. Дервиши въ Мусульманскомъ мірѣ. Оренбургъ. 1886 года, глава III.

⁵⁾ Необходимо замѣтить, что всѣ имена собственныя передаются въ этой статьѣ такъ, какъ они діалектически произносятся на мѣстѣ, т.-е. по произношенію сѣверно-персидскому, а не южно-персидскому, которое принято въ литературномъ языкѣ. Такъ, напр., „Шо“, а не „Шахъ“, „Малангъ“, а не „Мелекъ“, Саломатъ вмѣсто Селамэтъ, и т. п.

Пиръ Сандъ Юсуеъ Али Шо.

варъ ¹⁾. Отецъ Саидъ Юсуфа—Саидъ Фарокъ Шо, дѣдъ его—Саидъ Шо. Партовн, прадѣдъ,—Саломать Шо, прапрадѣдъ—Шо Фозиль (Шах-Фазиль). Въ одно время съ его предкомъ Шо Малангъ изъ Хоросана, изъ города Сабзиваръ, пришли въ горы три пира: Шо Бурхонъ (Борхъанъ), Шо Хомушъ (Хъамушъ) и Шо Кошонъ (Кашанъ). Шо Хомушъ поселился въ Кулябъ, гдѣ и умеръ. Миры Шугнана считаютъ его своимъ предкомъ. Кромѣ нихъ у этого пира остались еще потомки, частью живущіе здѣсь, въ Шугнанѣ, частью въ Кулябѣ. Всѣ они бѣдные (факиры) и сунни. У Шо Кошонъ также существуютъ потомки, но пировъ между ними нѣтъ. Шо Бурхонъ потомковъ не оставилъ. Наибольшее число потомковъ сайдовъ оставили Шо Малангъ и Шо Кошонъ—около двухсотъ домовъ.

На много ранѣе этихъ четырехъ пировъ пришелъ сюда, въ горы, также изъ Хоросана, Шо Носиръ ²⁾ (Шâхъ Нâсиръ). Кто онъ былъ въ молодости—шія или сунни—неизвѣстно. Учился въ Бухарѣ. Послѣ ученія онъ отправился путешествовать, искать пира-наставника. Наконецъ, послѣ долгихъ скитаній, нашелъ себѣ въ Хоросанѣ наставника въ лицѣ Мустансиръ-Билляхъ-Ага-хана ³⁾. Сотворилъ онъ съ нимъ молитву фотһа (фâтиһа) и сдѣлался его ученикомъ и послѣдователемъ секты Исмаилья. Проживъ съ нимъ нѣкоторое время, онъ отправился вновь путешествовать и попалъ сюда, въ горы, гдѣ засталъ много разныхъ вѣръ,—здѣсь были: кафиры, сіяхпуши, шія и сунни. Онъ первый, здѣсь въ горахъ (кухистонъ-коһиотанъ), началъ проповѣдывать ученіе секты Исмаилья. Поселился Шо Носиръ около Мунджона въ кишлакѣ Іемгонъ, гдѣ впослѣдствіи умеръ и

¹⁾ Смотри: Voyages d'Ibn Batoutah trad. par Defremery et. le D-r Sanguinetti. P. 1877, Tome III, p. 65.

²⁾ Потомокъ въ 8-мъ поколѣніи имама Али ер-Риза. Его предки покинули Багдадъ и переселились въ Балхъ или Кабадьянъ. Intr. p. XVII et XVIII. Родился въ 1003 году, умеръ въ 1088 году въ Іемгонѣ. Intr. p. XLV. Sefer Nameh, Relation du Voyage de Nassiri Khosrau etc. publ. trad. et annot. par Ch. Schefer. Paris Leroux 1881.

³⁾ Смотри Sefer Nameh. Introd. p. V et XII.

похороненъ ¹⁾. Потомковъ онъ не оставилъ. (Не былъ женатъ).

Секта Исмаилья распространена въ Ваханѣ, въ Зебакѣ, въ Мунджонѣ, въ Читралѣ, въ Канджутѣ, въ Ишкашимѣ, въ Горонѣ, въ Шугнанѣ, по обѣимъ сторонамъ Пянджа, въ Рошанѣ и въ Сарыколѣ ²⁾. Въ Яркентѣ 1500 домовъ, на Язгулемѣ 5—6 домовъ сектантовъ и домовъ 30 Асно-ашарія ³⁾. Въ Дарвазѣ на афганской сторонѣ сектанты живутъ въ кишлакахъ Варфѣ, Гумай, Омурдѣ, Джомарчѣ. Ниже Калай Хума съ афганской стороны можно найти сектантовъ въ кишл. Ходора, Дзингирію. Кишл. Югидѣ, на этой сторонѣ Пянджа, состоитъ наполовину изъ Исмаилья, наполовину изъ Асно-ашарія: Въ Катаганѣ, въ кишл. Гури—нѣсколько человѣкъ Исмаилья, остальные жители сунни (Чор-Юри ⁴⁾). Племя Хазâра ⁵⁾ около Кабула большею частью Исмаилья и незначительная только часть Асно-ашарія. Въ

¹⁾ Сравни этотъ разсказъ съ выдержками изъ апокриф. автобіограф. Насира Хосрау, приведенными въ Introduction Sefer Nameh, de la p. VII à la p. XVIII.

²⁾ Общее количество послѣдователей секты, живущихъ въ русско-бухарскихъ предѣлахъ (не считая Дарваза, Ферганы и вообще городовъ низменности), распредѣляется слѣдующимъ образомъ: въ Ваханѣ съ Ишкашимомъ 219 дом., въ Шугнанѣ 512 дом., въ Рошанѣ 683 дома и въ Орошорской волости 116 домовъ. Эти цифры показываютъ состояніе всего населенія перечисленныхъ странъ къ 1 января 1901 года и приведены мною по officialнымъ даннымъ, которыя мнѣ были любезно сообщены начальникомъ Памирскаго отряда, подполковникомъ Бодрицкимъ.

³⁾ Эсна-Ашеріѣ, т.-е. двенадцатники, такъ называютъ шитовъ, признающихъ 12 имамовъ.

⁴⁾ Приверженцы 4 товарищей, т.-е. признающіе четырехъ злѣйшихъ враговъ шитовъ: Абу-Бекрѣ, Омарѣ, Османѣ и Моавіа. (На мѣстѣ сек. назыв. перв. Али, а Моавію не упоминаютъ). Этими прозвищемъ (Чор-Юри) шиты и Исмаилья называютъ суннитовъ.

⁵⁾ По мнѣнію „Bellew“ это племя монголо-тюркскаго происхожденія. Хазара занимаютъ обширную горную площадь, извѣстную въ древности подъ названіемъ Паропамизъ; эта площадь простирается отъ предѣловъ Кабула и Газни до Герата. Въ теченіе вѣковъ Хазара утеряли свой родной языкъ и теперь говорятъ на персидскомъ языкѣ, сохраняющемъ черты 13 вѣка. Непримиримые враги афганцевъ; подробности смотри: The Races of Afghanistan by H. W. Bellew. Calcutta 1880 года 113 to p. 117

Бухарѣ, въ Ошѣ, въ Коканѣ находятся выходцы изъ Шугнана и Вахана, которые также Исмаилья.

Всѣ послѣдователи секты Исмаилья въ горахъ (кухистонъ) распредѣляются между 15 главными пирами. Эти 15 пировъ размѣщены слѣдующимъ образомъ: три пира живутъ въ Сарыколѣ, одинъ пиръ находится въ Яркентѣ, 3 пира въ Читралѣ, 2 пира въ Ваханѣ, одинъ пиръ на Шахдарѣ (въ Шугнанѣ), одинъ пиръ въ кишл. Сучонѣ на Гунтѣ (въ Шугнанѣ), 1 пиръ въ Поршнифѣ на Пянджѣ (въ Шугнанѣ), 1 пиръ въ кишл. Бар-Рушанѣ (въ Рошанѣ), 1 пиръ въ кишл. Варфѣ въ афганскомъ Дарвазѣ, 1 пиръ въ Кулябѣ (пиръ племени Хазара, переселившійся изъ Афганистана). Кромѣ этихъ, извѣстныхъ рассказчику, пировъ, можетъ быть, существуютъ въ горахъ еще и другіе, но они, во всякомъ случаѣ, менѣе важны. Много пировъ въ Индіи, по западному берегу, а также на югѣ Персіи; всѣхъ ихъ онъ, конечно, перечислить не можетъ. Имена нѣкоторыхъ пировъ, живущихъ въ горахъ, ему извѣстны: такъ, пиръ Хазаръ ¹⁾, живущій въ Кулябѣ, называется Феридунъ Шо Саидъ, пиръ въ Рошанѣ называется Шо Зода (Shāh-zāde) Хасанъ, пиръ въ кишл. Варфѣ, называется Шо Сафедъ Саидъ, три пира въ Сарыколѣ носятъ слѣдующія имена: Шо Зода Макинъ ²⁾, Шо Толибъ (Талибъ) и Саидъ-Ахматъ Хонъ (Ахмедъ-ханъ).

Въ Читралѣ рассказчикъ помнитъ имя только одного пира Шо Зода Лайсъ ³⁾.

Секту называютъ Маулави, отъ слова Мауло (владыка), одно изъ названій Алія ⁴⁾. Сами себя сектанты называютъ

¹⁾ По поводу этого пира, имѣющаго для насъ особо важное политическое значеніе, я хочу подчеркнуть, какъ вообще важно было бы всѣхъ пировъ, живущихъ въ нашихъ предѣлахъ, расположить въ пользу русскаго дѣла и заручиться ихъ содѣйствіемъ. Авторитетъ пировъ среди сектантовъ безграниченъ. Сектанты, подчиненные нашимъ пирамъ, разбросаны въ 4 государствахъ. Хазара, боевое племя, живетъ въ самомъ сердцѣ Афганистана.

²⁾ Лейтнеръ упоминаетъ о немъ Appendix VII (a) p. 5.

³⁾ Отецъ его — Шо Абдур-Рахимъ Зебакскій, о которомъ упоминаетъ Лейтнеръ, дѣдъ — Шо Зода Лайсъ, локутъ-Шо.

⁴⁾ Не слѣдуетъ на основаніи этого названія смѣшивать исмаилитовъ

Исмаилья, и вотъ на какомъ основаніи. Они признають имамами ¹⁾: Али, Хасана, Хусейна, Зайнъ-аль-Обедина ²⁾, Махометь-Богира ³⁾ и Джафара-Садика. У этого послѣдняго были два сына,—имамъ Мусо-и-Косимъ и Шо Исмаиль. Асно-ашарія признають имамами Мусо-и-Косима и его потомковъ. Секта Исмаилья признаетъ имамами Исмаила и его потомковъ. Асно-ашарія остановились на двѣнадцати имамахъ, Исмаилья же продолжаютъ ихъ считать до сего времени въ родѣ Агахана.

Глава секты называется Ага-Ханъ ⁴⁾. Должность эта наследственная. Родъ Ага-Хана ведется отъ Алія и Фотимы черезъ Шо Исмаила и сына его Махомета. Ага-Ханъ есть воплощеніе Алія; въ немъ его дуна. Ага-Ханъ живетъ въ Бомбаѣ. Имя настоящаго султанъ Махометь Шо ⁵⁾,

съ послѣдователями Джелялеddина Руми, которые тоже называются мевлевіями. Замѣтка проф. А. Е. Крымскаго.

¹⁾ Смотри преданія объ имамахъ въ восточн. Туркестанѣ. Dutreuil de Rhins Tome III P. 1 à la page. 46.

²⁾ Въ память его мазаръ между Хорогомъ и Поршнифъ на Пянджѣ; имамъ въ немъ не похороненъ: виденъ только оставленный имъ стѣдъ на скалѣ его правой руки.

³⁾ Мазаръ на рѣкѣ Гунтѣ; тѣла имама въ немъ нѣтъ. Сохранилась по этому поводу легенда. Имамъ пріѣхалъ сюда изъ Хоросана на бѣдомъ верблюдѣ и поселился на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь мазаръ. Проживъ нѣкоторое время, имамъ однажды рѣшилъ, что пора ему покинуть жизнь. Предупредилъ жителей долины о своемъ намѣреніи и при этомъ сказалъ, что въ случаѣ, если ихъ постигнетъ какое бы то ни было бѣдствие: война, моръ, голодъ, онъ всегда вернется къ нимъ на помощь; для этого они должны будутъ прійти сюда, зарѣзать передъ пещерой барана и потомъ кричать какъ азанчи. „На этотъ кличъ я выйду къ вамъ“. Сказавъ это, имамъ удалился въ пещеру, которая за нимъ замкнулась. Черезъ нѣкоторое время недовѣрчивые жители долины рѣшили провѣрить слова имама. Совершили все по его словамъ. Имамъ появился изъ пещеры, сидя на лошади, и спросилъ народъ, что ему нужно. Омущенные жители объяснили причину вызова. Имамъ разгнѣвался и сказалъ: „въ наказаніе за ваше невѣріе, пусть долина ваша по временамъ будетъ Гунъ (южн.-перс. гайъ — куча, собранная), а по временамъ будетъ Гунъ (разсѣянная)⁴⁾. Долина Гунта сильно страдала отъ набѣговъ киргизовъ, пуганцевъ и жит. дол. Шахдары, что заставляло жителей покидать свою долину, нѣкогда густо населенную. Теперь долина постепенно вновь заселяется.

⁴⁾ По мѣстному произношенію Ого-хонъ.

⁵⁾ Родился въ Карачи, ноября 2, 1877 года, получилъ прекрасное, вполне

отца его—Али Шо, дѣда—Шо Саидъ Хасанъ. Переселились они изъ Хоросана, изъ кишл. Махалоти.

Всѣ пиры между собой равны, каждый изъ нихъ сносится непосредственно съ Ага-Ханомъ. Черезъ годъ-черезъ два посылаются ему подарки, главнымъ образомъ деньги. Для этого снаряжается кто-нибудь изъ жителей, иногда же одинъ изъ помощниковъ (халифа) пира. Должность пира наследственная. Пирю наследуетъ не обязательно старшій сынъ, а наиболѣе достойный. Не достаточно быть наследникомъ пира, чтобы занять его мѣсто, необходимо согласіе общества подчиненныхъ умершаго пира и утверждение его приговора Ага-Ханомъ. Когда прямыхъ наследниковъ у пира саида нѣтъ, то жители имѣютъ право выбирать кого-нибудь изъ его родственниковъ и просить объ утверженіи его Ага-Ханомъ. Пирь могутъ быть не саиды. Ага-Ханъ можетъ утверждать пиромъ не саида, а всѣми уважаемаго муллу (челов. образов.), по просьбѣ жителей, или просто, по своему личному усмотрѣнію. Ага-Ханъ въ правѣ смѣщать кого угодно и когда ему угодно.

Разсказчикъ былъ назначенъ пиромъ послѣ кончины своего отца, пира, по желанію жителей. Эти послѣдніе, собравшись съ участка умершаго пира, пришли просить сына наследовать отцу. Заручившись согласіемъ его, жители снарядили депутацію къ Ага-Хану, снабдивъ ее подарками и письмомъ, съ изложеніемъ своей просьбы. Ага-Ханъ согласился на ихъ выборъ и, въ знакъ утвержденія разсказчика въ должности пира, прислалъ ему бумагу съ печатью главы секты. Эта бумага показывается жителямъ.

Ага-Ханъ рѣшаетъ всѣ дѣла единолично. При немъ совѣта нѣтъ. При поѣздкахъ къ Ага-Хану по дѣламъ, обращаются не къ нему лично, а къ его служащимъ, и черезъ нихъ получаютъ приказанія и распоряженія главы секты.

Къ Ага-Хану пріѣзжіе допускаются только дѣбъ, представленія и на поклонъ. Иногда, послѣ доклада Арахтъ, 4-й

в, въ кишл. Боз-европейское образованіе. Смотри подробн. у Лейт- (b) p. 21. Въ послѣдн. № Review of Reviews за 1ой. Коронъ, недалеко появленіи новаго журнала въ Индіи: „East and W кишл. Пью, 9-й въ ковъ, между прочимъ, указанъ: „His Highness тѣ въ Читралѣ, въ кишл.

дѣла, Ага-Ханъ выражаетъ желаніе повидать докладчика. Въ такомъ случаѣ пріѣзжій имѣетъ возможность бесѣдовать лично съ главой своей секты.

Каждый пиръ имѣетъ своихъ помощниковъ, которые распредѣляются по всѣмъ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ у него находятся подчиненные или мюриды.

Называются эти помощники халифъ. Они служатъ посредниками между пиромъ и его мюридами. Главная ихъ обязанность собирать подаянія, предназначенныя пиру, а также, отчасти, справлять нѣкоторыя требы. Назначаются халифъ пиромъ, который предпочтительно выбираетъ ихъ изъ саидовъ. Халифъ зависитъ только отъ своего пира. Онъ не имѣетъ права ни судить, ни дѣлить по наслѣдству, все это лежитъ на обязанности пира.

Пиръ полные хозяева надъ своими подчиненными; судятъ ихъ по своему шаріату. Въ настоящее время, какъ и прежде, къ пиру ходятъ за всякимъ дѣломъ: за совѣтомъ, на исповѣдь и на судъ. Въ Шугнанѣ всегда существовали судьи (кози-кади), къ нимъ ходятъ судиться для вида, или же недовольные судомъ пира.

У пира Юсуфъ Али Шо подчиненные распредѣляются слѣдующимъ образомъ: четыреста домовъ въ Шугнанѣ, 200 домовъ въ афганскомъ Дарвазѣ, въ Яркентѣ 50 домовъ, въ Ошѣ 20 домовъ, нѣсколько домовъ по Гунту отъ Сочарва до Сардива, нѣсколько домовъ въ афганскомъ Шугнанѣ. Въ Рошанѣ у пира нѣтъ ни одного подчиненнаго.

Помощники пира распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 11 халифъ въ Шугнанѣ, 7 халифъ въ Дарвазѣ и 1 въ Яркентѣ. Въ Ошѣ должность помощника справляетъ его братъ.

У шія и сунни послѣ смерти существуютъ два дома, хона (хâне): рай и адъ. Секта Исмаилья ихъ не признаетъ.

Пустъ дозмерти челоувѣкъ остается живъ своею душою, ма, собранная), адитъ въ другое живое существо; отъ добра- сильно страдала отъ добраго же челоувѣка, отъ дурного челоувѣка, что заставляло же ленную. Теперь долина не переходитъ въ какое-нибудь животное.

4) По мѣстному произношенію змѣю, корову, осла, лошадь. Душа—

5) Родился въ Карачи, нояждаеть. Наказанная душа, попавшая

въ животное, можетъ долго терзаться, переходя изъ животнаго въ животное, пока Богъ не смилостивится и не вернетъ душу обратно въ человѣка, что онъ можетъ сдѣлать, когда ему угодно.

На мой вопросъ: „неужели душа никогда не найдетъ покоя?“ пиръ отвѣтилъ: „душа найдетъ покой, когда попадетъ въ хорошаго человѣка, хорошимъ же человѣкомъ мы считаемъ того, кто не много думаетъ, не путешествуетъ, а сидитъ спокойно дома, выбравъ для него хорошее, красивое мѣсто, кто хорошо ѣстъ и чисто одѣвается“.

Постовъ нѣтъ; Богъ учитъ нравственному воздержанію, — не желать жены ближняго своего, не завидовать чужому богатству, счастью и т. п.

Все вышеписанное рассказано мнѣ въ Шугнанѣ, въ Поршнѣ, въ кишл. Возмъ, на Пянджѣ, пиромъ Саидъ Юсуфъ Али Шо.

Бесѣда съ пиромъ Саидъ Ахмедъ, живущимъ на Шахдарѣ, въ Шугнанѣ.

Родъ свой пиръ ведетъ отъ имама Махометь-Богира, черезъ сына его имама Ибрагима (sic).

Восемь поколѣній тому назадъ предки пира переселились изъ Медины въ Мунджонъ, гдѣ и жили до послѣдняго времени. Разказчикъ перебрался оттуда въ Читралъ, но англичане попросили его удалиться изъ своихъ предѣловъ, находя, что у него слишкомъ много подчиненныхъ въ другихъ государствахъ. Здѣсь, на Шахдарѣ, онъ второй годъ. Семья только что прѣѣхала кружнымъ путемъ черезъ Каракорумъ, афганцы не пустили ихъ черезъ свои владѣнія. Халифа пира распредѣляются слѣдующимъ образомъ: одинъ на Шахдарѣ, въ кишл. Поршидъ, другой на Пянджѣ, по ту сторону рѣки, въ кишл. Воджъ, третій въ Дарморакъ, по ту сторону рѣки, въ кишл. Арахтъ, 4-й въ Горонъ, въ кишл. Багушъ, 5-й въ Зебакъ, въ кишл. Бозгиръ, 6-й въ Мунджонъ, 7-й въ кишл. Коронъ, недалеко отъ Файзабада, 8-й въ Катаганъ, въ кишл. Пью, 9-й въ Читралъ, въ кишл. Инджигонъ, 10-й въ Читралъ, въ кишл.

Маликдаштъ, 11-й въ Читралѣ, въ кишл. Когитъ, 12-й въ Яркентѣ, 13-й ниже Файзабада, въ кишл. Дораймъ.

Всѣхъ подчиненныхъ у пира около 1500 домовъ, изъ которыхъ наибольшая часть приходится на Читралъ.

Разбросанность подчиненныхъ, мюридовъ, у одного и того же пира объясняется частыми переселеніями горцевъ. Причины, послужившихъ поводомъ къ подобнымъ передвиженіямъ въ горахъ, было не мало: обиды и притѣсненія, которыя горцы постоянно терпѣли отъ своихъ правителей, постоянныя распри между сосѣдними ханами, жестокія расправы съ побѣжденнымъ краемъ, недостатокъ земли, тѣснота въ родномъ кишлакѣ и просто семейныя обстоятельства.

Покидая родину, послѣдователи секты ни въ какомъ случаѣ не мѣняють пировъ, а всегда продолжаютъ подчиняться своему старому пиру, оставшемуся на мѣстѣ. Мѣнять пировъ строго воспрещено сектой и считается большимъ грѣхомъ (ганда)¹⁾. Подчиненный принадлежитъ тому пиру, предкамъ котораго подчинялись его собственные предки.

Названіе трехъ пировъ, живущихъ въ Читралѣ, слѣдующее: Шо Зода Лайсъ (Шâхъ-Зâде Лейсъ), въ кишл. Анкеръ, Шо Абдулъ Хасанъ, въ кишл. Хасанободъ, и Шо-и-Калонъ (Шâх-и Келанъ). Семь или восемь поколѣній тому назадъ предокъ послѣдняго пира, Саидъ Джемли, переселился изъ Бухары въ Читралъ, въ кишл. Барандесъ.

Въ Ваханѣ два пира: Карамъ Али Шо, въ кишл. Зунгъ, и Саидъ Абдуррахманъ, въ кишл. Дридждъ.

У Шо Зода Лайса около 30 домовъ, подчиненныхъ на Шахдарѣ, и понѣскольکو домовъ въ Ваханѣ, Ишкашимѣ и Шугнанѣ.

Одинъ изъ халифâ Шо Зада Лайсъ живетъ на Шахдарѣ, въ кишл. Бедизъ (нижній). Гдѣ живутъ другіе его помощники, рассказчикъ не знаетъ.

Сектанты считаютъ Алія²⁾ выше Мохаммеда. Душа Алія переходитъ отъ одного Ага-Хана къ другому.

¹⁾ Вонъ, скверно.

²⁾ Среди горцевъ сохранилось нѣсколько легендъ о пребываніи Алія въ кухистонѣ (въ горахъ). Одна изъ нихъ записана мною въ Ваханѣ. Въ ней идетъ рѣчь о томъ, какъ Алій, прійдя съ войскомъ изъ Хоросана въ Ишкашимъ и Ваханъ, воевалъ тамъ съ кафирами сіяхпушами; завладѣлъ

Четыре главныхъ пира проповѣдывали ученіе Исмаилья: Шо Али Мусо-и-Ризо (Муса-Риза) въ Хоросанѣ, Шейхъ фарибъ Шакаръ Ганчъ (ферибъ Шекаръ Гянджъ) въ Индустанѣ, Хаджи Ахмедъ Ясаи въ Туркестанѣ и Саидъ Носиръ Хосрау (Насир-и-Хосровъ) въ кухистанѣ.

Когда Шо Носиръ пришелъ въ горы, то засталъ здѣсь людей разной вѣры: шіитовъ и суннитовъ. Среди нихъ началъ онъ проповѣдь свою очень осторожно; ничего не отвергалъ изъ ихъ ученій, ничего не отрицалъ: ни молитвъ, ни постовъ, ни праздниковъ, ни рая, ни ада. Съ шіитами былъ шія, съ суннитами—сунни.

Говорилъ онъ о Богѣ, о добродѣтели, объ уваженіи къ старцамъ. Болѣе близкимъ своимъ ученикамъ понемногу открывалъ истинное ученіе секты. Признавая молитву, онъ пояснялъ, что истинная молитва заключается въ томъ, чтобы хорошо говорить, говорить чистое, помнить всегда Бога и хорошо во всемъ поступать. Не отвергая праздниковъ, говорилъ, что истинный праздникъ для послѣдователей секты—посѣщеніе своего наставника, пира, бесѣды съ нимъ, хорошій поступокъ, совершенный человѣкомъ. Не отказываясь отъ постовъ, говорилъ, что Богъ требуетъ не воздержанія желудка, а воздержанія нравственнаго, что и есть истинный постъ. Не отрицая рая и ада, онъ говорилъ, что они обрѣтаются не гдѣ-нибудь на небѣ, а находятся здѣсь, на землѣ, въ душѣ каждаго человѣка, у кого рай, у кого адъ, отъ человѣка зависитъ имѣть въ душѣ то или другое.

Послѣ смерти Шо Носира ученики его продолжали начатое имъ дѣло. Проповѣдники дѣйствовали крайне осторожно. Присоединеніе къ сектѣ горнаго народонаселенія происходило безъ насилія и очень медленно, въ продолженіе многихъ и многихъ десятковъ лѣтъ.

тремя замками трехъ братьевъ-царей, сіяхнушей: Кахкаха, Замръ-Аташъ-Парастъ и Завгибора. Какъ эти три брата погибли въ борьбѣ почти со всѣмъ своимъ народомъ, и только небольшая часть спаслась, бѣжавъ на югъ въ страну Катуаръ. По покоренью Вахана легенда гласитъ, что Алій совершилъ походъ въ Китай, гдѣ испуганный царь вмѣсто войска выслалъ навстрѣчу Алію толпу простоволосыхъ женщинъ, при видѣ которыхъ Алій остановился, сказалъ имъ Хато (отсюда названіе Китай) и повернулъ обратно.

До сего времени горцы, по привычкѣ, соблюдаютъ много старинныхъ обычаевъ ¹⁾, ничего общаго съ сектой не имѣющихъ. Иногда, по необходимости, и только для вида, въ присутствіи чужихъ, горцы справляютъ обряды суннитовъ и шитовъ. Мы имъ этого не запрещаемъ дѣлать, считая все это не важнымъ. Важно быть хорошимъ и добродѣтельнымъ человѣкомъ.

Въ дѣйствительности у насъ нѣтъ ни праздниковъ, ни постовъ, ни намазовъ, ни общихъ молитвъ, ни мечетей. По пятницамъ, вечеромъ, у пира или у халифа, собираются старики, старухи, а изъ молодежи мужчины и женщины, болѣе достойные. Читаютъ книгу Каломи-пиръ ²⁾, объясняютъ читанное, разговариваютъ, поютъ извѣстныя мѣста изъ книги на-память, играютъ на музыкальныхъ инструментахъ и тутъ же ужинаютъ и такимъ образомъ просиживаютъ до разсвѣта.

Въ мазарахъ, у Шейховъ, иногда устраиваются подобныя сборища, рѣжутъ барашка, читаютъ, поютъ.

Главную книгу, Ваджхи-динъ ³⁾ или Каломи-пиръ, написалъ пиръ Калонъ Маулоно Шо Нузоръ (также Низоръ), сынъ Маликъ Соломъ, въ Хоросанѣ, въ Маалот-шааръ (шехръ). Шо Носиръ Хосрау перевелъ эту книгу на языкъ кухистана, Шо Али Мусо-и-Ризо—на языкъ Хоросана, Шейхъ Форибъ Шакаръ Ганчъ—на языкъ Индустана и Хаджи Ахмедъ Ясави—на языкъ Туркестана.

Шо Носиръ въ продолженіе 72 лѣтъ прочиталъ четыре книги: Таурота-Мусо, Енжилъ-Исо, Забуръ-Даудъ и Фирконъ-

¹⁾ Въ горахъ, въ особенности въ Шугнанѣ, распространено почитаніе священныхъ камней. Камни эти обыкновенно бываютъ облиты масломъ, обложены „ех voto“ въ видѣ мелкихъ камней причудливыхъ формъ; иногда на камнѣ насыпана небольшая горсть какого-нибудь зерна (не смѣшивать священныхъ камней съ мельничными, которые иногда встрѣчаются около кишлаковъ). По словамъ горцевъ, они почитаютъ священные камни съ разрѣшенія пировъ, въ память Сабзи-лушъ и другихъ святыхъ мужей. Присутствіе мазаровъ также не вяжется съ ученіемъ секты и какъ бы подтверждаетъ слова пировъ, что здѣсь въ горахъ раньше жили шиты и сунниты.

²⁾ Кялâми-пиръ (букв. „рѣчь старца“ или „слово старца“). Прим. проф. А. Е. Крымскаго.

³⁾ Лицо вѣры—главное изложеніе о вѣрѣ. Прим. проф. А. Е. Крымскаго.

Махомета ¹⁾. По прочтеніи этихъ книгъ Шо Носиръ нашелъ, что во всѣхъ нихъ написано одно и то же и все, что въ нихъ написано, можно найти въ Каломи-пирь.

Изъ Каломи-пирь Шо Носиръ составилъ болѣе удобную для чтенія и для пониманія книгу „Ишхоръ“ ²⁾. Умеръ онъ въ кишл. Іемгонъ и тамъ же похороненъ въ пещерѣ. Но, по книгѣ, его тѣла въ этой пещерѣ нѣтъ. Говорятъ, что она сквозная. Вѣрятъ, что онъ вошелъ въ пещеру со стороны Бадакшана, а вышелъ со стороны Читрала. Что съ нимъ стало послѣ—неизвѣстно.

На мой вопросъ: существуетъ ли у нихъ обрѣзаніе?—пирь, не особенно удивившись вопросу, отвѣтилъ: „что-жъ у насъ сохранилось бы отъ мохаммеданства, если бы мы уничтожили и этотъ обрядъ!“

Все вышеписанное рассказано мнѣ въ кишл. Реджисъ, на Шахдарѣ, въ Шугнанѣ, пиромъ Саидъ Ахмедомъ.

Бесѣда съ пиромъ Саидъ Мурсалъ.

Отецъ его, Саидъ Мурза Ашрабъ, былъ пиромъ въ Сучонѣ въ продолженіе 75 лѣтъ. Родъ свой пиръ ведетъ отъ Имама Мусо-и-Косима. Предокъ пира Саидъ-Сухробъ (Сохрабъ) живъ триста послѣ смерти Мохаммеда переселился изъ города Іездъ въ Хоросанъ въ Бадакшанъ, въ кишл. Іемгонъ.

Предки пира, проживъ въ этомъ кишлакѣ нѣсколько поколѣній, переѣхали въ Ваханъ, въ кишл. Шергинъ, гдѣ прожили три поколѣнія. Изъ Вахана предки его перебрались сюда, въ кишл. Сучонъ, три поколѣнія тому назадъ. Онъ, пиръ, представитель четвертаго поколѣнія.

Саидъ Мурсалъ состоитъ пиромъ только одинъ годъ. Назначенъ на должность Ага Ханомъ, по желанію жителей. Пиръ самъ ѣздилъ въ Бомбай и лично получилъ отъ главы секты бумагу съ печатью, утверждавшую его въ должности.

Халифа пира Саидъ - Мурсала распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 1) въ Читралѣ, въ кишл. Ричъ, 2) въ Читралѣ, въ кишл. Ярхонъ, 3) въ Ишкашимѣ и Зебакѣ,

¹⁾ Пятикнижіе, Евангеліе, Псалмы и Коранъ.

²⁾ Ишкаръ („возвѣщеніе, распространеніе“).

одинъ халифа живеть въ кишл. Дорванъ, на афганской сторонѣ, 4) въ кишл. Баръ-Юмчъ, 5) въ кишл. Нимдана, на афганской сторонѣ, 6) въ кишл. Хуфъ, въ Рошанъ на Пянджѣ, 7) въ кишл. Терзудъ, 8) въ кишл. Барзутъ, 9) въ Калаи-Вомаръ, 10) въ кишл. Шуджонъ, 11) въ кишл. Іемцъ, 12) въ кишл. Роумить, 13) въ кишл. Сипунджъ, 14) въ кишл. Хазретъ-Имамъ на Гунтѣ, 15) въ кишл. Тангшебъ, въ афганскомъ Дарвазѣ, 16) въ кишл. Сучонъ, 17) въ Яркентъ (ему же подчиняются нѣсколько домовъ въ Сарыколѣ); 18) въ Ошѣ общій халифа съ пиромъ Юсуфъ Али-Шо.

Подчиненные пира распредѣляются, приблизительно, слѣдующимъ образомъ: 100 домовъ въ Читралѣ и 400 домовъ въ Шугнанѣ, Рошанѣ, Дарвазѣ и Яркентѣ.

Въ Канджутѣ жители Исмаилья въ Нагарѣ, послѣдователи имама Мусо-и-Косима (Асно-Ашарія).

По поводу переселенія душъ пиръ сообщилъ мнѣ нѣкоторыя подробности.

По его словамъ, въ одномъ роду одна душа. Душа отца переходитъ къ сыновьямъ, при чемъ пиръ пояснилъ образно, какъ понять переходъ одной души, отца, къ нѣсколькимъ сыновьямъ. Въ домѣ (хона) горитъ нѣсколько огней, въ очагѣ большой огонь, въ свѣтильникахъ (чирогі) малые, но какъ въ очагѣ, такъ и въ свѣтильникахъ свѣтится одно и то же пламя, происходящее отъ одного и того же огня. Вообще, душа постоянно блуждаетъ. При смерти душа переходитъ въ землю, изъ земли въ траву, изъ травы въ животное, изъ животного опять въ человѣка.

Книга Каломи - пиръ написана по приказанію Маулоно-Низоръ. Саидъ Носиръ перевелъ ее на языкъ горцевъ.

Люди должны быть какъ братья, другъ-друга не обижать. Важно быть добрымъ, честнымъ. Обряды: посты, молитвы, праздники не важны, справлять мы ихъ не запрещаемъ. Все это дѣлается для вида. Воръ, который будетъ поститься и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжать свое ремесло, поступаетъ одинаково скверно, какъ и воръ, промышленяющій тѣмъ же, но безъ поста. Одинаково дурно поступаетъ человѣкъ, который съ одной стороны грѣшитъ, съ другой молится, надѣясь безъ раскаянья, одной молитвой,

отмолить грѣхи. Человѣкъ, который согрѣшилъ, долженъ прійти къ пиру, искренно раскаяться, помолиться съ пиромъ, и тогда только Богъ можетъ ему простить. Для того, чтобы человѣкъ не забывалъ совершеннаго имъ грѣха и чтобы удержать его отъ подобнаго же поступка въ будущемъ, пиръ накладываетъ на него извѣстную пеню, размѣръ которой, сообразуется съ совершеннымъ грѣхомъ. За большой грѣхъ взимается лошадь, за менѣе важный проступокъ корова, за болѣе легкія прегрѣшенія баранъ, птица, яйца и т. д.

Человѣкъ, который не пожелаетъ сознаться въ совершенномъ грѣхѣ, Богомъ не будетъ прощенъ и грѣхъ всей тяжестью своею ляжетъ на немъ.

Все вышеписанное рассказано мнѣ въ кишл. Сучонъ на Гунтѣ, въ Шугнанѣ, пиромъ Саидъ Мурсалъ.

Вотъ все, что я успѣлъ собрать относительно секты Исмаилья. Собранное я постарался передать возможно точнѣе, безъ всякихъ украсъ. Сообщая имена и указывая мѣста пребыванія моихъ собесѣдниковъ, я тѣмъ даю возможность каждому желающему лично провѣрить добытыя мною свѣдѣнія.

Относительно сектантовъ я долженъ сказать, что они произвели на моихъ спутниковъ и на меня вполнѣ благоприятное впечатлѣніе. Строгая, нравственная дисциплина, къ которой пиры въ продолженіе долгаго времени приучали своихъ подчиненныхъ, выработала въ нихъ извѣстную выдержку и сдержанность въ общеніи съ людьми. Между собою они держатся съ достоинствомъ и съ самоуваженіемъ. Къ старшимъ относятся съ почтеніемъ, но безъ униженія.

Характеръ горца покойный, мягкій; онъ съ любовью относится къ своей сектѣ и къ своимъ пирамъ, привязанъ къ своему гнѣзду, не любитъ передвиженія, отхожимъ промысломъ занимается рѣдко и неохотно. На переселеніе горецъ рѣшается только подъ гнетомъ крайне тяжкихъ обстоятельствъ.

Желаніе, которое намъ не разъ высказывали горцы, — выучиться русскому языку, просьба добыть имъ учебникъ русскаго языка, наконецъ, поступокъ одного волостного, отдаваго своего сына въ обученіе къ солдатамъ, въ ка-

зармы, все это такія явленія, которыя ярко свидѣтельствуя о стремленіи горцевъ сблизиться съ русскими. Отсутствіе фанатизма въ общеніи съ христіанами, вражда и даже нѣкоторое презрѣніе къ шіитамъ и суннитамъ указываютъ намъ, какую благодатную почву представляютъ сектанты для насажденія среди нихъ русской культуры, какъ легко выработать изъ нихъ преданныхъ намъ друзей и тѣмъ самымъ создать на далекой окраинѣ, на рубежѣ трехъ государствъ, вѣрный и надежный оплотъ противъ враговъ русскаго владычества въ Азіи.

Благорасположеніе горцевъ къ русскимъ не должно насъ удивлять; они рассчитываютъ найти въ русскихъ покровителей своей секты и опору въ своей глухой, но упорной и постоянной борьбѣ съ суннизмомъ.

Сектанты прекрасно знаютъ, что глава ихъ секты въ Бомбей официально признается таковымъ англійскимъ правительствомъ. Это обстоятельство пиры не разъ подчеркивали въ разговорахъ съ нами.

Почему бы намъ не подать сектантамъ руку помощи и не высвободить секту изъ-подъ спуда, въ которомъ она теперь обрѣтается? Почему не признать официально ея существованія и въ такомъ случаѣ, конечно, оградить ее отъ гнета официальнаго суннизма Бухарцевъ?

Въ заключеніе не могу не высказать моего мнѣнія по поводу нашихъ отношеній къ мусульманству въ Средней Азіи. Въ настоящее время мы покровительствуемъ только однимъ суннитамъ, игнорируя не только мелкія секты (Исмаилья, Бабидовъ), но даже шіизмъ, какъ будто наша цѣль—объединеніе мусульманства и поглощеніе всѣхъ его развѣтвленій суннизмомъ, что, какъ мнѣ кажется, не вполне совпадаетъ съ нашими интересами. Я же думаю, что нашъ прямой, политическій расчетъ признавать за всѣми расщепленіями мусульманства право на официальную и самостоятельную жизнь и, какъ послѣдствіе этого признанія, считать обязательнымъ для насъ охрану этого права, даннаго для всѣхъ, отъ посягательствъ на него со стороны болѣе сильнаго и боевого исповѣданія.

8 февраля 1902 г. Бобрики.

А. Бобринской.

Изъ поѣздки въ Литву.

Цѣлью моей поѣздки въ Литву лѣтомъ 1901 года было собственно изслѣдованіе нѣкоторыхъ чертъ говоровъ литовскаго языка. Въ зависимости отъ этого и маршрутъ мой былъ строго ограниченъ такими пунктами, которые могли давать матеріалъ для изученія извѣстныхъ говоровъ.

Однако для меня не могли пройти незамѣченными и нѣкоторые бытовые факты, съ которыми я впервые встрѣтился въ этой странѣ смѣшенія племенъ и нарѣчій. Не знаю, насколько мнѣ удалось придать моимъ наблюденіямъ достаточно стройный видъ, чтобы составить изъ нихъ общее представленіе о жизни въ этой мѣстности, но во всякомъ случаѣ считаю возможнымъ подѣлиться нѣкоторыми изъ нихъ въ надеждѣ на то, что въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, отношеніяхъ они являются болѣе новыми и непосредственными, чѣмъ то, что мы имѣемъ до сихъ норъ въ литературѣ предмета. Данныхъ же языка я коснусь лишь мимоходомъ, поскольку они стоятъ въ связи съ подмѣченными мною бытовыми явленіями.

Свою поѣздку я ограничилъ лишь незначительною частью Литвы, а именно нѣкоторыми пунктами трехъ смежныхъ уѣздовъ Ковенской губ.: Ковенскаго, Вилкомирскаго и Новоалександровскаго.

По языку Ковенская Литва дѣлится на восточную, среднюю и сѣверную, или Жмудь. Цѣлью моихъ наблюденій было восточно-литовское нарѣчіе литовскаго языка и опредѣленіе его границъ какъ со стороны средне-литовскаго нарѣчія, такъ и со стороны русскихъ поселеній. Изъ моего маршрута видно, что я не объ-

ѣхалъ всей территоріи восточно-литовскаго нарѣчія, а ограничился только болѣе южными ея частями. Это объясняется частью недостаткомъ времени, частью же и тѣмъ, что меня болѣе интересовали мѣстности, менѣе описанныя въ діалектическомъ отношеніи.

Провѣркѣ моихъ наблюденій способствовало то обстоятельство, что Ковенская губ. очень тщательно описана въ памятныхъ книжкахъ Ковенскаго Губернскаго Статист. Комитета. Эти книжки уже давно обратили на себя вниманіе ученыхъ, потому что, кромѣ официальныхъ свѣдѣній, которыя обыкновенно даются въ подобнаго рода изданіяхъ, въ нихъ изъ года въ годъ помѣщается подробное описаніе быта населенія различныхъ мѣстностей Ковенской губ., а также довольно подробная характеристика діалектовъ литовскаго языка въ предѣлахъ этой губерніи. Общей редакціей этнографическаго матеріала завѣдуетъ извѣстный знатокъ мѣстнаго быта, членъ этнографическаго отдѣла К. П. Гуковский. Свѣдѣнія по языку сообщаются такимъ же солиднымъ знаткомъ литовской діалектологии, литовцемъ по происхожденію, проф. кс. Явнисомъ.

Ковенская губ.—это центръ Литвы. На всемъ ея протяженіи преобладающую массу населенія составляютъ литовцы. Въ предѣлахъ этой губерніи можно встрѣтить литовцевъ всѣхъ главныхъ разновидностей, которыя намѣчены въ наукѣ.

Въ этнографическомъ отношеніи Ковенская Литва, кромѣ самостоятельнаго интереса, обращаетъ на себя вниманіе путешественника еще и тѣмъ, что здѣсь почти въ каждой данной мѣстности происходитъ смѣшеніе различныхъ народностей, а именно на ряду съ чисто-лит. элементомъ можно почти вездѣ встрѣтить русскихъ, поляковъ и евреевъ. И въ этой повсемѣстной смѣси интересно и странно, то, что литовцы, составляющіе преобладающій элементъ населенія, вездѣ волею судебъ играютъ послѣднюю роль. Съ одной стороны, въ рукахъ русскихъ перевѣсъ всякихъ привилегій по закону, съ другой—поляки превосходятъ всѣхъ преимуществами своей культуры. Евреи же, если не имѣтъ въ виду мѣстности съ чисто-еврейскомъ населеніемъ, умѣютъ стоять въ сторонѣ и даже извлекать пользу изъ своего нейтральнаго положенія.

Эта картина смѣшенія съ особенной рельефностью наблюдается въ посѣщенныхъ мною мѣстностяхъ и болѣе всего въ мѣстностяхъ пограничныхъ.

Полякамъ литовцы поддаются легче, потому что съ ними ихъ

соединяетъ общность религіозныхъ интересовъ ¹⁾. Къ русскимъ же одинаково недружелюбны какъ литовцы, такъ и поляки. Это еще больше сближаетъ литовцевъ съ поляками, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ русскіе являются лишь въ качествѣ представителей правительственной власти, а такихъ мѣстъ немало. Нехорошо тогда приходится русскимъ. Но на ихъ сторонѣ право, и они смѣло сѣютъ просвѣщеніе среди литовцевъ. Одинъ учитель хвалился мнѣ, что, благодаря неустанному труду въ этомъ направленіи, уже $\frac{2}{3}$ его учениковъ - литовцевъ забыли свой родной языкъ и говорятъ по-русски. Не такъ легко справиться съ поляками, авторитетъ которыхъ поддерживается ихъ сравнительной культурностью и большимъ распространеніемъ ихъ религіи. Слово „полякъ“ считается въ Литвѣ равносильнымъ слову „интеллигентъ“. Говорить по-польски, придерживаться польскихъ обычаевъ считается хорошимъ тономъ. Въ нѣкоторыхъ приходахъ знатъ по-польски обязательно, такъ какъ ксендзы-поляки иного языка въ разговорѣ съ прихожанами не признаютъ. Отсюда происходитъ то, что въ отдѣльныхъ районахъ не только литовцы, но и русскіе, которые цѣлыми селеніями исповѣдуютъ католическую религію, говорятъ часто по-польски и вообще находятся подъ сильнымъ польскимъ влияніемъ, называютъ себя поляками, такъ что приходится доискиваться до ихъ національности. Такой вопросъ ставить, напримѣръ, Гуковский въ своей статьѣ: „Свадьба у литовскихъ бѣлоруссовъ“.

Въ силу этой борьбы политическіе и религіозные интересы сильно обострены среди сельскаго населенія. Всякій имѣетъ здѣсь свои политическія и религіозныя убѣжденія и неуклонно старается провести ихъ въ жизнь. Но литовцы, къ сожалѣнію, направляютъ свои старанія на вѣѣшность и въ массѣ вообще мало дорожатъ своею національностью. При ихъ податливости, если бы не давали себя такъ сильно чувствовать матеріальныя нужды и политическое безправіе, они не сопротивлялись бы и русскимъ, и теперь, можетъ быть, не существовало бы ихъ уже, какъ отдѣльной народности.

Вообще, судя по матеріаламъ, собраннымъ въ Пам. Кн. Ков. губ., и по моимъ личнымъ впечатленіямъ, касающимся извѣстной

¹⁾ Есть въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и литовцы-протестанты, но ихъ немного, а въ предѣлахъ моего маршрута вовсе нѣтъ.

части Ковенской Литвы, быть литовскаго крестьянина представляется въ довольно печальномъ видѣ.

Литовцы занимаютъ довольно богатую природою страну, достаточно надѣлены землей и владѣютъ ею подворно и при такихъ условіяхъ все-таки цѣлыми массами бѣдствуютъ. Среди многочисленныхъ причинъ этого явленія на первомъ планѣ нужно поставить ихъ чрезмѣрную некультурность. Въ этомъ отношеніи они очень напоминаютъ нашихъ бѣлоруссовъ-польхъ. Разница лишь въ томъ, что тамъ некультурность—начало и конецъ всѣхъ бѣдствій, а здѣсь это не первопричина и не единственная причина упадка благосостоянія. Сама некультурность здѣсь развилась только въ связи съ неблагоприятными общественными условіями жизни. Школъ мало и даже очень мало, меньше, чѣмъ кое-гдѣ въ нашихъ лѣсахъ. Это бы еще не бѣда: мы и теперь не видимъ литовцевъ, которые бы дошли до такой степени некультурности, какъ польхи, ибо они не разобщены съ остальнымъ міромъ, а судя по печатнымъ отчетамъ о числѣ учащихся, можно даже заключить, будто въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ увеличеніи числа школъ вовсе нѣтъ потребности. А вся сила въ томъ, что, подъ вліяніемъ натянутыхъ отношеній, литовцы не отдають своихъ дѣтей и въ тѣ школы, которыя есть. Литовцы почти всѣ отъ мала до велика грамотны настолько, чтобы читать свой молитвенникъ, дерѣдко, кромѣ того, читаютъ и по-польски, а грамотныхъ по-русски, по изслѣдованіямъ, произведеннымъ въ началѣ 90-хъ гг., въ каждомъ уѣздѣ насчитывается отъ 5% до 7% и владѣющихъ русскимъ языкомъ отъ 10% до 15%. И этотъ фактъ вскрываетъ не только недостатокъ школъ, но и нерасположеніе къ нимъ. Наблюдаются, такимъ образомъ, почти на половину и случаи рецидива безграмотности.

При такихъ условіяхъ трудно ожидать культурной обстановки въ жизни литовца. По-литовски онъ читаетъ, но литовскихъ книгъ нѣтъ и не разрѣшается приобрѣтать. По-русски онъ читать не желаетъ и не желаетъ даже слушать никакихъ устныхъ указаній со стороны русскаго. Поляки же, лучше ихъ надѣленные матеріальными и духовными условіями жизни, больше склонны къ промышленному образу жизни, который такъ выгоденъ среди столь инертнаго населенія, и для непосредственнаго заимствованія отъ нихъ чего-нибудь полезнаго рѣдко представляется случай.

Отсюда происходит то, что хозяйство ведется самымъ примитивнымъ способомъ, и усовершенствованій никакихъ ни въ хозяйствѣ, ни въ обыденной жизни не допускается. Инертность жизни доходить до того, что всякое новшество считается чуть не преступленіемъ, а новаторы, чтобы провести свою мысль, принуждены бываютъ оставить общій надѣлъ, а иногда и село. Новшества обыкновенно очень незатѣйливы. Насущнымъ вопросомъ сельскаго хозяйства на Литвѣ является, напр., вопросъ объ удобреніи почвы, ибо ее немилосердно истощаютъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, или—вопросъ объ осушеніи болотъ и эксплуатаціи сзеръ, которыхъ тамъ такъ много. Но искусственное удобрение считается мѣстами какой-то ядовитой присыпкой, распространяемой будто-бы лицами изъ администраціи. Лѣнятся удобрять землю даже обыкновенными способами и при достаточномъ количествѣ скота и при этомъ, повидимому, они не совсѣмъ ясно себѣ представляютъ результаты подобной траты времени и труда, которые должны сказаться черезъ нѣсколько лѣтъ. Болота сохраняются, какъ воображаемыя мѣста жительства какихъ-то духовъ, покровительствующихъ хозяйству. Изъ-за озеръ постоянно возникаютъ непріятности по вопросу о способахъ общинной ихъ эксплуатаціи, такъ какъ къ общественной дѣятельности населеніе вовсе не привыкло. Поэтому ихъ сдають, какъ попало, въ аренду евреямъ.

Побочныя отрасли хозяйства почти совершенно отсутствуютъ и большею частью потому, что некому заботиться объ ихъ развитіи. Промыслы тоже не въ чести. Важно и то, что давно уже сильно испорчены отношенія съ сосѣдними помѣщиками. Пойти на работу къ сосѣду помѣщику считается неудобнымъ, ибо изъ этой сдѣлки какъ отдѣльныя личности, такъ и цѣлыя общества выносятъ однѣ непріятности, а пріютиться за кусокъ хлѣба у односельчанина, иногда на самыхъ позорныхъ условіяхъ—обычная мѣра обѣдѣвшаго литовца.

Кредитъ представленъ всего нѣсколькими ссудо-сберегательными товариществами и настолько далекъ отъ совершенства, что сплошь и рядомъ цѣлыя селенія оказываются въ кабалѣ у какого-нибудь корчмаря-еврея. Отъ кулачества не прочь и сами литовцы, и всевозможные виды кабалы развиты до тонкости.

Такимъ образомъ вся жизнь литовца сосредоточена на матеріальныхъ отношеніяхъ и сводится или къ вопросу о хлѣбѣ на-

сущномъ, или же у болѣе состоятельныхъ—къ вопросу о лучшихъ способахъ наживы. Духовные интересы почти отсутствуютъ. Это одна изъ интереснѣйшихъ иллюстрацій того, какъ слабая этническая группа, подавленная массой сложныхъ экономическихъ явленій, теряетъ всякое положительное выраженіе своего духовнаго существованія.

Всякая удача и неудача заливается виномъ, и все свободное время проводится въ кабакахъ и пивныхъ. Монополія на первыхъ порахъ сдерживала пьянство, но уже давно здѣсь, какъ и вездѣ, найдены болѣе или менѣе удачные выходы изъ стѣснительныхъ условій. Подпольныхъ кабаковъ развелось видимо-невидимо, а во избѣжаніе большихъ расходовъ на казенное вино стали прибѣгать къ его суррогатамъ. Гуковский въ описаніи Россіенскаго уѣзда рассказываетъ, что наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ противъ такой распущенности было воздѣйствіе духовенства. Но это было еще около эпохи 60-хъ годовъ, а послѣ эта проповѣдь оказалась подозрительной, и пьянству снова дана была полная свобода. Стали вывозить контрабандой дешевый спиртъ изъ Пруссіи, а когда и его не стало, прибѣгли къ анодину (Гофманскія капли). Имъ торгуютъ вездѣ и напиваться имъ считается чѣмъ-то хорошимъ, потому будто бы что весь организмъ послѣ этого на долгое время пропитывается пріятнымъ запахомъ. Благодаря этому, пьянство быстро распространилось и среди женщинъ. Дошли до того, что въ лавкахъ вошло въ обыкновеніе въ качествѣ похода подносить анодинъ на кускѣ сахара всѣмъ несговорчивымъ покупателямъ и особенно покупательницамъ.

Для характеристики крайне матеріальной окраски всѣхъ нравственно-юридическихъ отношеній среди литовцевъ Гуковский приводитъ выдержки изъ дѣлъ волостныхъ правленій.

Подавляющее большинство дѣлъ падаетъ на аграрно-имущественныя и связанныя съ ними отношенія. Отношенія между родственниками даже одной и той же кровной семьи держатся только до тѣхъ поръ, пока находятся въ равновѣсіи ихъ матеріальныя отношенія. Отецъ семейства лишь до тѣхъ поръ сохраняетъ свой авторитетъ, пока онъ способенъ къ работѣ. Дѣти безъ родителей никогда не въ состояніи поддержать равновѣсіе ихъ взаимныхъ правъ и обязанностей и потому при первомъ удобномъ случаѣ дѣлятся и расходятся. Еще хуже приходится неприроднымъ членамъ

семьи, которые попали въ нее по браку, по найму или въ силу какой-либо другой сдѣлки. Браки заключаются на основаніи однихъ матеріальныхъ соображеній и прочны бываютъ лишь постольку, поскольку обѣ стороны выполняютъ условія договора. Приданое, смотря по матеріальнымъ соотношеніямъ брачавшихся, приносится то женихомъ, то невестой. Всѣ виды примачества развиты до тонкости. Небезынтересно отмѣтить такіе оригинальные виды сожительства, какъ, напр., супружество на опредѣленное время или приглашеніе бобыля только для веденія хозяйства, а не для супружества. Нерѣдки также сожительства и безъ всякаго брака. И они влекутъ за собою много дѣлъ судебного характера, а главное нарождаютъ массу безправныхъ и безпріютныхъ гражданъ, которымъ въ послѣдствіи не остается ничего иного, какъ сдѣлаться олицетвореніемъ всевозможныхъ пороковъ.

Со всѣми подобными взглядами приходится считаться суду, часто мѣстный судъ самъ не въ состояніи отрѣшиться отъ подобныхъ юридическихъ воззрѣній и согласовать мѣстное обычное право съ государственнымъ закономъ, что и влечетъ за собою отмену его постановленій съѣздомъ. Да часто такое согласованіе и невозможно.

Такимъ образомъ, матеріальное міросозерцаніе и отсутствіе почти всякихъ духовныхъ интересовъ дѣлаютъ жизнь литовца вѣчной борьбой за существованіе, которая мало-по-малу лишаетъ его человѣческаго облика, заставляя прибѣгать къ пьянству и всякаго рода раздорамъ и безнравственнымъ выходамъ изъ безпросвѣтной нужды.

Въ результатъ—распаденіе семьи, раздѣлы, влекущіе за собою объединеніе цѣлаго ряда дворовъ, а иногда и выселеніе за тридевять земель. А выселяться приходится именно за тридевять земель, такъ какъ въ сосѣднія губерніи съ русскимъ населеніемъ идти литовцу не желательно, а иной разъ по незнанію языка и дѣйствительно невозможно.

Литовцамъ уже давно указана та обѣтованная земля, куда они теперь изъ года въ годъ переселяются цѣлыми массами. Это—Америка. Уже по одной дальности разстоянія обыкновенный неподвижный литовецъ не рѣшится переселиться въ Америку. Идутъ туда большею частью люди передовые, энергичные и преимущественно новаторы, не ужившіеся съ родными порядками жизни.

А такъ какъ дома они воспитаны на чисто матеріальномъ міросозерданіи и разочаровались въ земледѣльческомъ образѣ жизни, то въ Америкѣ они вовсе не занимаются земледѣліемъ, а идутъ на фабрики, на заводы, или же затѣваютъ собственное предпріятіе, сплошь и рядомъ очень сомнительнаго нравственнаго достоинства.

Въ Пам. Кн. Ков. губ. за 1901 годъ помѣщена статья Гуковской, гдѣ рисуется жизнь литовцевъ въ Америкѣ. Они тамъ перерождаются большею частью въ торговцевъ и кабатчиковъ и, не смотря на это, тѣсно сближаются между собою, наживаются по одиночкѣ и обществами и, такимъ образомъ, двигаютъ впередъ свою доморощенную культуру, строго оберегая себя отъ вліянія окружающихъ ихъ иноземцевъ. Въ настоящее время они имѣютъ уже собственные типографіи и издають нѣсколько собственныхъ газетъ на литовскомъ языкѣ.

Изъ приведенной характеристики литовской народности и жизни литовцевъ въ посѣщенныхъ мною уѣздахъ Ковенской губ. можно было бы заключить, что народность эта на краю гибели, и будущности ей никакой предсказать нельзя. Но я снова повторяю, что все сказанное касается главнымъ образомъ тѣхъ мѣстностей, которыя я посѣтилъ лично, а это именно и есть тѣ пункты, гдѣ Литва наиболѣе соприкасается съ другими болѣе сильными народами. Кромѣ того, мои наблюденія подтверждаются данными, собранными въ Пам. Кн. Ков. губ. Я ничуть не отрицаю, что есть мѣста на Литвѣ, гдѣ вовсе не замѣчается такого упадка силъ народныхъ и народнаго благосостоянія. Таковы болѣе сѣверныя части собственно Литвы въ Ков. губ., таковы нѣкоторыя части Жмули.

Въ настоящее время г. Гуковскимъ составлена, но еще не издана этнографическая карта Ков. губ. Изъ нея видно, что пунктами наибольшаго подавленія литовской народности въ Ков. губ. являются западныя и восточныя границы восточно-литовцевъ. На западѣ они попадаютъ подъ сильное вліяніе поляковъ, на востокѣ—русскихъ. То же подтверждается и моими наблюденіями надъ языкомъ этихъ мѣстностей.

При опредѣленіи границы восточно-литовскаго нарѣчія въ предѣлахъ Ков. уѣзда я натолкнулся на тотъ фактъ, что въ сѣ-

верныхъ и среднихъ частяхъ этого уѣзда восточно-литовцы почти непосредственно соприкасаются со Жмудью или отдѣляются отъ нея польскими поселеніями. Область средне-лит. нарѣчія, или такъ называемыхъ „настоящихъ литовцевъ“ здѣсь очень не велика и ограничивается почти исключительно небольшою полосой по берегу Нѣмана. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, о подмѣченномъ уже раньше распространеніи вост.-лит. нарѣчія на счетъ средне-литовскаго, а съ другой—о вторженіи въ литовскую среду польскаго элемента. Литовцы Ковенскаго уѣзда очень инертны и бѣдны съ духовной стороны. Здѣсь почти нельзя услышать ни собственныхъ пѣсенъ, ни сказокъ, ни проявленія народаго остроумія.

Еще больше въ этомъ отношеніи поражаетъ восточная часть Новоалександровскаго уѣзда. Здѣсь границу литовцевъ и русскихъ нельзя опредѣлить какой-нибудь сплошной линіей. Изъ добытыхъ мною данныхъ видно, что изъ всѣхъ семи волостей Новоалександровскаго уѣзда, лежащихъ къ востоку отъ СПВ.-Варш. ж. д., только одна—Рымшанская, непосредственно прилегающая къ ст. Дукшты этой дороги, населена почти сплошь литовцами. Затѣмъ литовскія поселенія идутъ, прерываясь, узкою полосой къ юго-востоку и доходятъ почти до Браславскаго озера. Такимъ образомъ, здѣсь не представляется возможнымъ заключить литовскія поселенія въ какія-либо опредѣленные рамки. Волости по-старому дѣлятся на общества, состоящія изъ нѣсколькихъ селеній, и каждое общество поддерживаетъ у себя или литовскія, или русскія традиции. Но это дѣленіе очень приблизительное, ибо иногда и въ литовскихъ обществахъ можно перечестъ по пальцамъ говорящихъ по-литовски.

Какъ литовцы, такъ и русскіе здѣсь католики и такъ похожи во всѣхъ отношеніяхъ другъ на друга, что часто трудно ихъ отличить. Объединенію ихъ способствуетъ какъ церковь, такъ и школа. Здѣсь нѣтъ особенной вражды противъ школы, но, къ сожалѣнію, и церковь, и школа не стоятъ здѣсь на должной высотѣ. Ксендзы—большею частью поляки, которые одинаково не любятъ литовцевъ и русскихъ и ни тѣмъ, ни другимъ не позволяютъ даже говорить и молиться на собственномъ языкѣ. Школы здѣсь меньше, чѣмъ гдѣ-либо, и учителя также не могутъ похвастаться подготовкой къ своей дѣятельности и большею частью

держатся очень примитивныхъ программъ, нерѣдко сильно тормозящихъ дѣло народнаго просвѣщенія.

Языкъ здѣшнихъ литовцевъ представляетъ такую смѣсь съ польскими и главнымъ образомъ русскими элементами, что мѣстные русскіе даже смѣются надъ нимъ, считая его извращеннымъ русскимъ языкомъ. Заимствованія простираются не только на отдѣльныя слова и корни, но и на формы словъ и цѣлыхъ оборотовъ рѣчи. Бываютъ случаи, что литовецъ и русскій объясняются между собою, говоря каждый на своемъ языкѣ.

Несмотря на такое жалкое положеніе литовцевъ, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, нельзя не пожелать возрожденія этой все-таки симпатичной и оригинальной націи. И надежда на это возрожденіе кроется не столько въ частныхъ дѣятеляхъ на этомъ поприщѣ, сколько въ національныхъ представителяхъ ихъ общественнаго управленія. Сейчасъ особенно много для этого дѣлаетъ цѣлый классъ литовцевъ-ксендзовъ, которые являются настоящими радѣтелями о нуждахъ своего народа. Это дѣйствительно тѣ люди, къ которымъ литовецъ-поселянинъ можетъ обратиться со всякимъ горемъ и со всякою радостью. Въ послѣднее время и въ правительственныхъ сферахъ Литвы начинается проявляться интересъ къ этому обиженному судьбой народу, и подобнымъ начинаніямъ можно пожелать только полнаго успѣха.

Н. Соколовъ.

У русских подданных Султана.

І. Предварительныя свѣдѣнія.

Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Россіи мнѣ пришлось услышать мелькомъ о существованіи около Константинополя поселенія русскихъ казаковъ некрасовцевъ, и тогда же я рѣшилъ побывать у нихъ при первомъ удобномъ случаѣ. Судьба мнѣ благопріятствовала.

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи въ Стамбулъ, я встрѣтилъ сидѣвшую пригорюнившись на крыльцѣ Аѳонскаго Пантелеймоновскаго подворья, одѣтую по-русски женщину съ дѣвочкой, которыя, какъ оказалось, пріѣхали изъ одного находящагося въ Румыніи некрасовскаго поселенія и уже нѣсколько дней мучились, желая получить здѣсь какія-то справки изъ архивовъ, относящихся ко времени до Берлинскаго трактата, когда еще ихъ село принадлежало Турціи. Женщина подтвердила мнѣ, что казачья деревня, о которой я слышалъ, дѣйствительно существуетъ, но, что находится она довольно далеко отъ Константинополя, именно, около города Бандермы, на Мраморномъ морѣ.

Прежде чѣмъ пускаться въ путь, я наведъ какія могъ справки въ Русскомъ Археологическомъ Институтѣ и у д-ра. В. П. Щепотьева, который нѣсколько лѣтъ назадъ ѣздилъ на Майнось и теперь любезно сообщилъ мнѣ различныя свѣдѣнія. Многихъ источниковъ въ Константинополѣ нельзя было достать, и лишь по пріѣздѣ въ Москву удалось собрать и перечестъ касающуюся некрасовцевъ литературу. Пользуясь ею и, главнымъ образомъ, новымъ трудомъ П. П. Короленка, давашаго обстоятельное вслѣдованіе вопроса, мы попытаемся вкратцѣ напомнить исторію интересующихъ насъ казаковъ.

Изстари люди, недовольные Московскимъ государствомъ, выселились на Кубань и въ окрестныя земли. Эмиграція, въ связи съ преслѣдованіемъ раскола, особенно усилилась послѣ 1688 года, а

въ 1690 на рѣчкѣ Аграхани за Терекомъ образовался уже крѣпкій оплотъ переселенцевъ, которые вели свободную веселую жизнь, приманивавшую отовсюду много народа..

Въ 1708 году вспыхнулъ на Дону бунтъ Булавина ¹⁾, несмотря на первоначальный успѣхъ, скоро усмиренный княземъ Долгорукимъ ²⁾. Одинъ изъ ближайшихъ атамановъ Булавина, Игнатъ Некрасовъ, принужденъ былъ вмѣстѣ съ 2000 казаковъ ³⁾ искать убѣжища на Кубани, гдѣ поддался крымскому хану, вассалу Султана. Казаки вынесли съ Дона ненависть къ Россіи и въ союзъ съ татарами часто и безпощадно грабили и избивали населеніе украинскихъ русскихъ городовъ ⁴⁾, при чемъ особенно усердно забирали церковную утварь ⁵⁾, чтобы украшать ею свои храмы. Русскіе, въ отвѣтъ, водили на кубанцевъ калмыковъ, и вражда такимъ образомъ росла. Уже послѣ Прутскаго похода казаки окончательно укрѣпились за Султаномъ, а послѣ 1736 г. появилось и официаль-

¹⁾ Бунтъ произошелъ въ защиту права допцовъ давать пристанище бѣглымъ, но подкладка его была отчасти и религіозная, по крайней мѣрѣ такъ заявляла прокламація Булавина. См. Соловьевъ Т. XV, стр. 244. Субботинъ, И. Б. Е., 319. Въ пѣсняхъ сбор. Кирѣев., вып. 8 стр. 72 казаки такъ обращаются къ Долгорукому:

„Ты спасибо, нашъ батюшко,
Поилъ, кормилъ, берегъ и жаловалъ!
Ты въ одномъ же на насъ, батюшка, прегнѣвался:
Захотѣлъ старикамъ усы-бороды сбрить
И молодыхъ дѣтей въ солдаты брать“...

Нѣкоторую роль въ возбужденіи, вѣроятно, игралъ и Мазепа. Въ 1707 Булавинъ ѣздилъ въ Сѣчь и привелъ оттуда партію запорожцевъ. См. у Славяновскаго.

²⁾ Вратомъ князя Юрія, погибшаго въ первой стычкѣ съ допцами.

³⁾ Соловьевъ XV, 265. Въ Сѣвер. Пчелѣ 1828 приводится число семей, вышедшихъ съ Некрасовымъ, 600, а общее число некрасовцевъ съ послѣдующими выселенцами дается 7000—8000. (Это же повторяетъ Короленко). Вымысломъ представляется поэтому пѣсня, сообщающая объ Игнатѣ:

Опъ ушелъ, увелъ 40 тысячей,
Кромѣ старыхъ, кромѣ малыхъ,
Молодыхъ ребать, малыхъ дѣтушекъ.

См. у Кельсиева и у Ганька (Буковина). Ср. также въ пѣсняхъ собр. П. В. Кирѣевскимъ, вып. 8, М. 1870, стр. 71.

⁴⁾ Мельниковъ, стр. 469, сообщаетъ, что Петръ I въ 1710 г. посылалъ Ахмеду III особую жалобу на некрасовцевъ.

⁵⁾ Славян. Сборникъ, 1875 г..

ное названіе турецкаго „кубанскаго войска“. По Кючюк-Кайнарджійскому миру 1774 года Крымъ сталъ независимъ отъ Порты и всѣ кубанцы сдѣлались прямыми подданными Хана. Положеніе не-
 красовцевъ—враговъ Россіи—подъ властью ея зависимаго союзника
 оказалось крайне непрочно. Они попробовали получить разрѣше-
 ніе возвратиться на родину, но Государственный Совѣтъ нашелъ,
 что со стороны Россіи это было бы нарушеніемъ принятыхъ на
 себя по отношенію къ хану обязательствъ, и ходатайство было
 отклонено. Послѣ этого казаки уже неизмѣнно держали сторону
 Турціи и поддерживали Девлетъ Гирея противъ русскаго ставлен-
 ника Шагина Гирея. Впослѣдствіи русскіе (въ томъ числѣ Потем-
 кинъ), понимая политическое значеніе некрасовцевъ, дѣлали неодно-
 кратно попытки ихъ привлечь ¹⁾, но было уже поздно. Ханъ крым-
 скій, обвиняя ²⁾ некрасовцевъ въ смутахъ на Кубани, въ 1777 году
 приказалъ переселить ихъ въ Крымъ; съ этимъ казаки никакъ уже
 не могли примириться и въ одну ночь въ количествѣ 3000 перешли
 на лѣвый берегъ Кубани. Часть ихъ въ 1778 году моремъ пере-
 плыла въ Добруджу, на рѣчку Дунавецъ, гдѣ имъ пришлось жить
 рядомъ съ запорожцами, явившимися въ Турцію послѣ разрушенія
 Сѣчи въ 1775 году драгунами Текелія ³⁾. Другая часть тоже лишь
 временно медлила за Кубанью. Русскіе предпринимали безуспѣшныя
 посольства, чтобы убѣдить ихъ остаться, но 24 іюня получили изъ

¹⁾ П. П. Короленко приводит 6 такихъ попытокъ.

²⁾ Вообще же ханы, какъ и турки впослѣдствіи, благоволили къ некрасов-
 цамъ. Вагон de Tott говоритъ въ своихъ мемуарахъ (1785 г.), что во время
 похода 1769 онъ былъ свидѣтелемъ, какъ Игватъ-казаки со своими зелеными
 значаками окружали священное знамя Пророка и Хана (Скальковскій).

³⁾ Повторяя осторожное изложеніе г. Короленка, мы должны признать,
 что для насъ непонятно одно противорѣчіе, которое обходитъ въ своей статьѣ
 цитируемый авторъ, не сопоставляющій прямо двѣ даты: 1775—разореніе Сѣчи
 и выселеніе запорожцевъ на Дунай, и 1778—переселеніе некрасовцевъ. Съ
 такой послѣдовательностью событій несогласно слѣдующее заявленіе Лупулеску
 (собственно, Антоновича, вѣроятно): К. С. 1889, № 1, стр. 123: „послѣ окон-
 чательнаго разоренія Сѣчи въ 1775 г., небольшая часть запорожцевъ перешла
 въ дельту Дуная... Мѣстность эта была уже въ то время занята перешедшими
 туда еще раньше съ Кубани... великорусскими казаками, известными подъ
 именемъ некрасовцевъ или Игватъ-хазаконъ“, также стр. 331. Не имѣя ни
 силъ, ни времени заниматься разрѣшеніемъ всѣхъ недоумѣній мы лишь доволь-
 ствуемся сводкой, гдѣ можно, существующаго матеріала съ указаніемъ на
 непрочность соединительныхъ швовъ въ другихъ мѣстахъ.

вѣстіе, что, несмотря на учрежденную блокаду берега, некрасовцы уплыли въ Анатолю. Разселились они у Трапезунда, Самсуна и Синона; впослѣдствіи остатки ихъ соединились, по словамъ Короленка, въ одно селеніе на рѣчкѣ Чаршамба, около Самсуна. Изъ Анатолиі скоро начались выселенія въ Добруджу. Отдѣльныя партіи переходили въ 1779, 1783 и 1784 годахъ, причемъ турецкое правительство отводило имъ земли у озера Разельмъ ¹⁾. Въ 2 селѣхъ набралось до 1600 домовъ ²⁾. Султанъ гарантировалъ своимъ новымъ подданнымъ свободу отъ налоговъ, право вѣроисповѣданія и самоуправленіе. Обязательной воинской повинности не было, но казаки, какъ настоящіе вѣроподданные, въ военное время сами выставляли до 3000 воиновъ, хотя активное участіе въ борьбѣ противъ русскихъ засвидѣтельствовано лишь одинъ разъ въ 1791 году ³⁾.

Замѣтимъ, что съ Кубани вышли не всѣ казаки; тамъ осталось ихъ 15 шалашей; на приглашеніе русскихъ вернуться они отвѣтили отказомъ, говоря, что находятся подъ присмотромъ черкесовъ, которые не допустили бы ихъ двинуться назадъ ⁴⁾.

Что касается до обитателей Чаршамбы, то они впослѣдствіи стѣсали себя печальную извѣстность отвратительнымъ промысломъ—охотой на русскихъ, которыхъ продавали въ плѣнъ ⁵⁾. Послѣ 1878 года ⁶⁾ часть ихъ выселилась въ Россію и теперь живетъ

¹⁾ Разинъ, по казачьей терминологіи, приуроченной къ мѣсту о подвигахъ (Стеньки В. Г. Короленко, Рус. Бог. 1897. № 11, 151.

²⁾ Сѣв. Пчела: Въ 1809 въ Дунавцахъ 1200, въ Сарыкѣхъ 400.

³⁾ Кельсиева (стр. 432) всѣ майносы увѣряли, что на войнѣ казаки въ казачьихъ не стрѣляютъ: „они черезъ насъ палятъ, а мы черезъ нихъ“; другое дѣло москаль, онъ аскеръ (солдатъ), и съ нимъ битися можно. Срав. у П. П. Короленка (27) рассказъ о дружбѣ некрасовцевъ съ терцами, которыхъ они во время осады ободряли, дѣлая предъ крымцами видъ, что сражаются.

⁴⁾ Скальковский: около 100 семействъ остались на Кубанской сторонѣ у Сунгорского залива.

⁵⁾ Скальковский. Въ 793 г. занорожскій полковникъ Савва Бѣлый поймалъ знаменитаго Андрея Мазанова, который, не считая убитыхъ имъ русскихъ, 11 человекъ продалъ черкесамъ. Интересный рассказъ о его дѣятельности у Короленка (65—69).

⁶⁾ По поводу промежуточной исторіи ихъ, неизвѣстной Короленку, мы можемъ привести цитированную у Ламанскаго статью: „Еще одна русская колонія въ М. Азіи“, въ газетѣ Кавказъ 1856 (смотри библиогр. въ концѣ); намъ, къ сожалѣнію, она была недоступна (въ Румянц. библ. журналы лишь съ

въ с. Высокомъ Даховскаго участка Черноморской губ. Посѣтившій ихъ П. П. Короленко говорить, что хотя они и слывуть подъ именемъ „москѡвъ“, однако совершенно утратили національность и знаютъ лишь по-турецки. Интересно было бы болѣе подробно изслѣдовать ихъ этнографическій типъ, бытъ и нарѣчіе.

Что касается Добруджи, то тамъ съ самаго же начала у некрассовцевъ возгорѣлась вражда съ запорожцами, въ лицѣ которыхъ они, сами будучи раскольниками, ненавидѣли православныхъ. Постоянно происходили кровавыя стычки изъ-за мѣстъ рыбной ловли ¹⁾. Украинцы были обязаны нести военную службу Султану, а казаки некрассовцы лишь добровольно поддерживали въ себѣ старый духъ, и не мудрено, что благодаря перевѣсу дисциплины и навыка, запорожцы одерживали верхъ. Хотя и игнатовцы одинъ разъ вырѣзали малорусское селеніе ²⁾, однако въ концѣ концовъ запорожцы правильнымъ походомъ взяли некрассовскую крѣпость Дунавецъ въ 1814 году ³⁾, послѣ чего уже нельзя было оставаться некрассовцамъ на мѣстѣ, и они получили разрѣшеніе выселиться къ устью Марицы ⁴⁾, на эносскій заливъ, гдѣ основали 7 большихъ селеній.

1862 г.) что касается до Rollier, то, на нашъ взглядъ, его свѣдѣнія о пресловутомъ селеніи Saporogi, у устья Кызыль Ирмака, гдѣ онъ лично не былъ, весьма смѣшны. Врядъ ли тутъ дѣло идетъ о „запорожцахъ, выселившихся послѣ бѣгства Мазепы“, а, вѣроятно, авторъ просто слышалъ о Чаршамбѣ и слово „казакъ“ перетолковалъ по-своему. Относительно статьи Астафьева см. библиографію.

¹⁾ „До прихода запорожцевъ, устья Дуная и восточная Добруджа были заняты некрассовцами, и вотъ, когда въ концѣ прошлаго столѣтія появились въ дунайской дельтѣ запорожцы, между ними и некрассовцами, смотрѣвшими на себя уже какъ на хозяевъ мѣстности, неминуемо должны были произойти столкновенія“. Лупулеску. 331.

²⁾ Любопытно, до чего сильна была всегда ненависть запорожцевъ къ „липованамъ“, т. е. позднѣйшимъ переселенцамъ, присоединившимся къ некрассовцамъ. Не особенно давно еще жилъ въ Добруджѣ „одинъ пенелыный, таѣ-непоказывый соби чоловичокъ, то було якъ зйдувся, той каже: „я, каже, не багачко (немного) липованъ выривавъ — тильки девятнадцатеро, а ще мою одного заризати до двадцати... Тай й добре ихъ ризать: унявъ за бороду, голову одигнувъ назадъ та й чыкнувъ“... Лупулеску, К. Стар. 1889 г., «евр.», стр. 333.

³⁾ Кондратовичъ 31—39, Лупулеску. 123.

⁴⁾ Слав. Сборникъ 1875 г. сообщаетъ, что часть прямо стѣпавилась на Майнессъ.

Во время войны 1828 года некрасовцы выставили 2500 всадниковъ; между тѣмъ, какъ они находились въ отсутствіи, турецкая крѣпость Энось была взята Мухановымъ, который былъ встрѣченъ затѣмъ въ казацкихъ селеніяхъ съ хлѣбомъ-солью. Однако не успѣли русскіе уйти, какъ некрасовцы, забравъ все, что могли, сожгли свои 7 деревень, а сами выселились въ Анатолію, на этотъ разъ на озеро Майнось ¹⁾, подъ Бруссой, куда къ нимъ присоединилась и возвратившаяся съ войны часть.

Такъ повѣствуютъ о возникновеніи Майноса воспоминанія Садыка Паши, которымъ слѣдуетъ г. Короленко. Правда, всѣ свѣ-

¹⁾ См. К. С. 1892 г., августъ, стр. 258; Рус. В. 1866, июнь, 422. Въ разрывъ со всѣми другими источниками идутъ тѣ свѣдѣнія, которые мы находимъ у г. Астафьева („Прир. и Люд.“ 1898, № 26). Онъ говоритъ, что большая часть некрасовцевъ выселилась съ Эноса въ 1827 г. къ устью Кымыль Ирмака и образовала тамъ селеніе „Бинъ-эвле (читай эвле)“ (sic). Казаки же, не входившіе въ эту „тысячу домовъ“, раздѣлились на 2 части: одна осталась на прежнемъ мѣстѣ на Энось, а другая, и самая меньшая изъ всѣхъ трехъ, образовала „деревушку“ Майнось. Было бы очень заманчиво объяснить такимъ выселеніемъ на Кымыль Ирмакъ громадное уменьшеніе числа домовъ, которыхъ на Добруджѣ было 1600, тогда какъ въ 60-ыхъ гг. осталось на Майнось лишь около 300 семей. Но во 1-ыхъ около 1000 душъ въ 1830—1 вернулось въ Россію (Скальковскій), во 2-хъ не всѣ выселились съ Дунавца и „некрасовскій корень“ и до сихъ процвѣтаетъ въ Добруджѣ (ср. В. Г. Короленко), а въ 3-ихъ, мы имѣемъ объясненіе сокращенія населенія въ страшныхъ опустошеніяхъ чумы, которымъ подвергся Майнось (см. у Кельсеева и Ламанскаго). По поводу второй группы г. Астафьевъ замѣтитъ, что Чайковскій, посѣтившій Энось въ 1841 г. говоритъ что всѣ села были выжжены некрасовцами при выселеніи; слѣдовательно въ концѣ концовъ на Энось никого не осталось. Что касается до названія „Бинъ-Эвле“, то всѣ безъ исключенія источники даютъ его именно Майносу; двухъ селеній въ 1000 домовъ не могло образоваться уже потому, что и на Дунаѣ было лишь 1600 семей.. О выселеніи такого значительнаго числа подъ Самсунъ не могло бы не сохраниться воспоминаній, между тѣмъ какъ, напр., о выселеніяхъ изъ Анатоліи въ Добруджу у насъ есть прямые свидѣтельства. Далѣе Чайковскій непремѣнно воспользовался бы такимъ богатымъ копилкаемъ для комплектованія своихъ полковъ, а между тѣмъ онъ ни слова не говоритъ о селеніи, списываемомъ г. Астафьевымъ. Все, на что мы можемъ еще согласиться, это, что до настоящаго времени могли сохраниться остатки прежней Чаршамбы, но и это не обязываетъ принять насъ всѣ расказы о православныхъ, женатыхъ на мусульманкахъ и т. д. Все это требуетъ большей доли вѣры, нежели та, которой мы располагаемъ и, право, въ виду общаго характера указанной статьи (см. библи.), mallet errare cum Platone...

дѣнія объ этомъ періодѣ не опираются на историческіе документы, но думается, что переселеніе все же должно было совершиться нѣсколько раньше. Некрасовцы теперь упорно относятъ его къ концу XVIII вѣка ¹⁾. Цитируемый Ламанскимъ (с. 23) Hamilton ²⁾, бывшій у казаковъ въ 1837 году, выражается неопредѣленно: „оказалось, что это казацкое поселеніе устроено Портою по взятіи Измаила русскими ³⁾“. Далѣе замѣтка другого путешественника Mc. Farlane ⁴⁾, о томъ, что во время войны 1828 г. Майноспы „выставили 160 всадниковъ, вооруженныхъ пиками и служившихъ въ иррегулярной конницѣ“, какъ бы указываетъ на то, что Майнось существовалъ и до войны, но въ меньшихъ размѣрахъ; отсюда и повинность его выражалась лишь въ небольшомъ числѣ ратниковъ ⁴⁾. Послѣ войны могло произойти окончательное переселеніе, а селеніе получить свое названіе „Бинъ эвли“ (по-тур. „имѣющій 1000 домовъ“), забытое въ настоящее время. Впрочемъ, все это наши личныя догадки. Во всякомъ случаѣ два главныхъ источника: Чайковский и Кельсіевъ ⁵⁾—въ общемъ согласны между собой. Записанный Кельсіевымъ со словъ одного казака разсказъ настолько интересенъ, что, мы не можемъ не привести его цѣликомъ ⁶⁾: „Сидѣли мы наперво, годовъ 50 тому на Дунавцѣ—я тебѣ все *по тонку* энтѣ разскажу,—сидѣли мы на Дунавцѣ, только тамъ было намъ непокойно. Одно, *Москаль* подступаетъ все ближе да ближе, а другое, отъ хохловъ окаянныхъ житя нѣтъ. Тамъ у нихъ энтѣ Сѣчь ихъ была, тоже значить отъ Москаля и они ушли, народъ буйный, разбойникъ народъ, злятся бывало на насъ, что мы старую вѣру держимъ, и что хозяйство у насъ хорошее, и воюють съ нами. Бои такіе бы-

¹⁾ См. О. Михаилъ (Душ. Ч. 1873), которому сообщали такой маршрутъ: Кубань-Анатолія-Дунай, а оттуда при Екатеринѣ II на Майнось. Воинъ (Н. Время) и Ганько (Буков.) передають разсказъ, что переселеніе состоялось въ концѣ XVIII ст. То же пришлось слышать и намъ. Ср. также Мельникова.

²⁾ См. библиогра. въ концѣ.

³⁾ Незвѣстно, про какое взятіе Измаила идетъ рѣчь: 1789 или 1809 года?

⁴⁾ Срав. это съ общей цѣнрой 2500 казаковъ, выставленныхъ некрасовцами согласно Чайковскому.

⁵⁾ Однако статья въ Слав. Сбор. 1875 г., вѣроятно, также принадлежитъ перу Кельсіева, а въ ней, какъ мы указывали, переселеніе на Майнось относится къ одному времени съ выселеніемъ на Энось.

⁶⁾ Рус. Вѣс., т. 63 стр. 421 и 422.

вали, что только Господи упаси. Старики и приговорили, уйдемъ дальше отъ Москаля и отъ запорожцевъ, и подали *разуваъ* ¹⁾; садразамъ (великій визирь) говорить: садитесь, говорить, гдѣ хотите. А тутъ межъ нами самими неурядъ пошелъ. Насъ было 2 села: Дунавецъ и Сарыкѣй. Дунавецъ весь пошелъ, а Сарыкѣй на половину остался оттого, что тамъ было меньше казацкаго корене ²⁾. Сарыкѣй и поное стоятъ тамъ, на лиманѣ на Разинѣ, гдѣ Степка Разинъ разбой держалъ; это по Стенькѣ и лиманъ такъ называется. Пошли дунавецкіе на Еносъ ³⁾ и большое село тамъ поставили и хорошо стали жить, и какъ завелся Еносъ, такъ что на Кара-Бурну ⁴⁾ сидѣли и что у Самсуна сидѣли, всѣ поразились, кто въ Сарыкѣй, кто въ Еносъ. А тутъ опять война, опять Москаль наступаетъ, энто, слышь, за Гречина стоитъ. Еносскіе-то и говорятъ: нельзя, говорить, сидѣть у моря, гдѣ Москаль съ кораблями ходитъ; перейдемъ, говорить, въ такое мѣсто, гдѣ насъ Москаль не найдетъ. Раздѣлился кругъ, одни хотять остаться, а другіе хотять переходить. Тогда не было со-

¹⁾ Турец. *аравахъ*—прошеніе.

²⁾ Происхождение отъ „векрасовскаго кореня“, а не отъ позднѣйшихъ припильцевъ составляетъ новый предметъ казацкой гордости. Сравни. напр. у Добруджанцевъ (В. Г. Короленко въ „Рус. Богатствѣ“). Эти два класса впоследствии различались въ полкахъ Садыка паши. Мвцкевичъ сообщалъ въ одномъ письмѣ: „Садыкъ имѣетъ разныя сотни, рядомъ съ украинскими, есть добруджанскія и кубанскія“ см. въ К. Стар. 1886, апрѣль, статьи „Миханъ Чайповскій и козачество“, стр. 774. Тѣ же слова казака подтверждаютъ справедливость мнѣнія г. Бв. (автора статьи въ Сѣв. Пчелѣ) относительно группировки населенія въ двухъ селахъ, вопреки позднѣйшему возраженію П. П. Короленко.

³⁾ Эносскій заливъ (на эгейскомъ морѣ), куда впадаетъ Марица.

⁴⁾ Мысль на Черн. морѣ на ю. в. отъ Константинополя. Селенія Кара Бурну и Дерконъ (заливъ въ сѣв. отъ Босфора), упоминаемые у Мельникова (П. Короленко о нихъ ничего не говоритъ), были, очевидно, крайними звеньями цѣпи векрасовскихъ поселеній въ Анатоліи и образовались послѣ выхода съ Кубани. Любопытно, что Мельниковъ наряду со всѣми ими называетъ Майносъ, хотя, къ сожалѣнію, не сообщаетъ источниковъ, почему онъ относитъ его возникновеніе къ этой эпохѣ. Кстати о Дерконѣ. М.-г. Веапан, Константинопольскій корреспондентъ Times, рассказываетъ намъ, что въ охотѣ наткнулся подъ Стѣеано (около станицы Кючюк-Чекмеджи) на селеніе русскихъ рыбаковъ, „которые жили тутъ круглый годъ“. Намъ не удалось провѣрить этого сообщенія, но думается, что это были майноесцы, которые обыкновенно рыбачатъ въ этихъ мѣстахъ.

гласія въ войскѣ: изъ-за вѣры раздоръ шелъ: одни были бурковцы, а другіе по старинѣ шли; бурковцы это значить, что за анимовскихъ владыкъ и поповъ стояли. Вотъ, которые хотѣли переселиться, побѣгли въ Цареградъ и подали садразаму *разуваль*, что хотятъ всё, дескать, казаки на Майнось, что они, дескать отъ всего круга просятъ. Садразамъ я подпиши. Началь народъ переселиться, кто хотѣлъ пошелъ, кто не хотѣлъ остался, а тутъ чума. Привязалась эта чума къ Майносу, мретъ народъ, опускается село, старики опять къ садразаму: прикажи апаша-афендей ¹⁾ еносскимъ къ намъ переселиться, а то совѣмъ пропадетъ храброе войско кубанское. Бились они, бились, хлопотали, хлопотали, постановили таки по своему: велѣно еносскимъ переселиться. Переселились они ²⁾, пожили тропшкн—опять чума... да вотъ съ тѣхъ поръ, Василій, и не оправимся никакъ; ты говоришь, Бинъ Эвли (тысяча домовъ), а насъ, развѣ со вдовыми, да съ сиротскими дворами дворовъ 200 ³⁾ наберется⁴⁾.

Во времена Кельсіева ⁴⁾ на Майнось все же было 5 церквей и столько же „селеній“ ⁵⁾, однако скоро число майносцевъ на много сократилось, вслѣдствіе выселенія 157 семей, составлявшихъ приходы трехъ церквей на островъ Маду около Коніи. Причиною явилось массовое движеніе изъ Россіи татаръ и черкесовъ послѣ крымской кампаніи ⁶⁾. Поселившись въ окрестностяхъ Майноса.

¹⁾ Т. е. паша-эевендизъ.

²⁾ На это есть и подтвержденія. М. П. Ганько въ своей статьѣ (въ „Букония“⁴⁾) говоритъ (мы переводимъ по-русски): „За Майносомъ прежде было еще 2 села казачихъ, изъ которыхъ одно называлось Еносъ, отъ Эносского залива, потому что тамъ раньше жили эти казаки. Но эти 2 села, равно какъ и часть Майносцевъ, въ 60-хъ годахъ пошли на Маду“. Отсюда очевидно, что переселеніе послѣдовало съ Эноса не разомъ, какъ сообщалъ Садыкъ, а согласно съ разсказомъ Кельсіева.

³⁾ Это ужъ преувеличеніе. На Маду вышло 157 семей, да теперь есть еще 150 домовъ.

⁴⁾ Былъ на Майнось въ ноябрѣ 1863 года.

⁵⁾ Вѣроятно, просто приходовъ.

⁶⁾ Черкесы издавна жили въ этихъ мѣстахъ.. Если взглянуть Садыку, то, въ его бытность на Майнось, казаки въ честь его рѣшили „погулять“, сѣли на коней, отправились, въ ближайшую черкесскую деревню, и скоро послышались выстрѣлы, а въ бинокль можно было даже наблюдать движенія противниковъ. Въ результатъ такого „гулянья“ на обѣихъ сторонахъ оказалось значительное число убитыхъ и раненыхъ. К. С. 1892 № 10.

эти повые пришельцы очень безнокоили казаковъ. Казаки купили казенную землю подъ Коніей за 300 тур. лир., но Султанъ велѣлъ взять лишь 100 лиръ, а 200 простить. Двигались переселенцы со всеѣмъ скорбомъ черезъ Брусу и находились въ дорогѣ 42 дня. Нездоровый климатъ оказалъ на нихъ губительное дѣйствіе и они довольно быстро вымирають ¹⁾).

Въ 1853 году извѣстный польскій эмигрантъ Чайковскій, перешедшій въ мусульманство и принявшій имя Садыкъ—былъ назначенъ главнокомандующимъ „оттоманскихъ казаковъ“. Мыслью его, какъ извѣстно, было оживить духъ казачества подъ властью Султановъ, въ жилахъ которыхъ течетъ славянская кровь ²⁾, и, создавъ мощную силу, воспользоваться ею для реорганизаціи славянскаго міра, которая всего лучше могла совершиться опять таки черезъ турецкихъ монарховъ, какъ не заинтересованныхъ лично въ дѣлѣ отдѣльныхъ народностей, и потому наиболѣе безпристрастно сумѣющихъ выполнить задачу. Извѣстно, что попытка Садыкъ-паша окончилась полной неудачей, и Гуссейнъ паша совершенно устранилъ изъ арміи славянскій элементъ. Въ эпоху формировація полковъ, привлечены были въ числѣ другихъ славянскихъ народностей и некрасовцы, вмѣстѣ съ добруджинцами и украинцами составившіе „Второй полкъ“. Кельсіеву (стр. 420) приходилось слышать жалобы майносовъ на притѣсненія Садыка, желавшаго преобразить въ аскеровъ (т. е. постоянныхъ солдатъ) славныхъ потомковъ „некрасовскаго кореня“, привыкшихъ отомывать воинскую повинность лишь въ „розмиръ“ (т. е. войну), а въ мирное время рыбалить. Несмотря на энергичныя воздѣйствія, вроде порки, къ которымъ прибѣгалъ Чайковскій, казаки въ 1864 году ³⁾ добились освобожденія отъ военной службы ⁴⁾ и

¹⁾ Подробности въ статьѣ Я. И. Смирнова.

²⁾ Султанъ Мурадъ былъ женатъ на сербской княжнѣ изъ рода Нѣговичей. Прахъ ея погребенъ въ Брусу.

³⁾ Славян. Сборникъ 1875 г. Въ 1864 году Султаномъ былъ Абд-уль-Азизъ. У г. Вожина, следовательно, ошибочно сказано, что это случилось при Абд-уль-Меджидѣ (1839—1861).

⁴⁾ Намъ непонятно сказанное у г. Вожина, что въ 1854 г. противъ русскихъ ходило съ Майноса 2 сотни, а въ 1877 г.—50 человекъ? Сраз. выше примѣч. 6 и ниже 2.

были приравнены ко всей остальной „райѣ“ ¹⁾, которая платитъ взаменъ этой повинности известный выкупъ („бедѣль“). Равняется онъ 2 „бѣлымъ“, т. е. 2 меджидіямъ (около 3 рублей) въ годъ съ каждой души мужеского пола ²⁾.

Новѣйшимъ событіемъ ³⁾ въ жизни Майноса было образованіе по соудству со старымъ некрасовскимъ селеніемъ новаго поселка, названнаго въ честь Султана „Хамидіе“, но въ просторѣчій извѣстнаго подъ именемъ „Вни Казакларъ“ (Новые Казаки). Составилось оно изъ переселенцевъ Дуная послѣ 1877-8 г., когда Добруджа отошла къ Румыніи ⁴⁾. Въ 1899 году селеніе это увеличилось новымъ притокомъ эмигрантовъ, не вынесшихъ румынскаго режима съ его военной службой и тяжелыми налогами ⁵⁾. Надо замѣтить, что Новые казаки ничего не имѣютъ общаго со Старыми, по своему происхожденію. Большой частью, это простые

¹⁾ Тогда же, вѣроятно, произошло отбраніе фирмановъ въ вольности и другихъ подарковъ, жалованныхъ Султанами; въ числѣ ихъ была и золотая булава, которую видѣлъ Сахидъ, сообщающій, что она была пожалована атаману Ивану Салтану за 1828 годъ. Срав. однако Рус. Стар. 1895 № 11 Стр. 155, къ портрету М. Чайковского, гдѣ пожалованіе Махмудомъ булавъ относится къ Неджибекому сраженію 1839 г., въ которомъ казаки удержали натискъ египетской кавалеріи.

²⁾ Такъ мы записали на Майносе. Вѣдом. 1897 г. № 101 сообщаютъ что прежде съ 15 лѣтняго возраста платили по 3 медж. а послѣ отъѣзда въ 1878 выставить солдатъ этотъ налогъ былъ увеличенъ до 10 медж. (?). Г. Воинъ (Н. Время № 6059) говоритъ, что платятъ по 9 меджидіемъ съ дома. Въ концѣ концовъ, получается приблизительно тоже, что и у насъ Разнится лишь система обложенія; нѣсколько странно, пожалуй, было бы взимать воинскій налогъ по домамъ.

³⁾ Не лишено интереса, что „пресловутый Ашинговъ, нѣвшій намѣреніе заселить черногорское побережье Кавказа казаками, не разъ пріѣзжалъ въ Майносъ и приглашалъ его обитателей вернуться въ Россію. Войсковой кругъ хотя немного и подозрительно отнесся къ этому предмету, но въ принципъ его не отвергалъ“. „Прир. и Люди“, 1895—6, № 1 Д-ръ. Елисейевъ. Последнее время къ Россіи замѣчается большое тяготѣніе.

⁴⁾ Ганько, Майноски казаки (въ „Буковнаѣ“): „Як... Добруджа дісталась під Румуна... казаки побачили..., що в Румунонъ вапі не наварить і втекли зараз під Турна“.

⁵⁾ В. Г. Короленко (стр. 163) остроумно объясняетъ эти выселенія, какъ бѣгство передъ „спокойнымъ приливомъ самоуваженной гражданственности и культуры“, столь страшной для остатковъ старинныхъ и отжившихъ вольностей, къ которымъ привыкли некрасовцы.

южно-русскіе переселенцы и бѣглецы, и лишь по недоразумѣнію именуются казаками.

Относительно религіи майносцевъ надо сказать, что хамидійны принадлежать къ непріемлющѣмъ священство, а Старые Казаки ¹⁾, хотя и признавали священство стараго рукоположенія, однако, съ того времени, какъ „утекъ“ послѣдній попъ Агаоодоръ, оставались безъ священника и безъ отправленія многихъ требъ, несмотря на всѣ поиски, сопряженные съ большими расходами. Я. И. Смирновъ рассказываетъ, напр., что посланные съ Мады побывали за Багдадомъ, на Аоонъ, въ Ликии, въ Египтѣ, на Кипрѣ, собрались бы и въ Абиссинію, если-бы добрые люди не отговорили,—но желаннаго старообрядческаго священника не нашли.

Некрасовцы ²⁾ часто бывали на Аоонъ, куда возили продавать рыбу. Такъ и въ мартѣ 1872 г. они явились туда, на сей разъ съ предложеніемъ одному изъ монаховъ о. Михаилу ѣхать къ нимъ во священники. О. Михаилъ объяснилъ, что это невозможно, и предложилъ лучше обратиться къ патріарху за правильнымъ постановленіемъ священника, и, какъ результатъ долгихъ увѣщаній, явилось требуемое прошеніе за подписью многихъ майносцевъ. На аудіенціи патріархъ хотя и пообѣщалъ на словахъ разрѣшить сохраненіе обрядовъ, однако по настоянію нѣкоторыхъ членовъ Синода объ этомъ не было упомянуто ни слова въ выданныхъ грамотахъ, и представителямъ аеонскаго духовенства, командированнымъ для ознакомленія на Майнось, не было позволено совершать таинствъ. Все это вызвало большое недовольство казаковъ, и безъ того не расположенныхъ къ греческой церкви. Произошелъ расколъ ³⁾, часть населенія предпочитала имѣть Австрійское священство ⁴⁾, идущее „отъ за-

1) Мельниковъ: Бѣглецы на Кубань были всѣ поповцы (469).

2) Душепол. Чтеніе, 1873 г. Любопытна вѣсь же характеристика прежнихъ майноскихъ священниковъ, изъ которыхъ каждый попадался прежде въ разныхъ преступленіяхъ: отъ кражи до побѣга за границу и двоеженства включительно.

3) Это была не рѣдкость на Майнось, такъ на Эвось еще были люди ужасавшіеся старшымъ и на ряду съ ними „бурковцы“ т.-е. приверженцы аеонскихъ поповъ, какъ это явствуетъ изъ вышеприведеннаго разсказа одного изъ казаковъ Кальсіеву.

4) Ср. Н. И. Субботинъ. Ист. бѣж. свящ. по смерти митрополита Павла, Рус. Вѣс. 1900, VII, 161—5, сообщаетъ о попыткахъ, которыя въ 1854—6 годахъ дѣлали „австрійцы“ для склоненія майносцевъ къ принятію ихъ священства.

прещенного митрополита Амвросія“, который установилъ въ 1841 г. новую іерархію, другая часть пожелала присоединиться къ едино-вѣрію и съ разрѣшенія Константинопольскаго патріарха послала въ Петербургъ начетчика Ивана Вошихина, который и былъ поставленъ во священники митрополитомъ Макаріемъ ¹⁾. Посольскій настоятель освятилъ церковь, а книги были получены изъ Московской единовѣрческой типографіи. Много вещей изъ церковной утвари пожертвовалъ Хлудовъ. Д-ръ Щепотьевъ цитируетъ интересное письмо, полученное патрархомъ Іоакимомъ III отъ русскихъ единовѣрцевъ, благодарившихъ его за милостивое отношеніе къ „обитателямъ Майноса, предки коихъ свободы ради своихъ обрядовъ, связанной соборными постановленіями 1667 года, оставили нѣкогда свою родину“.

Но вотъ 15 октября 1900 года умеръ о. Іоаннъ, и снова майносы остались безъ священника. Въ тотъ же день собраніе „старичковъ соборной церкви“ отправило настоятелю Пантелеймоновскаго подворья въ Константинополь, о. Мисаилу, письмо такого содержанія: „што Бога ради насъ сирыхъ ни оставляйтя. Оу насъ отецъ Іоанъ втри дни пріяставился бизныка и намъ никакова

Однако дѣло шло не особенно удачно и „въ виду особенной грубости (майносцевъ) и крайняго самоопинія, такъ какъ они считали себя наилучшими изъ вѣхъ старообрядцевъ, чистѣйшими хранителями древне-православія“. Въ той же статьѣ сообщается, что старопечатными книгами майносцевъ неоднократно пользовались различные партіи [раскольниковъ въ видѣ доказательствъ при спорахъ].

¹⁾ „Прир. и Люди“ 1901 г. № 42 сообщаетъ, что Св. Синодъ субсидировалъ майноскому о. Ивану 300 рублей. Надо, вѣроятно, разумѣть единовременное пособіе. О времени пребыванія майносцевъ въ Москвѣ въ 1879 г. мы нашли кое какія указанія въ „Церк. Вѣстникѣ“ (изд. при Спб. Дух. Семин.) 1879 г. № 25 (іюня 23), гдѣ со словъ „Нов. Вр.“ сообщается, что въ бѣлокриницкой епархіи присоединилось „40 номеровъ (т. е. домовъ) майносцевъ, получившихъ уже себѣ священника; что съ посвященіемъ единовѣрческаго кандидата, котораго ласково принялъ митр. Макарій, Майносы разобьются на 3 группы: 1) старыхъ бѣлопоповцевъ, 2) приверженцевъ австрійскаго священства 3) едино-вѣрцевъ; наконецъ, что въ Москвѣ одновременно пріѣхали какъ депутаты единовѣрцевъ, такъ и австрійцевъ, послѣдніе къ старообрядческому архіерею Автонію на совѣтахъ и сборомъ пожертвованій. Въ Мос. Вѣд. за май и іюнь 1879 г. намъ не удалось отыскать дальнѣйшихъ указаній о майносцахъ. Быть можетъ что нибудь есть о нихъ въ „Правосл. Обзор.“ 1879 г., которое осталось намъ недоступнымъ.

ответу ня далъ. Васъ Богым молимъ пысятитя нашу сирью церковь а нас низабутя Бога ради для священника а оу нас нарочитый есть толкя пыстынавлять молим вас для христіанских душ⁴.

Благодаря, главнымъ образомъ, хлопотамъ о. Мисаила, было получено отъ Синода необходимое разрѣшеніе на выѣздъ въ Россію для постановленія во священники упомянутого „нарочитаго“ избранника майносцевъ, до настоящаго времени исправлявшаго обязанности дьяка. Посвященіе его обошлось безъ особыхъ затрудненій, въ виду имѣющагося прецедента. Письмо о. Мисаила отъ 14 іюня, извѣщавшее казаковъ о томъ, что нѣтъ препятствій ѣхать дьяку въ Россію, было получено нѣсколькими днями раньше нашего посѣщенія майносцевъ, совпавшаго какъ-разъ съ проводами кандидата и двухъ выборныхъ. По возвращеніи въ Константинополь изъ поѣздки по М. Азіи мы узнали, что депутація уже выѣхала въ Одессу. Въ Москву депутаты Петръ Денисовъ и Ѳеодотъ Никулевъ вмѣстѣ съ дьякомъ Иван. Игн. пріѣхали 9 іюля, 29 состоялось посвященіе во діаконы, а 6 августа и во священники въ Храмъ Спасителя ¹⁾. 14 сентября майносцы уже пустились въ обратный путь, увозя съ собой многочисленные подарки разныхъ предметовъ, относящихся къ богослужевію, которыми ихъ обильно снабжали москвичи, какъ это намъ передавали въ Никольскомъ Единовѣрческомъ Монастырѣ, за Покровской заставой, гдѣ останавливались майносцы.

Что касается исторіи описанія Майноса, то первымъ посѣтившимъ казаковъ путешественникомъ слѣдуетъ, согласно В. И. Ламанскому, считать англичанина Hamilton, бывшаго у нихъ въ 1837 году и упоминающаго объ этомъ въ своемъ путевомъ дневникѣ ²⁾.

Вторымъ по времени посѣтителемъ (около 1841 г.) нужно признать извѣстнаго польскаго эмигранта Чайковскаго (впослѣдствіи, Садыкъ Паша), который даетъ въ своихъ Запискахъ весьма интересное и подробное описаніе Майноса (Кіев. Стар. 1892 г. № 9 и 10).

Довольно полный отчетъ о Майносѣ оставилъ и другой англичанинъ М^с. (Farlane), заѣзжавшій въ Эски Казакларъ въ 1847 году.

¹⁾ См. московскія газеты 7 августа и „Природа и Люди“ 1901, № 42, 679.

²⁾ Elys. Reclus, въ изданіи 1884, XV т. своей Géogr. Génér. еще держитъ свидѣній этого путешественника. Незавѣстно, на чемъ основано курьезное замѣчаніе Reclus, что казаки „уже славянизировались“ (591).

Въ его время населеніе деревни состояло изъ 500 мужчинъ съ семьями ¹⁾; школа хорошо дѣйствовала; въ ней было 5 учителей; священниковъ было 2. М^е. (Farlane) отмѣчаетъ существовавшія тѣсныя сношенія съ Дунаемъ и цвѣтущее состояніе деревни, несмотря на страшныя опустошенія, которыя на Майнось произвела чума.

Послѣдовательность дальнѣйшихъ описаній мы изложимъ въ библиографіи, а теперь, сообщивъ эти предварительныя замѣчанія, переходимъ къ разсказу о впечатлѣніяхъ нашей собственной недавней поѣздки на Майнось.

II. Поѣздка на оз. Майнось въ селеніе Хамидіе ²⁾.

(Ѣні Казакларъ).

Добывъ, какія могъ, предварительныя свѣдѣнія, я сталъ собираться въ путь. Для выѣзда въ провинцію надо брать, такъ называемое, тезкерэ (проходное свидѣтельство) изъ полицейскаго управленія въ Константинополь. Названное учрежденіе находится въ Стамбулѣ и носить въ народѣ названіе: „Эскі Забтіе“. Туда и направился я, чтобы, кстати, посмотрѣть обстановку турецкаго присутственнаго мѣста. Какъ только вошелъ я въ большой дворъ, гдѣ валялись собаки, бродили куры, копаясь въ мусоръ, и томились кучами чаевшіе движенія своихъ дѣлъ, для развлеченія долгаго досуга которыхъ пристроившійся тутъ же „кахведжи“ разносилъ маленькія чашечки кофе, такъ въ мои глаза бросился сразу синій русскій кафтанъ, надѣтый на красную рубашу, и черная шляпа, контрастировавшая съ моремъ фесокъ. Догадавшись, что это кто-нибудь изъ майносцевъ, я сейчасъ же подошелъ къ интересному субъекту и чуть не вскрикнулъ отъ удовольствія, увидѣвъ необыкновенно типичное „рассейское“ лицо. Знакомецъ мой также былъ радъ видѣть русскаго и, когда я сообщилъ ему о намѣреніи посѣтить ихъ деревню, онъ одобрилъ

¹⁾ Интересно сравнить это число всѣхъ обывателей съ тѣми 2500 (!) всадниковъ, которыхъ, по словамъ Чайковскаго, вносы выставили въ 1828 году. Кіев. Стар. 1892, № 9, 253.

²⁾ Вслѣдствіе недавности возникновенія, деревни Хамидіе вообще мало известна и не обозначена еще на большей части даже самыхъ подробныхъ картъ.

мой планъ, сказавъ: „Что-жъ, доброе дѣло, пріѣзжай, посмотри, какъ живемъ“. Разузнавъ, что было нужно, и попросивъ мужичка предупредить своихъ односельчанъ о моемъ пріѣздѣ, я простился съ нимъ и черезъ 2 дня въ 11 часовъ вечера по-турецки, т.-е. за часъ до захода солнца, уже стоялъ со своимъ товарищемъ на палубѣ маленькаго, турецкаго пароходика.

Нагрузка, которая, почему-то началась за нѣсколько минутъ до назначеннаго для отхода времени, тянулась очень долго: слабая лебедка еле подымала здоровыхъ буйволовъ, которые, вися на особомъ набрюшникѣ въ воздухѣ, какъ бы замирали отъ испуга. Наконецъ раздался желанный свистокъ, и мы тронулись. Пароходъ выходитъ изъ Золотого Рога, и Константинополь съ его минаретами и дворцами, освѣщенными послѣдними лучами солнца, мало-по-малу теряется въ вечерней тьмѣ. Выведя пароходъ въ море, капитанъ уже больше не заботится о его участи, а разстилаетъ свое „сѣжадѣ“ и, ставъ на него, долго шепчетъ арабскія слова намаза. Затѣмъ на мостикъ являются и другіе правовѣрные и также совершаютъ молитву. Европейцевъ, кромѣ насъ съ товарищемъ, нѣсколько грековъ и тотъ же мужичекъ, котораго я встрѣтилъ въ Эскі Забтіе. На сей разъ онъ съ женой; пріютившись у борта на носу, они завяты своимъ скромнымъ ужиномъ. Не желая возбуждать никакихъ толковъ среди турокъ, мы не подходимъ къ нимъ и лишь сверху умиляемся, какъ мужикъ чешетъ затылокъ, какъ баба кладетъ щеку на одну ладонь, а другой подпираетъ локоть; неподражаемые жесты, которые такъ не у мѣста среди этой толпы скученныхъ, какъ овцы, турецкихъ женщинъ, плотно закрывшихъ свое лицо. Всѣ мужчины мусульмане сидятъ отдѣльно, а нашъ знакомецъ, ничуть не смущаясь, очевидно, не хочетъ идти изъ женской части парохода, да и турки относятся къ этому вполне индифферентно: ужъ очень у русскаго мужичка добродушный и безобидный видъ.

Послѣ короткаго, но безпокойнаго отдыха на койкахъ, напоминающихъ ложе Гватемозина, насъ будятъ часа въ 4 утра, говоря, что мы приближаемся къ Бандерѣ¹⁾. Дѣйствительно, черезъ

1) Древ. Панормо—небольшой, но очень чистенькій городокъ на Мраморномъ морѣ. Отъ Константинополя на пароходѣ зды часовъ 7. Населеніе—7000 семействъ (?), изъ которыхъ половина греки и армяне. Есть англійское (оно же греческое) консульство, 3 аптеки, почта; строятся очень хорошее зданіе при-

полчаса мы уже у берега въ прелестномъ заливѣ, но до схода на землю еще не скоро: долженъ прійти докторъ для санитарнаго осмотра. Напрасно гудить свистокъ, которымъ капитанъ мнитъ вывести его изъ царства сладкихъ утреннихъ сновъ, нетерпѣливые пассажиры начинаютъ перелѣзать черезъ бортъ, чтобы немножко разгуляться по пристани. Лишь черезъ долгое время показывается на горизонтѣ желанная фигура мѣстнаго врача, и тотчасъ же начинается спускъ пассажировъ. Платимъ исколѣ-парасы за прохожденіе по пристани, подвергаемся таможенному досмотру, ждемъ битый часъ мюдира-эфенди для полученія пропуска на фотографическій аппаратъ, и лишь когда припугиваемъ жалобой, это важное лицо оказывается „давно“ уже пришедшимъ. Знакомца нашего съ Майноса мы уговаривали подождать насъ, обѣщая подвести, но онъ пожелалъ идти „полегоньку“ впередъ, и когда мы пріѣхали въ Хамидіе, то нашли уже его тамъ.

Найдя себѣ при помощи содержателя „казацкой лавки“, еврея изъ Румыніи, знающаго немного и по-русски, извозчика, торговавшій съ нимъ и закупивъ незатѣйливой ѣды для путешествія, мы еще довольно рано успѣли выбратъся изъ Бандермы и пустились въ путь. Сперва мы ѣхали по хорошему шоссе съ чуднымъ видомъ на чистенькій городокъ съ массой зелени и на синій, словно вправленный въ окружающія его горы, заливъ, но затѣмъ, свернувъ въ сторону, пустились прямо „цѣликомъ“ по неразработанному полю, подобныхъ которому мы въ этой сторонѣ встрѣчали не мало. Мѣстность довольно однообразная, если бы красивыя горы, затянутыя неуловимой, манящей дымкой ¹⁾ не видѣлись со всѣхъ сторонъ. Дорогой мы разспрашивали нашего „арабаджі“ Османа, оказавшагося прекраснымъ симпатичнымъ человѣкомъ, что за люди казаки изъ селенія Хамидіе, которое первымъ лежало на нашемъ пути. Онъ отзывался о нихъ одобрительно: „Люди правильные“ — „догру адамляръ“, только до вина большіе охотники.

существенныхъ измѣнъ. Идеальная гавань, защищенная отовсюду горами. Набережная — мѣсто прогулокъ вечеромъ — отлично содержится и устлана гранитными плитами. Лѣтомъ въ Бандерму навѣзжаютъ актеры и даютъ спектакли на греческомъ языкѣ.

1) Съ Майноса видна и вершина Брусскихъ горъ (Олимпъ Византійскій). До известной въ древности горы Иды отъ озера 134 версты. См. Ганько, Сел. жоз., 369.

Придутъ въ праздникъ въ городъ, напѣются и валяются, и бабы ихъ тоже пьяныя съ ними вмѣстѣ".—Какъ же османлы къ этому относятся: вѣдь они этого не любятъ?—"Пройдетъ, плюнетъ, да скажетъ: „домузъ гиби“ („какъ свинья"), вотъ и все". Вообще извѣстно, что всякія мелкія оскорбленія, ссоры не въ характерѣ степеннаго, грубовато-добродушнаго турка простолюдина.

Послѣ двухчасовой ѣзды показалось громадное озеро Майность или Маньясь¹⁾, какъ его иногда называютъ. Желтая, вѣроятно, отъ взвученнаго песка, поверхность его была прорѣзана синими полосами тамъ, гдѣ вѣтеръ подымалъ рябь. Съ виду оно было пустынно: не было замѣтно ни парусовъ, ни лодокъ, ни людей по берегамъ, однако строенія и вѣтряныя мельницы Хамидіе, въ народѣ и на картахъ, обыкновенно, называемаго Ыни Казакларъ, быстро вынырнули изъ-за поворота.

Подѣхавъ къ околицѣ, мы замѣтили толпу, разряженную въ праздничныя платья, такъ какъ въ этотъ день было воскресенье. Бабы обнаруживали обычное пристрастіе къ красному, мужики были въ парадныхъ жилетахъ, но по наружному виду толпа ничѣмъ не отличалась отъ нашихъ крестьянъ средней полосы: тѣ же обычные косоворотки, тѣ же безвкусыя платья, вытѣсняющія повсюду старинныя сарафаны, тѣ же смазные сапоги.

Мы окликнули народъ и попросили посмотреть деревню. Мужики отвѣтили на наше привѣтствіе сперва довольно нерѣшительно, такъ какъ наши фесы очевидно, смущали ихъ, но обращеніе тотчасъ измѣнилось, какъ только обнаружилось, что мы изъ Россіи. Лица повеселѣли, насъ благодарили за посѣщеніе: „вотъ спасибо, что пріѣхали, объ насъ вспомнили". Кто-то былъ отряженъ проводить насъ къ атаману, къ находившейся неподалеку хатѣ котораго мы и направились. Атаманъ, Григорій Силаевичъ, мужчина лѣтъ 35 на видъ, высокій, крѣпкій и солидный; длинная каштановая борода, свѣшиваясь на грудь, увеличиваетъ спокойное и важное выраженіе его строгаго и всегда нѣсколько потупленнаго лица. Онъ встрѣтилъ насъ у калитки и, узнавъ въ чемъ дѣло,

¹⁾ Древн. Милетополитесь. Озеро очень мало надъ уровнемъ моря (Reclus IX, 502). Размѣры его 10 вер. ширины, 15 длины (Ганько), или по Елизьеву 35×15 вер. Майность, равно, какъ и близлежащее озеро Аполлонія (Абулонтъ) имѣютъ общій стокъ въ море.

немедленно пригласилъ къ себѣ. Бабы принесли стеганое ватное одѣяло, разостлали его на завалинкѣ подъ навѣсомъ, придѣланнымъ къ крышѣ со стороны двора, и Григорій Силаевичъ, попросивъ насъ усѣсться на немъ, самъ помѣстился рядомъ. Вслѣдъ затѣмъ начали сходитьсѣ люди со всего селенія и размѣщаться вокругъ насъ на цыновкахъ, привѣтствуя каждый разъ сперва атамана, а потомъ и насъ. Многіе, особенно молодежь, смотрѣли на насъ съ любопытствомъ и съ поощрительной улыбкой слушали нашу русскую рѣчь.

„Ну, какъ живется у васъ?“ задаемъ мы первый и естественный вопросъ. „Да плохо, отъ турчина утѣсненіе большое“. „Что такъ? Вѣдь они народъ смирный“. „Да старый-то турчинъ больно хорошъ¹⁾“, подъ имъ и на Дунаѣ хорошо было, пока рамынъ не пришелъ“. Извѣстно, что Новые Казаки и переселились на Майносъ отъ тяжести румынскихъ налоговъ, главнымъ образомъ. Всѣ безпокойства, какъ оказывается, проистекають отъ „мухаджировъ“, т. е., тѣхъ бѣглецовъ и переселенцевъ магометанъ изъ Россіи и Болгаріи, которые со времени войны 1878 года, толпами стремятся въ Турцію и размѣщаются правительствомъ въ сосѣдствѣ съ Казаками. Всѣ эти турки, черкесы, татары, лезгинны люди голодные и въ борьбѣ за существованіе не брезгаютъ никакими средствами,—отъ мелкой кражи жалкой луковицы до убійства включительно. Ежегодный приливъ ихъ цѣлыми тысячами все болѣе и болѣе осложняетъ дѣло. Мухаджеры захватываютъ у казаковъ землю, отнимають рыбу и т. д. Мы видѣли парня съ только начавшей поджигать прострѣленной рукой, который пошелъ вынимать рыбу и встрѣтилъ одного изъ мусульманскихъ переселенцевъ. „Сперва то я не хотѣлъ было отдавать рыбы, а какъ онъ на меня съ ружьемъ бросился, я давай утекать; ужъ кинулъ все, а онъ все за мной, не далеко до деревни не добѣжалъ, онъ въ меня и выпалилъ“.

1) Таково всеобщее мнѣніе русскихъ выселенцевъ; объясняется оно, между прочимъ, легкостью турецкихъ налоговъ и вѣротерпимостью турокъ. Къ тому же турецкіе патріархальные порядки достаточно гармонируютъ съ нѣкоторой распущенностью и своевоіемъ нашихъ соотечественниковъ. Аналогичное заявленіе малоросса изъ Добруджи: „жылы мы у турка, якъ горобци у стриси“ Лупулеску, Рус. колон. въ Добруджѣ, Киев. Стар., 1889, № 2, 332. Также у В. Г. Короленка, 160, дунайскій некрасовецъ замѣчаетъ: „Вара у него (турка) собачья, а самъ добрага былъ“.

Мы спрашиваемъ, куда же жалуются въ подобныхъ случаяхъ, и намъ, для примѣра, рассказываютъ длинный рядъ турецкихъ инстанцій, которыя казакамъ пришлось пройти, чтобы выиграть дѣло по захвату земли одвимъ арнаутомъ. Сперва обращались въ Бандерму въ судъ, состоящій изъ каймакама, „азовъ да мухтарей“¹⁾. „Сидитъ въ тѣмъ дѣлѣ всѣ языцы“, какъ рассказывалъ атаманъ. Проигравъ въ первой инстанціи и затѣмъ въ мутессарифлыкѣ въ г. Баликесерѣ, казаки взяли „авоката“ и явились въ Бруссу къ „валі-пашѣ“. Однако и этимъ дѣло не ограничилось, пришлось сѣсть на „семин-де-феръ“, потомъ на пароходъ и уже въ Константинополѣ „ударить телеграфъ самому Салтану“; послѣ этого, наконецъ, вышло милостивое возстановленіе правъ. Фактъ этотъ, однако, исключительный, а въ большинствѣ случаевъ, казаки бросаютъ дѣло, проигравъ его въ Бандермѣ, такъ какъ не въ состояніи нести „судебныя“ издержки.

Мелкія дѣла разрѣшаются самими казаками на сходѣ или „кругѣ“, какъ его здѣсь называютъ. Сперва эсаулъ, ходя по деревнѣ, собираетъ народъ, говоритъ: „Атаманы-молодцы, ступайте въ кругъ вѣстей слухать“. Когда всѣ придутъ, атаманъ спрашиваетъ: „Слыхали, что эсаулъ кричалъ?“ Всѣ отвѣчаютъ, что слышали. „Ну, вотъ что, есть вотъ обида“ говоритъ атаманъ и затѣмъ „все поряду рассказываетъ, не тая“. Послѣ всеобщаго обсужденія дѣла, атаманъ задаетъ вопросъ: „господа старички, что-жъ будемъ дѣлать съ этими людьми“, и начинается склоненіе сторонъ къ мировой сдѣлкѣ, а въ случаѣ несогласія или непокорности, виновнаго передаютъ турецкимъ властямъ, однако послѣдняго, кажется, еще никогда не случалось, такъ какъ перспектива турецкой юстиціи не многимъ улыбается.

Мы переходимъ къ вопросу о податяхъ и узнаемъ слѣдующее: платятъ 1) налогъ, который казаки называютъ „ушуръ“²⁾, составляющій $\frac{1}{10}$ зернового хлѣба, 2) налогъ въ 2 „бѣлыхъ“, т. е. меджидія, на наши деньги 3 р. 20 за каждое лицо мужескаго пола, въ видѣ замѣны (бедѣль) воинской повинности, 3) 20% съ суммы, вырученной за продажу рыбы. Точное взиманіе налога достигается

1) а'за—по-араб. „члены“, мухтаръ—выборный представитель.

2) Т. е. бѣшюръ отъ арабскаго ашара—10. Такова этимологія, но мы записали у казаковъ $\frac{1}{8}$, и тоже теперь находимъ въ замѣткѣ Куб. Вѣд.

благодаря тому, что рыба продается гуртомъ въ опредѣленномъ мѣстѣ „балыкъ-пазаръ“. Этотъ сборъ идетъ въ пользу *Dette publique Ottomane*.

Главное занятіе населенія рыболовство. Земли у Новыхъ Казаковъ мало, скота также. На 180 семей приходится 70 лошадей и 70 штукъ рогатаго скота и 3000 дѣнюмовъ (или дилюмовъ) земли (около 222 десятины)¹⁾. Сѣять подъ плуги, получаемые съ Дуная²⁾. Большинство, какъ сказано, живетъ одной рыбной ловлей, на которую отправляются съ осени послѣ 15 сентября, и возвращаются домой лишь къ маю. Въ Майносѣ рыбы много, ловится она неводами и „вентирями“, извѣстнымъ круглымъ сварядомъ изъ сѣтей и обручей. Цѣны на рыбу слѣдующія: за 100 окъ (ока около 8 фунтовъ) щуки платятъ 30 левовъ (т. е. піастровъ), на русскія деньги 2 р. 40; за сазана платятъ до 60 піастровъ, а за сома 80—100. Сомъ вообще считается самой дорогой рыбой.

Желая пораньше добраться до Старыхъ Казаковъ, мы уже собрались было ѣхать дальше, но хозяинъ пригласилъ насъ попробовать его хлѣба-соли, на что мы, конечно, и согласились. Угощеніе состояло изъ мелкихъ сладкихъ сливъ, меда и сметаны съ чернымъ хлѣбомъ. Конечно, подана была и „мастика“—довольно пріятная на вкусъ анисовая водка, которую, обыкновенно, здѣсь запиваютъ водой. Насъ, не насилуovali потчиваніемъ, но сами не теряли золотого времени, и круговая чарка двигалась съ солидной скоростью. Нѣкоторые пункты того пути, который она проходила вдоль лавокъ избы, заслуживаютъ упоминанія.

Посадили насъ въ красный уголь, подъ образа, кстати сказать, довольно новаго происхожденія. По лѣвую руку отъ насъ сидѣлъ отецъ атамана, почтенный старикъ съ лысой головой и нависшими, какъ крылья, бровями. Онъ прежде неоднократно исправлялъ должность атамана, а теперь несетъ обязанности дьяка. Онъ одинъ изъ старѣйшихъ обывателей Хамидіе и переселился сюда уже 23

1) Свѣдѣнія, сообщенныя намъ казаками, оказываются невѣрными. М. П. Гавько въ своей статьѣ, посвященной хозяйству майносецевъ, говоритъ, что пришедшіе изъ Румыніи купили 6000 дѣнюмовъ (при перемѣрѣ 494 десятины) за 1000 лиръ. Итальянская десятина отличной земли обошлась 17 р. 42 к. Хуторянинъ, 1901, № 23., стр. 371.

2) Борозы, ввезенныя оттуда же, возбуждали всеобщее изумленіе мѣстныхъ жителей. *ibid*, 370.

года. Сперва онъ больше молчалъ, но потомъ, замѣтивъ, должно быть, что вопросы наши ни къ чему вреду не клонились, разошелся, и почти все сообщенное выше было записано съ его словъ.

Рядомъ съ нимъ помѣщался сѣдой, беззубый старикъ, чистый типъ раскольниковъ начетчика. Его крючковатый носъ, приподнятая бровь, недоувѣрчивый взглядъ, казалось, каждую минуту вопрошали: „Ну, а это какъ опровергнете? Что вы на это отвѣтите?“ Человѣкъ онъ очень тонкій и большой любитель политики: первымъ дѣломъ спросилъ насъ о положеніи Китая; многое изъ русской жизни было уже извѣстно ему: Богъ знаетъ, откуда дошли до него слухи и о студенческихъ дѣлахъ, и о графѣ Толстомъ. Своихъ убѣжденій держится крѣпко даже въ мелочахъ: тогда какъ другіе, напримѣръ, не задумывались сниматься, онъ одинъ рѣшительно и демонстративно отказался, заявивъ, что „этого древній законъ не разрѣшаетъ“. На разспросы о вѣрѣ, онъ, подобно большинству старообрядцевъ, сказалъ: „вѣра наша—старинное православіе“, и затѣмъ объяснилъ, что греки еще до принятія отъ нихъ русскими христіанства исказили его; а что вѣра, къ которой онъ принадлежитъ, какимъ-то образомъ восходитъ къ древнѣйшимъ временамъ, минуя византійское посредство. Въ общемъ, получался фантастическій мистъ, гдѣ имена папъ, греческихъ царей и неизбежнаго Наполеона, были смѣшаны въ безпорядкѣ. Прощаясь съ нами, онъ сообщилъ, что скоро съ нѣкоторыми другими односельчанами собирается выселиться, что уже возвратился хожалый, и что земля найдена гдѣ-то за Антакіей (Антиохіей) у Скендеруна (зал. Александретскій), „кто его знаетъ, Ляксандрія то, или другое мѣсто. Сказываютъ только, что арапы живутъ“. И затѣмъ, какъ-то задумчиво взглянувъ въ сторону, добавилъ: „жить здѣсь тяжело“. Грустно было смотрѣть на этого стоящаго уже на краю могилы человѣка, который обреченъ еще на долгія скитанья по чужой землѣ, на всякія невзгоды и волненья въ поискахъ обѣтованной страны, гдѣ можно спокойно исповѣдывать это наивное „старое православіе“.

Былъ среди присутствующихъ человѣкъ, нарядомъ своимъ рѣзко отъ другихъ отличавшійся. На немъ была синяя куртка и особая типичная шляпа, какую у насъ носятъ странники. Недоставало лишь посошка, ранца, да жестяного чайничка для полноты картины. Оказался онъ бывшимъ русскимъ солдатомъ, послѣ

крымской компаніи, будто бы, оставшимся въ турецкомъ плѣну, откуда онъ вѣтѣхъ переѣхалъ на Дунай, разбогатѣлъ, завелъ хорошій домъ и скотъ. Нѣкоторыя неудачи въ связи съ румынскими налогами разстроили его хозяйство такъ, что онъ принужденъ былъ все распродать за гроши и водвориться на Майносѣ. Родомъ онъ былъ изъ Калужской губ. и очень обрадовался, когда я рассказалъ ему, что недавно проѣзжалъ мимо родныхъ его Сухиничей, разрастающихся въ важный торговый пунктъ. Онъ долго крестился, повторяя: „Дай-то Богъ“. Въ селѣ этотъ солдатъ несъ обязанности Балакирева, и одно уже появленіе его вызывало смѣхъ. Какъ только онъ увидалъ насъ, такъ немедля полились его, обильно пересыпанные шуточками, разсказы о какихъ-то давно умершихъ генералахъ „отъ афантеріи“, при чемъ онъ, какъ Ростковскій, время отъ времени спрашивалъ насъ, не доводилось ли намъ съ ними встрѣчаться. „Въ 1856 году дѣло было, пришли мы на пазицію, а командиръ (слѣдуетъ полное перечисленіе всѣхъ титуловъ), може его знаете, да! и говорить: играй въ штыки! Тутъ онъ кычъ рѣзанетъ картечью... и т. д.“ Въ концѣ концовъ, трудно было понять что-нибудь, но публика съ удовольствіемъ слушала, вѣроятно, чуть не въ сотый разъ эти повѣствованія бывалаго человѣка ¹⁾.

Въ заключеніе, упомяну еще молодого парня, бывшаго румынскаго солдата, которому не по вкусу припала военная наука, вслѣдствіе чего онъ отъ нея и далъ тягу на румынскомъ же пароходѣ. „Какъ же ты это ухитрился?“ спросилъ я и услышалъ въ отвѣтъ: „А деньги-то на что?“ Такіе переселенцы служатъ звеньями между Майносомъ и Дунаемъ, откуда, вѣроятно, и доходятъ всѣ европейскія новости, моды, пѣсни и т. д. Сюда парень явился „одинокъ, какъ палецъ“, но, кажется, скоро ожидаетъ пріѣзда еще какихъ-то родныхъ. Въ общемъ, несмотря на тѣсноту въ Хамидіѣ, притокъ новыхъ переселенцевъ продолжается безъ перерыва.

Намъ съ моимъ спутникомъ хотѣлось посмотреть деревню и, отблагодаривъ хозяевъ, мы въ сопровожденіи одного парня прошли по улицѣ. Стройка здѣсь обычная южно-русская: крытая соломой

¹⁾ Онъ же разсказалъ намъ про свою встрѣчу съ Садымъ-пашой (Чайковскимъ), который пріѣзжалъ въ 60-ыхъ годахъ въ Добруджу для формированія своихъ „оттоманскихъ казаковъ“.

и обмазанныя глиной съ известкой хаты. На крышѣ классическіе аисты или бѣсла, по-здѣшнему ¹⁾. По случаю воскреснаго дня видны гуляющіе парни. Нарядъ ихъ нѣсколько отличается отъ остальныхъ. Должно быть, для парада они надѣли высокія казацкія шапки и широченныя шаровары. Каждая группа конвоируетъ внушительную посуду, наполненную ракіей. Женщины, вообще, держатся въ сторонѣ, дѣвки при встрѣчѣ „стыдятся“. Впослѣдствіи мы слышали, какъ Старые казаки упрекали Новыхъ, что они позволяютъ бабамъ пить. Дѣйствительно, войдя по приглашенію въ одинъ домъ, мы застали такую картину: въ сѣняхъ на пустой боченокъ положена доска, уставленная огурцами, снѣтками ²⁾ и ракіей. У стѣнки мужикъ между двухъ посоловѣвшихъ бабъ; напротивъ еще двѣ, и тоже навеселѣ. Мужья же ихъ были сложены направо и налево въ лѣтней и зимней избахъ. Какъ ни старалась одна женщина разбудить одного изъ спавшихъ, чтобы онъ посмотрѣлъ „на русскихъ людей“, такъ и не добудилась. Въ этой же хатѣ показывали мнѣ письмо изъ Константинополя отъ переселенцевъ съ Дуная, которые, не распросивъ ничего хорошаго, двинулись въ Турцію и здѣсь были довольно долго задержаны. На берегъ ихъ не спускали, и мы, гуляя по набережной, часто видѣли ихъ грустные лица надъ бортомъ маленькаго турецкаго парохода. Только недавно переселенческая канцелярія отправила ихъ неизвѣстно куда въ глубь страны. Они то писали своимъ родственникамъ и послѣ всѣхъ обычныхъ „съ любовію низкихъ поклоновъ“ излагали свое горестное положеніе и просили о помощи.

Россія изъ нашихъ собесѣдниковъ никто не выдвѣдалъ, кромѣ стараго солдата, поэтому понятенъ интересъ, съ которымъ смотрѣли на пріѣзжихъ съ прежней далекой родины. На наше „здравствуйте“ вездѣ слышалось въ отвѣтъ ласковое: „здравствуйте и вы. Вотъ и спасибо, что заѣхали насъ провѣдать“ ³⁾.

¹⁾ У старыхъ казаковъ они называются „аисты“.

²⁾ Собственно не снѣтки, а маленькая сушеная рыбка „чиріосъ“.

³⁾ Какъ у Новыхъ такъ и у Старыхъ казаковъ мы встрѣчали повсюду ласковый пріемъ. Подчеркиваемъ это въ виду многочисленныхъ нападокъ на „жестокій нравъ“ майноцевъ. См. Субб. въ „Рус. Вѣс.“ 1900, Воинякъ и т. д. Кельсиевъ даже начинаетъ свою статью словами: „Уходить меня или не уходить, думалъ я, собираясь въ путь“... Ему однако пришлось скоро разубѣдиться въ своихъ опасеніяхъ, но Чайковскаго въ 1841, дѣйствительно, казали

Въ концѣ деревни стоитъ маленькая грязная, бѣдная церковь, а рядомъ съ ней колоколья, т. е. попросту навѣсь, подѣ которыми пріютилось нѣсколько жалкихъ колоколовъ. Такъ какъ ключей, быть можетъ, и умышленно ¹⁾, по близости не оказалось, то пришлось удовольствоваться осмотромъ черезъ пыльное, отливавшее всѣми цвѣтами радуги стекло окна, на подоконникѣ котораго видѣлась съ другой стороны масса бутылокъ. Мы рассмотрѣли въ глубинѣ ветхій деревянный иконостасъ; все въ церкви было убого и бѣдно, но насколько можно было судить, не отличалось отъ обычнаго порядка. Напомнимъ, что Ёни-Казакларъ безпоповцы, хотя сами называютъ себя просто исповѣдующими „древнее православіе“.

Въ разговорѣ съ хамидійцами мы спросили, не бывалъ ли кто на Мадѣ. Намъ назвали 2 казаковъ, ходившихъ туда. „Сказывали, сильно народъ мретъ; будто 25 семей только остается. Сказывали, они въ колодезь убитаго вѣдмея бросили, а кто говорить, надѣ турецкой могилой онъ выстроенъ: черезъ яво и смерть пошла“.

Общее вниманіе отъ видѣннаго нами селенія осталось такое, что матеріальное положеніе его не важно: вездѣ покосившіеся заборы, грязноватыя хаты, плохія соломенные кровли. Земля, очевидно, сосредоточена въ рукахъ у старѣхъ переселенцевъ, которые играютъ здѣсь роль нѣкоторыхъ аристократовъ ²⁾. Въ числѣ присутствующихъ у атамана мы не замѣтили многихъ казаковъ, такъ напр., отсутствовалъ нашъ знакомецъ изъ Эски Забтіе, о которомъ, вообще, отзывались нѣсколько презрительно, хотя мы въ разговорѣ съ нимъ не замѣтили никакихъ отличій его отъ односельчанъ. У Новыхъ казаковъ нѣтъ никакихъ историческихъ воспоминаній. Очевидно, предки ихъ сильно смѣшались съ позднѣйшими переселенцами, приходившими въ разное время изъ Россіи,

хотѣли было утопить, принявъ его за шпиона, и только заступничество уважавшаго его бѣлаго русскаго улана спасло его. Кіев. Стар. 1892, октябрь 108.

1) Старые казаки говорили, что хамидійцы не долюбиваютъ пускать постороннихъ къ себѣ въ церковь.

2) М. П. Гавько находитъ (статья въ „Буквинѣ“, что Новые казаки вообще культурнѣе Старыхъ. Это и понятно; все же большинство изъ нихъ видѣло порядки европейскаго государства, да и новые переселенцы вносили свѣжую струю, тогда какъ С. Казаки уже сколько лѣтъ живутъ на Майнось, почти отрѣзанные отъ другихъ мѣстностей и народностей. Зато снаружи старое селеніе выглядитъ гораздо зажиточнѣе и чище, чѣмъ новое.

и вслѣдствіе отсутствія общаго объединяющаго прошлаго не могло создаться и прочныхъ традицій и преданій.

Русскій типъ, конечно, хорошо сохранился, благодаря исключительности жизни и браковъ. Интересно, что Новые казаки взяли у Старыхъ замужъ до 10 дѣвокъ, а сами за нихъ никого не выдавали. Теперь, однако, всякіе браки между двумя селеніями прекратились. Старые казаки рассказывали намъ, что произошло это отъ того, что Новые плохо обращались съ своими женами и попрекали ихъ вѣрой.

Языкъ хамидійцевъ отразилъ на себѣ вліяніе народностей, которыми они были окружены еще въ Добруджѣ ¹⁾. По-турецки довольно многіе, особенно новые переселенцы, совсѣмъ не знаютъ.

За всѣми разпросами и осмотрами пришло время трогаться дальше. Передъ отъѣздомъ нѣсколько человѣкъ вольнодумцевъ сами пожелали сянться, хотя раньше было довольно много скептиковъ. Они подходили къ намъ говоря: „Сшиби меня, сдѣлай милость“. Аппаратъ всѣ съ любопытствомъ разглядывали и спрашивали о его устройствѣ, однако сами къ собиранію всякихъ свѣдѣній объ ихъ деревнѣ относились довольно недовѣрчиво. Многихъ занималъ вопросъ, что мы за люди. Старый солдатъ прямо началъ съ того, что спросилъ, узнавъ наши имена, „а какъ же величать васъ прикажете?“ Нашъ возница, Османъ, рассказывалъ, что и ему пришлось подвергнуться допросу о томъ, кого онъ везетъ.

Наступило прощанье, всѣ вышли за ворота и долго махали намъ руками, пока мы не скрылись за поворотомъ. На выѣздѣ намъ попался мужикъ на телѣгѣ. „Прощай, братъ“, крикнули мы ему. Онъ медленно посмотрѣлъ на насъ, подумалъ, отдалъ по-турецки честь и сказалъ: „Прощайте, добрый путь!“; видно было, что онъ больше повѣрилъ нашимъ турецкимъ фескамъ, чѣмъ русскому языку.

Промелькнули вѣтряныя мельницы, пошли поля съ разгуливающими по нимъ важными аистами, овраги, ключи для утоленія жажды путниковъ ²⁾, и скоро русское селеніе исчезло въ дали.

¹⁾ Прекрасную имитацию этого характернаго говора можно найти въ очеркахъ В. Г. Короленко въ „Рус. Богат.“.

²⁾ „Чешме“—которыхъ въ Турціи повсюду бездна. Обыкновенно они состоятъ изъ мраморнаго небольшого водоема и плиты надъ нимъ съ изреченіемъ изъ Корана. Сооруженіе ихъ считается благочестивымъ дѣломъ.

III. Поѣздка въ селеніе Эски-Казакларъ.

Отъ Хамидіе до селенія Эски-Казакларъ ѣзды часа три. Дорога, идущая по близости озера, проходитъ по довольно пустынной мѣстности. На всемъ ея протяженіи встрѣтилась лишь одна турецкая деревня, имѣвшая, благодаря запертымъ дверямъ, закрытымъ ставнямъ и отсутствію людей на улицѣ, — какой то мертвый видъ. Лишь ребятишки, шала и плескаясь у ключа, нѣсколько нарушали своими звонкими голосами общую тишину. Въ одномъ мѣстѣ мы видѣли высокій курганъ, верхушку котораго, очевидно, пробовали разрывать. Нашъ Османъ сообщилъ намъ, что подобный холмъ есть и на другой сторонѣ озера, что его раскопали недавно и нашли много старинныхъ могильныхъ остатковъ. Встрѣчныхъ намъ попадалось мало, да и тѣ на насъ посматривали подозрительно. Два юрюка, — такъ называются турки-кочевники, — въ яркихъ лохмотьяхъ ѣхали верхомъ впереди насъ, подгоняя верблюдицу съ дѣтенышемъ, и безпокойно оглядывались на насъ, пока не услышали отъ нашего возницы мирнаго: „Оурларъ олсунъ“.

Снова замелькали мельницы и дома, и Османъ предупредилъ насъ, что мы сейчасъ увидимъ зрѣлище гораздо болѣе интересное, чѣмъ у Новыхъ Казаковъ. Дѣйствительно, селеніе, въ которое мы теперь вѣѣзжали, имѣло гораздо болѣе благообразный видъ: улицы были широкія, хаты чистыя и крѣпкія, типы болѣе интересные. На краю деревни сидѣла группа турокъ, покуривая трубки; они указали намъ домъ по близости, гдѣ можно было найти казаковъ; оказалось, что насъ вѣправили въ трактиръ. Размѣстившись удобно на возвышеніи въ родѣ наръ, казаки играли въ карты. Мы вошли и отрекомендовались. Въ отвѣтъ раздалось обычное „милости просимъ“, и тотчасъ одинъ молодой парень вызвался проводить насъ къ атаману. Первымъ дѣломъ бросился въ глаза костюмъ нашего новаго знакомаго: на немъ были широченные шаровары изъ краснаго кумача съ золотымъ позументомъ на лампасахъ; грудь рубашки была прекрасно вышита, на головѣ надѣта была высокая валяная казацкая шапка ¹⁾. Мы свернули въ переу-

1) Обувались казаки, какъ и большинство престопагодня въ Турціи, въ подобіе нашихъ „опорокъ“. Эта обувь немало скандализировала принимавшихъ маѣносскую депутацію въ Москвѣ, и казакамъ немедленно были куплены сапоги.

локъ, по обѣимъ сторонамъ котораго тянулись бѣлые, какъ снѣгъ, домики; около одного изъ нихъ нашъ провожатый остановился и пригласилъ насъ зайти. Вокругъ чистаго дворика шель цвѣтничекъ; двѣ женщины вѣжливо отвѣтили на нашъ привѣтъ. Одной изъ нихъ—своей сестрѣ, нашъ проводникъ Иванъ Николаевичъ велѣлъ сорвать намъ по цвѣтку, что она и исполнила, скромно потупившись. Затѣмъ мы продолжали путь къ атаману, у котораго застали такую сцену: на низенькомъ крылечкѣ сидѣлъ человѣкъ въ стеганомъ бешметѣ, вытянувъ ноги. Рядомъ съ нимъ лежала трость въ родѣ тѣхъ, что у насъ носятъ обыкновенно священники, а съ другой стороны сидѣлъ молодой парень и что-то строчилъ въ большую книгу, которую держалъ на колѣняхъ. Лицо перваго было безстрастно, черты лица были нѣсколько азіатскаго склада, сидѣлъ онъ неподвижно съ какой-то восточной лѣзью, впечатлѣніе которой еще усиливалъ сильно косившій полузакрытый глазъ. Тутъ же стояло нѣсколько человѣкъ безъ шапокъ. Мы сразу догадались, что передъ нами атаманъ съ писаремъ и немедленно привѣтствовали власти предержащія. Однако не успѣли мы еще получить отвѣта, какъ произошелъ нѣсколько комическій эпизодъ. Изъ дверей хаты вышелъ казакъ навеселѣ и со смѣхомъ обратился къ намъ: „Ахъ, да это наши жидки изъ Бандорова (т. е. Бандермы)“. Нашему пріятелю стоило нѣкотораго труда разсѣять его сомнѣнія, на которыя навелъ его нашъ европейскій нарядъ и фески. Атаманъ между тѣмъ извинился, что занятъ собираніемъ денегъ за подорожную повинность и велѣлъ вести насъ къ дьяку. „У насъ сегодня торжество, говорилъ онъ, дьяка въ Россію въ попы ставить отправляемъ: у него всѣ казаки собрались“. Мы, конечно, охотно приняли предложеніе и опять вышли на улицу. Всюду видѣлись бѣлоголовые ребятишки, казаки въ расшитыхъ рубахахъ, босыя бабы въ повойникахъ съ монистами въ красивыхъ яркихъ кофтахъ съ распущенными широко книзу отъ локтя полосатыми рукавами, перехваченными выше широкой лентой¹⁾;

¹⁾ Я. И. Смирновъ о женскомъ нарядѣ замѣчаетъ (стр. 29): „о сходствѣ (его) съ древне русскимъ мы судить не беремся, но никакому сомнѣнію подлежать, кажется, не можетъ, что этотъ нарядъ остался неизмѣннымъ со времени ухода некрасовцевъ съ Дона“. О. Михайлъ передаетъ взглядъ самихъ казаковъ: „Тамъ (на Кубани) наши женщины усвоили одежду татарскихъ женщинъ“. См. фотографіи, прилож. къ статьямъ Я. И. Смирнова и К. Н. Смирнова.

слышался мягкій русскій говоръ. Все это было такъ странно и необычно, особенно, послѣ турецкихъ впечатлѣній.

Черезъ калитку мы проникли во дворъ, украшенный цвѣтами и поражавшій обычной чистотой. Направо была дверь, надъ которой висѣлъ маленькій мѣдный образокъ. Переступивъ порогъ, мы нашли въ сѣняхъ общество челоуѣкъ въ 10, сидѣвшее на циновкахъ на полу вокругъ низкаго столика, уставленнаго всякими яствами: суненой рыбкой, огурцами, маслинами и т. п. Конечно, кругомъ ходила классическая чарка. Хозяина дома не оказалось, но гости, узнавъ, что мы русскіе, тотчасъ посадили насъ на почетное мѣсто, поставивъ для насъ два табурета и покрывъ ихъ небольшими перинами. По обѣимъ сторонамъ отъ насъ сидѣли въ нарядныхъ стеганыхъ на ватѣ бешметахъ, украшенныхъ серебряными филигранными пуговицами по вороту и груди, два крѣпкихъ мужчины, лѣтъ по 50 на видѣ. Черты лица у одного такъ же, какъ и у атамана, напоминали что-то восточное; не даромъ Новые Казаки, провожая насъ, говорили: „Чтожъ, поѣзжайте посмотрите, какіе тамъ азіаты живутъ“. Очевидно, старинные кубанскіе браки оставили на типѣ населенія слѣды, которые затерялись у жившихъ на Дунаѣ, подъ вліяніемъ постояннаго прилива свѣжихъ русскихъ элементовъ. Другой нашъ сосѣдъ, лицо котораго было чисто-русскаго склада, очевидно, пользовался бывшимъ уваженіемъ; потомъ намъ сказали, что онъ долго былъ атаманомъ. Говорилъ онъ ясно, дѣльно и умно и вообще производилъ крайне пріятное впечатлѣніе. Оба эти казака были депутатами, избранными сопровождать дьяка.

Сѣни, въ которыхъ мы сидѣли, устроены были между зимней и лѣтней избой и изображали изъ себя нѣчто въ родѣ пріемной. По стѣнамъ были придѣланы полки, завѣшавшыя кумачемъ; на нихъ стояли иконы, разная посуда и т. д. Въ углу находился столъ, заваленный старинными церковными книгами, напоминавшій о томъ, у кого въ гостяхъ мы находились.

Вскорѣ пришелъ и хозяинъ, дьякъ Иванъ Игнатьевичъ ¹⁾, еще молодой брюнетъ, съ бѣгающими глазками и выраженіемъ „себѣ на умѣ“. Пошли разговоры о Стамбулѣ, о Россіи, Москвѣ, о нашей

¹⁾ Одна изъ московскихъ газетъ сообщала лѣтомъ, что ему 37 лѣтъ, а другая—44 года.

поѣздкѣ. Мы попросили дьяка показать замѣченную нами старую книгу, которая оказалась Кормчей¹⁾. Дьякъ особенно отгѣнялъ при чтеніи то мѣсто послѣсловія, гдѣ было сказано, что книга отпечатана въ 1550 году только въ числѣ 1200 экземпляровъ.

Какъ мы ни отпѣкивались, пришлось выпить за хозяина и присутствующихъ по стаканчику нарочно для насъ принесеннаго „легкаго винца“, оказавшагося коньякомъ. Общая чарка продолжала ходить²⁾, при чемъ тотъ, кто пилъ, приговаривалъ: „Христось посреди насъ“, а насъ научили отвѣчать: „и есть, и будетъ“.

Показавъ намъ письмо отъ настоятеля Пантелеймоновскаго константинопольскаго подворья, въ которомъ сообщалось, что къ выѣзду депутаціи въ Россію не будетъ препятствій, дьякъ всталъ, чтобы идти служить прощальную вечерню. Насъ также пригласили, и мы, перемѣнивъ всѣхъ смущавшія фески на предложенныя шляпы, отправились за толпой³⁾. Деревянная церковь, крытая черепицей, стоитъ посреди деревни; она обнесена оградой, въ предѣлахъ которой находится могила, покрытая деревяннымъ футляромъ въ формѣ обыкновенной двускатой крыши. Надпись гласитъ, что тутъ покоится прахъ „священнаго іерея о. Іоанна, преставившагося въ 1900 г.“, а внизу приписка попроще: „а такого-то числа умерла и бабушка Матрена попадья“. Рядомъ съ церковью маленькая колокольня-навѣсъ, на которой устроился съ семьей какой-то немзыкальный аистъ. Внутри храма мы могли замѣтить слѣдующія части: 1) алтарь, запертый со смерти о. Іоанна⁴⁾, 2) кли-

1) Много книгъ новаго происхожденія: онѣ были посланы Московскою едновѣрческою типографіей послѣ посвященія перваго о. Іоанна (ср. Щедотьевъ).

2) Во времена Кельсіева пила, какъ онъ говоритъ, ужасную ракію, теперь же ее замѣнила пріятная на вкусъ и не особенно крѣпкая анисовая водка (мастика), которую пьютъ, запивая или доливая въ стаканчикъ водой.

3) По старому обычаю большинство казаковъ ходитъ въ церковь съ непокрытой головой.

4) Намъ не пришлось, поэтому, побывать въ немъ, но мы приведемъ то, что сообщаетъ г. Воинъ, бывшій на Майноѣ еще при жизни священника. Онъ упоминаетъ, прежде всего, старинное распятіе, окованное узорнымъ серебрянымъ бордюромъ; „прислано (sic?) оно еще Игнатомъ“. Хотя оружіе и 3 старыя пуши были отобраны у некрасовцевъ турками, однако бунчукъ и хоругви остались и хранятся въ большомъ деревянномъ сундукѣ въ алтарѣ. „Игнатова хоругва“ представляетъ изъ себя квадратное красное полотнище съ изображеніемъ 6-конечнаго креста, по бокамъ котораго находятся звѣзды и

рось, отдѣленный иконостасомъ отъ той части, гдѣ стоятъ мужчины (3), и, наконецъ, 4) отдѣленіе для женщинъ, также съ иконостасомъ, но лишь поверху уставленнымъ иконами. „Оржаницы“, не принявшія молитвы черезъ 40 дней послѣ родовъ, и женщины, находящіяся въ періодѣ, должны стоять въ иритворѣ. Иконы старыя, почернѣвшія, унесенныя еще съ Кубани. Стѣны, конечно, безъ живописи; онѣ защищены „отъ мухъ“ четырехугольными платками восточнаго образца. Передъ образами горятъ, главнымъ образомъ, лампы, опускающіяся на шнурахъ, протянутыхъ по всей церкви. Вслѣдствіе отсутствія священника, служба велась сокращеннымъ порядкомъ и состояла изъ чтенія молитвъ и Евангелія. 2 раза дьякъ съ клирошанами („посовщики“ т.-е. пособщики) выходилъ „на Славу“ на середину церкви, и тогда начиналось громкое пѣніе, которому всѣ подтягивали. Напѣвъ, очевидно, очень старинный (поютъ здѣсь по крюкамъ) и, поражающій уши человека, не слыхивавшаго старообрядческаго пѣнія, страннымъ сходствомъ съ народными плясовыми. Служба продолжалась около получаса. Крестились всѣ, какъ по командѣ, усиленно махая руками. Старшіе стояли чинно и съ благоговѣніемъ, а ребятишки, какъ и у насъ въ деревняхъ, не очень заботились о благочиніи, такъ что для водворенія тишины со всѣхъ сторонъ слышались подзатыльники. Среди мальчиковъ бросался въ глаза одинъ лѣтъ 12, въ красномъ хорошемъ бешметѣ, рѣзко отличавшійся отъ сверстниковъ по типу. Потомъ намъ рассказали, что это чистокровный арабъ-сирота, котораго въ Сиріи отдала казакѣмъ сестра, желая избавить его отъ обращенія въ Исламъ. Теперь его принялъ кто-то изъ майносцевъ; мальчикъ совсѣмъ позабылъ свой родной языкъ, и казаки не отличаютъ его отъ своихъ ребятишекъ.

По окончаніи службы всѣ остались въ церкви, а мы занялись

полумѣсяцъ. Изъ полотнищу прикрѣплены длинныя (по 2 арш.) треугольныя разноцвѣтные концы изъ шелковой матеріи. Одинъ казакъ упоминалъ о какой-то „коронѣ“, но священникъ не могъ ея найти; при этомъ выяснилось, что ужъ съ „Пасхи ее не видали“ и что, вѣрно, она, подобно многимъ вещамъ и документамъ, утерялась на рукахъ у кого нибудь изъ казаковъ. Въ алтарь же, намъ думается, должна храниться пресловутая Игнатова книга, о которой г. Воинъ узналъ лишь послѣ осмотра церкви. Вообще нельзя огульно утверждать, что старинныя предметы и рукописи утеряны. Тщательные поиски у отдѣльных казаковъ навѣрно увѣнчались бы успѣхомъ.

осмотрѣть старыхъ книгъ и иконъ. Подошло еще нѣсколько казаковъ, и начались предварительные проводы. Дьякъ прослезился и не разъ подносилъ клѣтчатый платокъ къ глазамъ. Одинъ изъ депутатовъ обращаясь къ толпѣ, выставлялъ на видъ качества избранника и убѣждалъ просить его ѣхать въ Россію. Всѣ кланялись въ ноги, а дьякъ, по обычаю, отказывался, не забывая дѣлать довольно откровенные намеки по поводу вопросовъ частно-экономическаго характера. Было ясно, что задѣвались еще чьи-то интересы, потому что одинъ изъ присутствующихъ также хлопоталъ о прибавкѣ, указывая на потери, которыя онъ понесетъ при будущемъ порядкѣ вещей. Однако его скорѣ утѣшили какими-то обѣщаніями. Затѣмъ начались разные счеты и отчеты. Требовали денегъ съ тѣхъ, которые не додали, объясняли расходы по предшествующей поѣздкѣ, давая точныя разъясненія по всѣмъ пунктамъ: „тамъ-то, значится, купили 3 пирога—полтора лева“, и т. д. Въ уплату несли разнообразныя монеты; попались старинный русскій серебряный пятакъ и новевѣкій англійскій сикспенсъ, по поводу котораго мы были призваны высказать свое мнѣніе. Какую-то мелкую недохватку покрылъ атаманъ, размотавъ свой кошелекъ, вроде кисета.

Еще долго велись мало интересные разговоры, и мы вышли на церковный дворъ, гдѣ насъ окружила толпа ребятишекъ, съ просьбой „вышибить“ (сфотографировать) ихъ. Они долго и много разспрашивали насъ, всѣмъ интересуясь. Дѣти вели себя очень вѣжливо, хотя, навѣрное, многое въ нашемъ нарядѣ и манерахъ казалось имъ страннымъ. Почти никто изъ нихъ никогда не видывалъ русскихъ, несмотря на то, что нѣкоторые бывали въ Константинополѣ. Надо замѣтить, что почти все чтеніе въ церкви лежитъ на мальчикахъ, которые довольно бѣгло и внятно читаютъ „по верхамъ“. Замѣтивъ одного изъ нихъ, мы задали вопросъ: „сколько тебѣ лѣтъ?“—„10“. „А зовутъ какъ?“—„Никифоръ Ивановичъ“, съ достоинствомъ отвѣчаетъ онъ. „А васъ какъ?“ Мы удовлетворяемъ его любопытству. „А что, хорошая Москва?“ Разсказываю и спрашиваю, хотѣлъ ли бы онъ тамъ побывать. „Вѣстимо дѣло, хотѣлъ бы: не хорошо здѣсь“.—Чѣмъ же?—„Да, азіатчина“, очевидно, выраженіе старшихъ повторяетъ онъ. „А что, если въ Россіи мы будемъ жить, будемъ мы Царю служить?“—У насъ всѣ въ солдатахъ служатъ, и ты служилъ бы.—„Дай-то

Богъ⁴, какъ-то не подѣтски серьезно говорить онъ. Очевидно, что жизнь на чужбинѣ, обставленная странными условіями, далекими скитаціями на рыбную ловлю, въ которыхъ съ дѣтства принимаютъ участіе казаки, рано развиваютъ дѣтскіе умы, хотя дома нѣтъ никакого обученія, за отсутствіемъ учителя.

Населеніе Эски Казакларъ состоитъ пополамъ изъ единовѣрцевъ и изъ старообрядцевъ, принявшихъ австрійское священство. Австрійцы живутъ всѣ въ одномъ концѣ, и, насколько мы могли судить по виду и по разпросамъ, ничѣмъ, кромѣ вѣры, отъ остальныхъ казаковъ не отличаются. У нихъ есть своя церковь и священникъ. Въ высшей степени жалко, что намъ не удалось ихъ посѣтить: съ вечера было уже поздно, а съ утра, въ общей суматохѣ, мы какъ-то позабыли объ этомъ. Приходится откровенно сознаться въ такомъ важномъ пробѣлѣ. Розни религіозной между населеніемъ не замѣчается. Говоря о туркахъ и Новыхъ Казакахъ безпоповцахъ, старые переселенцы не могутъ удержаться отъ самыхъ крѣпкихъ русскихъ словечекъ по ихъ адресу ¹⁾, но ничего подобнаго не существуетъ по отношенію односельчанъ. Когда при отправкѣ дьяка мы разговаривали съ атаманомъ относительно вѣры, онъ подозвалъ одного изъ присутствовавшихъ тутъ же въ церкви и отрекомендовалъ его намъ, какъ австрійца, пришедшаго въ качествѣ зрителя. Кириллъ Игнатьевичъ также не имѣлъ ничего противъ посѣщенія нами австрійскаго священника, и визитъ не удался лишь по нашей забывчивости. Впослѣдствіи слышалъ я изъ одного посторонняго и достовѣрнаго источника, что не мало единовѣрцевъ склоняется къ австрійству вслѣдствіе того, что у нихъ жизнь вольнѣе, и священникъ смотритъ на все снисходительно. Періоды отсутствія правильнаго отправленія службъ и требъ, вродѣ переживаемаго единовѣрцами въ настоящее время, должны дѣйствовать въ томъ же направленіи.

Когда кончилось прощанье съ дьякомъ, атаманъ вышелъ изъ церкви и пригласилъ насъ къ себѣ. Сперва мы прошли по деревнѣ всюду встрѣчая ласковое отношеніе. Атаманъ, а, можетъ быть, санъ его, пользуется всеобщимъ уваженіемъ. Казаки, проходя снимали

¹⁾ Одинъ казакъ говорилъ намъ: „плохо намъ на томъ свѣтѣ достанется: ужъ больно мы ругаться здоровы“. Замѣтимъ между прочимъ, что сквернословіе, какъ сообщали г. Вожицу, составляетъ предметъ особаго запрета въ завѣщаніи Некрасова.

шапки, а бабы останавливались и отвѣшивали низкій поклонъ. Впрочемъ, послѣднее преимущество распространяется на всѣхъ мужчинъ. „Ежели эркекъ (по-тур. самецъ, мужчина) идетъ,—разсказывалъ намъ одинъ изъ майносцевъ,—иди себѣ съ Богомъ, а баба, баба стой. Ня то плохо“. Что же плохо? „Да ничаво, а только плохо“. Такъ мы и не добились отвѣта, хотя, сколько можно судить, съ прекраснымъ поломъ обращаются здѣсь строго. Старые некрасовцы смѣются вадъ Новыми, что у нихъ бабы пьютъ, и, дѣйствительно, въ этомъ отношеніи мы можемъ засвидѣтельствовать между обоими селеніями полную противоположность, такъ жена атамана — наша хозяйка — отклонила предложеніе выпить вмѣстѣ съ другими присутствовавшими вечеромъ за бесѣдой. Отъ старыхъ временъ сохранялись крутые семейные нравы. Д-ръ Щепотьевъ сообщаетъ, что въ русскую больницу не разъ привозили жестоко избитыхъ бабъ, надъ которыми произвели экзекуцію мужъ или свекоръ-батюшка. Возрастъ вступленія въ бракъ тотъ же, что и въ Россіи: для мужчины 18, для женщины 16, однако, денежные соображенія заставляютъ почти всегда откладывать его до болѣе поздняго времени. Характерной чертой состава населенія является очень значительный перевѣсъ числа женщинъ. Ею же, вѣроятно, объясняется и упомянутый выше фактъ выдачи дѣвоекъ замужъ отсюда въ Хамидіе, а не наоборотъ. Точныхъ цифръ, конечно, добыть нельзя, потому что мужчины со дня рожденія на счетъ для уплаты воинскаго налога, а бабьей статистикой никто не интересуется. Женщины, какъ и вездѣ, упорно тянутся къ старинѣ, оказывая нерѣдко значительное вліяніе на дѣла внутренней политики. Мы узнали, напримѣръ, что писарь только потому не выучился читать по-турецки, что этому рѣшительно воспротивилась его мать ¹⁾. Изъ разговоровъ съ бабами было ясно, что онѣ, главнымъ образомъ, хранятъ воспоминанія о Россіи и побуждаютъ мужчинъ къ переселенію туда. Онѣ же, какъ говорятъ, тормозятъ переходы въ австрійство. Такъ какъ главное занятіе населенія рыболовство, то женщины, мало занятія въ полѣ, работаютъ, большей частью, около дома: отсюда такая чистота и порядокъ въ хатахъ и искусство въ рукодѣліяхъ.

¹⁾ Писаремъ теперь служить молодой парень изъ казаковъ, а не баглыи полякъ, какъ при г. Воинѣ. Онъ также на жалованьи.

На улицѣ мы замѣтили 3 лавки, содержимыя греками, какъ и вездѣ сильно обдирающими честной народъ. Кромѣ нихъ да человекъ 5—6 вочныхъ сторожей изъ мусульманъ, все населеніе состоитъ изъ старыхъ кубанскихъ выселенцевъ. Есть, впрочемъ, семей пять, явившихся недавно съ Дуная, но онѣ уже поговариваютъ о скоромъ своемъ переселеніи.

Въ домъ къ Кир. Куз. мы пришли, когда уже совсѣмъ стемнѣло, и усѣлись на широкой заваленкѣ, устроенной подъ навѣсомъ, отдѣльно отъ дома, противъ калитки. Принесли керосиновую ¹⁾ лампу, и къ нашей компаніи скоро присоединились писарь и нашъ пріятель Ив. Ник. Появились неизбежныя напитки, но насъ уже не принуждали, и мы могли приступить осторожно къ разспросамъ, стараясь вызвать хозяевъ на разговоръ.

Дворовъ въ Эски Казакларъ оказалось 150, мужчинъ, включая всѣхъ дѣтей, около 350. Управление тоже, что и въ Хамидіе, та же турецкая юрисдикція и налоги, общая сумма которыхъ равна 21000 піастровъ, то же „ставленіе круга“, которое, однако, сопровождается большими формальностями. Къ вышеприведенной формулѣ созыва добавляется еще: „а кто не придетъ, на томъ столько-то левовъ войсковой приговоръ“. Подробностей неудобно было записать, такъ какъ казаки, вообще, относятся къ карманымъ книжкамъ съ большою недоувѣрчивостію. Мы же съ самаго начала должны были попасть въ нѣсколько ложное положеніе. Уже всякій пріѣзжій изъ Россіи долженъ возбуждать любопытство и фантазію, а тутъ какъ разъ было время проводовъ дьяка и всякихъ ожиданій и чаяній. Насъ неоднократно спрашивали, не изъ консульства ли мы, не офицеры ли, такъ что приходилось вести себя крайне осторожно, чтобы не вызвать нежелательныхъ толковъ. Впрочемъ, обрядъ „круга“ детально описанъ у Кельсіева и у Я. И. Смирнова; а такъ какъ казаки на Маду выселились съ Майноса, то слѣдуетъ предположить тождественность подробностей. Замѣтимъ, что майносы неизмѣнно величаютъ себя „кубанскимъ войскомъ“.

На Мадѣ же, какъ явствуетъ изъ того же описанія, находится

¹⁾ Керосинъ здѣсь, вообще, называется „газъ“.

²⁾ Атаманъ на жалованьи; онъ получаетъ въ годъ 20 тур. лиръ (около 180 руб.) (Вожинъ).

и знаменитая „насъчка Игната Некрасы“, т.-е. булава, о которой въ Эски Казакларъ намъ сказали лишь, что она затерялась неизвѣстно куда и что пришлось ее замѣнить новой. Обрядъ посыпанія земли на голову атамана со всякими пожеланіями при избраніи вышелъ изъ употребленія ¹⁾. Кир. Куз. сообщилъ, что не запомнить и „выдачи головой“, при которой осужденнаго велъ по улицѣ потерпѣвшій, спрашивая встрѣчныхъ: „Кому виновенъ этотъ человекъ?“ — и когда тотъ отвѣчалъ незнаніемъ, билъ выданнаго по лицу, приговаривая: „мнѣ виновенъ“. Вообще, очевидно, что старыя обычаи гаснутъ и вымираютъ, да и стоитъ ли грустить о многихъ изъ нихъ, жалко лишь, если ихъ не удастся записать, такъ какъ, врядъ ли, гдѣ еще уцѣлѣлъ остатокъ стараго русскаго быта, подобный майносскому.

На вопросъ, не уменьшается ли населеніе, мнѣ отвѣтили, что лихорадки, отъ которыхъ прежде много народу страдало, значительно сократились съ улучшеніемъ спуска изъ озера въ море ²⁾, по что дѣтей мретъ много. Климатъ на Майнось ³⁾ довольно мягкій, хотя зимой выпадаетъ снѣгъ вершка на четыре. Замѣтивъ между казаками, какъ и между османлы, не мало лицъ со слѣдами оспы, мы спросили, отчего ея не прививаютъ. „Да разъ отъ Царя пріѣзжалъ человекъ оспу прищеплять, мальчишкамъ 60 прищепилъ, а послѣ ихъ душъ 30 и померло“. (Замѣтимъ кстати, что Султанъ у Старыхъ Казаковъ неизмѣнно носитъ имя „Царя“). Въ послѣднія пять шесть лѣтъ большую роль въ оказаніи казакамъ медицинской помощи играетъ русская больница въ Константинополѣ, къ которой они относятся съ полнымъ довѣріемъ.

Языкъ Старыхъ Некрасовцевъ очень сильно пропитался иностранными, главнымъ образомъ турецкими элементами, и бесѣда

¹⁾ Кельсиевъ (Рус. Вѣс. 1866, іюнь, стр. 446) говоритъ и о слѣдующемъ оригинальномъ обычаѣ: „что атамана можно высѣчь и сѣкуть, это не подлежитъ сомнѣнію и вовсе не выходитъ изъ ряда обыденныхъ событій майносской жизни“. Затѣмъ разсказывается про способъ производства экзекуціи, послѣ которой всѣ валются въ ноги атану, прося прощенія, а тотъ, почесываясь, отвѣчаетъ: „Богъ проститъ“. Врядъ ли подобныя incidents возможны теперь, хотя казни, какъ и естественно, съ неохотой говорятъ о разныхъ „семейныхъ дѣлахъ“: наказаніяхъ, прежнихъ священникахъ и т. д.

²⁾ Рѣчка Мухалыджъ служитъ стокомъ Майноса и сосѣдняго большого озера Аполлоніи (у турокъ Абу Дѣять).

³⁾ Ср. Ганько, Сел. хозяйство и т. д.

пестрѣла словами и выраженіями: „ежели эркекъ идетъ“, „тютюнь пьетъ“ т.-е. курить, „куражѣй“ (коруджу) вмѣсто „сторожъ“; цѣликомъ заимствованы, конечно, всѣ техническіе и служебные термины. Вторглись даже частицы, напр., говорятъ: „хичъ ничего не знаю“, т.-е. ровно ничего не знаю, „амма (=но) чужихъ не трогаетъ“. Это звучало такъ странно, что намъ сперва думалось, ужъ не ослышались ли мы. Сохранилось донинѣ много старинныхъ и мѣстныхъ словъ, такъ что смѣсъ выходитъ еще удивительнѣе. Говорятъ, напр., „гѣдѣ“ вмѣсто „довольно“, „допалѣ“ вмѣсто „достигъ, напелѣ“. Война называется „розмиръ“, когда угощаютъ говорятъ: „питайтесь, питайтесь“. Старые люди, какъ и на Мадѣ, любятъ употреблять славянскія выраженія: „а дохторъ сказалъ, пушай лежить мальчишка, доньдеже не оздоровѣтъ“. Строй фразы былъ часто совсѣмъ какъ въ нашихъ старинныхъ книгахъ. Лица болѣе или менѣе официальные между собой говорятъ на какомъ-то загадочномъ жаргонѣ ¹⁾, съ крайне ненснымъ произношеніемъ, въ которомъ разобрать можно было лишь отдѣльныя турецкія слова, произносимыя съ сильнѣйшимъ русскимъ акцентомъ. Курьезно коверканье на русскій ладъ географическихъ названій: Бандорово (Бандерма), Серяково (Сары кѣй), Дюнені (Гѣненѣ).

По-турецки говорятъ многіе и довольно бойко. Нашъ пріятель И. Н. самодовольно какъ-то замѣтилъ: фарсісини билиримъ“, т.-е. я знаю турецкій языкъ высшаго тона, а одинъ изъ депутатовъ въ Россію, сообщая эпизодъ относительно карантина, повторилъ цѣлую рѣчь, которую онъ произнесъ вали-пашѣ, щеголяя самыми изысканными турецкими причастіями и арабскими словами. Писарь знаетъ еще по-гречески и по-болгарски. Но зато читать, кромѣ какъ по-русски, никто не умѣетъ. „Только ракамъ (цифры) знаемъ; сами турки сказываютъ, что лишнее съ насъ черезъ то забираютъ“. И, однако... извѣстна неудачная попытка обучить писаря. По-русски нѣкоторые бойко пишутъ полуустановомъ, а „по гражданскому“ еле разбираютъ. Дѣти теперь, къ сожалѣнію, совсѣмъ не учатся. Школа, хотя и есть, но заколочена, такъ какъ нѣтъ „ученика“, какъ называютъ казаки учителя, забывъ настоящее слово. Обу-

¹⁾ М. П. Ганько сообщалъ намъ, впрочемъ, что находитъ его чистымъ русскимъ языкомъ. Опираясь на свой собственный слухъ, позволимъ себѣ съ этимъ не согласиться.

ченіе дѣтей представляетъ одну изъ самыхъ насущныхъ и неотложныхъ потребностей селенія, и хорошо бы было, если бѣ казаки пригласили себѣ изъ Россіи какого-нибудь сельскаго учителя.

Мнѣ очень хотѣлось услышать и записать на образецъ что-нибудь изъ старинныхъ пѣсенъ, но лишь послѣ усиленныхъ просьбъ успѣлъ я въ этомъ. Ив. Ник. пропѣлъ мнѣ нѣсколько отрывковъ ¹⁾. Напѣвы были, безъ сомнѣнія старинные: мажорные, тягучіе съ передивами и многочисленными повтореніями. Къ сожалѣнію, пришлось услышать немного: дѣло въ томъ, что мы были у некрасовцевъ Петровскимъ постомъ, а „играть пѣсни“ въ это время на Майносѣ, какъ и у нашихъ крестьянъ, считается дѣломъ неудобнымъ.

Кончивъ записываніе, я прислушался къ общему разговору, который велся съ моимъ товарищемъ. Хозяинъ рассказывалъ о знаменитомъ теперь разбойникѣ Карѣ Али изъ сосѣдней черкесской деревни. Онъ, подобно древнему Сиду, мститъ своимъ сельчанамъ за оскорбленіе, нанесенное его отцу, и уже убилъ изъ нихъ 7 человекъ, да кромѣ того троихъ забіе, приславныхъ для его поимки. Интересно, что посторовнихъ онъ никого не трогаетъ. Казаки и нашъ арабаджи Османъ отзывались о немъ вообще одобрительно. „Хорошій человекъ, только обидѣли его“. Воспользовавшись случаемъ, мы перешли къ разспросамъ, какъ вообще живетъ съ сосѣдями, и получили обычный отвѣтъ, что старые турки народъ очевъ хорошій, но что мухаджеры причиняютъ постоянныя и тяжелыя безпокойства ²⁾. „Что же разбойничаютъ они?“ „А то какъ же. Изъ-за грѣша человека можетъ зарѣзать“. Въ Хамидіе мы слышали, что Старые Казаки значительно сократили самоуправство мусульманскихъ переселенцевъ. Мы интересуемся, правда ли это? Намъ многозначительно отвѣчаютъ: „Что жъ, озеро у насъ близко“. „И много народу поймали?“ нескромно продолжаемъ мы. „Про то курабѣи знаютъ; ихъ дѣло“. Эта мѣстная

¹⁾ См. ниже, прибавленіе.

²⁾ Въ одной изъ московскихъ газетъ сообщалось со словъ майноскихъ журналовъ, что за время отъ 21—30 мая въ окрестностяхъ Майноса было убито 25 человекъ. Кажется, что это не совсѣмъ вѣрно. Нашъ возница Османъ утѣрялъ насъ, по крайней мѣрѣ, что теперь въ этихъ мѣстностяхъ довольно спокойно. Впрочемъ, ночью, какъ и вездѣ въ Турціи, никто не рѣшается зайти. Даже на азиатской ж. д. поезда ходятъ лишь днемъ.

полиція, кажется, съ большою обдуманностью выбрана изъ мусульманъ, чтобы, слагая на нее всю отвѣтственность за разныя „проучки“, въ то же время не разжигать ненависти къ горсточкѣ гяуровъ, затерявшихся въ глубинѣ Анатолиі.

Уставъ отъ всѣхъ впечатлѣній дня, я вышелъ пройтись по улицѣ. Всюду была темнота и тишина. Слышно было лишь, какъ волъ, лежа посреди дороги, чавкалъ свою жвачку. Надъ рядами бѣлыхъ, едва виднѣвшихся хатъ разстилалось черное южное небо, на которомъ какъ бы застыли рои звѣздъ, поражающихъ глазъ сѣверянина своимъ яркимъ блескомъ. Только оно, это небо, напоминало о томъ, гдѣ я находился. Думалось мнѣ о зимѣ, когда мужчины уходятъ далеко на промыслы, когда кругомъ лежитъ снѣгъ; какъ, навѣрное, боязливо прислушиваются проснувшіяся ночью бабы и дѣти къ вѣтру на чужой сторонѣ, гдѣ кругомъ бродятъ всѣ эти злые люди: переселенцы, татары, турки, черкесы. Думалось о томъ, какъ, навѣрное, встрѣчаютъ здѣсь праздники, какъ странно должны разноситься по пустынному озеру звуки дребезжащихъ колоколовъ этой маленькой колоніи, забытой въ той смутной, украшенной фантазіей Россіи, которая, какъ нѣчто далекое и прекрасное, теперь такъ тянетъ къ себѣ своихъ вольнолюбивыхъ сыновъ, нѣкогда промѣнявшихъ родину на свободу.

Голосъ атамана, звавшего ужинать, прервалъ мои мысли. Хозяйка постелила на столъ чистую домотканную скатерть, поставила черный хлѣбъ изъ очень свѣтлой муки, 2 чашки съ мелкой жареной рыбкой, въ родѣ сардинокъ, и медъ. Лишнихъ орудій не полагалось, а потому мы рыбокъ безъ церемоніи вытягивали за хвосты, а въ медъ прямо макали хлѣбъ.

Послѣ ѣды насъ повели въ приготовленный для нашего сна аппартаментъ. Въ сѣняхъ были накрыты одѣяломъ высокія нары, приставленные къ стѣнѣ. Подушки были турецкаго образца: длинныя и тонкія, какъ лепешки; лежали онѣ въ разныя стороны, и намъ пришлось размѣститься такъ, что голова одного приходилась съ ногами другого. Одѣяло положили одно, громадное стеганое. Оно пришлось, какъ нельзя болѣе кстати, потому, что утромъ мы нашли всѣ наши вещи насквозь промокшими отъ сырости. Хаты построены изъ камыша обмазаннаго известью, по которой искусныя женскіе пальцы провели длинныя, совершенно прямыя полосы.

Влага непременно должна задерживаться въ стѣнахъ такой комнаты, лишенной печи и свѣта. Прилегающую къ сѣнямъ съ одной стороны зимнюю избу спасаетъ отъ этого недостатка прекрасная большая русская печь. Утромъ мы осматривали хату; по стѣнамъ она устлана чистыми широкими лавками, въ углу образа и лампадка, подъ которыми у атамана хранятся всѣ официальные документы. Одну изъ стѣнъ украшаетъ „балыкъ-тезкерѣ“, т.-е. разрѣшеніе на рыбную ловлю, и вырѣзанный изъ „Нивы“ портретъ Эдисона, внимательно слушающаго свой фонографъ. Сосредоточенность выраженія знаменитаго изобрѣтателя вѣроятно увеличивается отъ испытываемаго имъ чувства одиночества между „балыкъ теськерѣй“, какъ хозяйка называетъ этотъ документъ, и между плохой лубочной картинкой какой-то церкви, гдѣ красная и лиловая краски попали ровно двумя вершками лѣвѣе мѣста своего назначенія. Кстати сказать, майноспамаъ хорошо извѣстны телеграфъ и фотографія ¹⁾). Старые Казаки снимались съ полной охотой. Одна мать даже приказывала смирно стоять своему сыну, говоря: „не шевелись, ня то павѣсють тебя въ петлю“. Хотя дѣвки и жеманились нѣсколько, однако уже то, что онѣ являлись необыкновенно разодѣтыми, доказывало ихъ желаніе быть „вышибленными“. Что касается велосипеда, попадающагося въ Стамбулѣ довольно рѣдко, то его видѣлъ лишь одинъ казакъ, попавшій въ Марселию (Марсель). Случилось это такъ: онъ съ товарищемъ ловилъ рыбу въ Александреттскомъ (Искендерунъ) заливѣ въ то время, какъ уходилъ пароходъ съ англійскими туристами. Такъ какъ не хватало официантовъ, то буфетчикъ обратился къ казакамъ, и вотъ одинъ изъ парней, съ чисто-русской способностью къ приспособленію, преобразился на европейскій манеръ и, во фракѣ съ салфеткой въ рукахъ, быстро постигъ всѣ тонкости англійскихъ церемоній. „И угощали-жъ меня въ Марселии, рассказывалъ онъ,—куда ни придешь платить не даютъ: ты, грить, гость нашъ“.

Возвратимся, однако, къ прерванному повѣствованію. На утро насъ разбудили часовъ въ 5 утра нѣсколько мужчинъ, оказавшихся упомянутыми выше поздними пришельцами съ Дуная. Оче-

¹⁾ Еще во времена Кельсиева одинъ казакъ хвасталъ, что про некрасовцевъ такая слава идетъ „по всей Европѣ“, что послѣ войны ихъ даже снимали „наглизы“ (англичане).

видно, не желая отказаться отъ мысли, что мы пріѣхали не спроста, они прямо спрашивали, не можемъ ли мы содѣйствовать ихъ переселенію въ Россію. Постаравшись разубѣдить ихъ въ нашей мнимой миссіи, мы вышли во дворъ, гдѣ уже собрались казаки, просившіе снять ихъ передъ тѣмъ, какъ идти на проводы дьяка. Утро было чудное и мы не пожалѣли, что встали рано. Деревня была уже на ногахъ, и всѣ ожидали торжественнаго отъѣзда. Мы сперва направились къ хатѣ дьяка, сѣни которой были набиты народомъ, старавшимся придать ракіей особую силу своимъ добрымъ пожеланіямъ. На крыльцѣ стоялъ взволнованный хозяинъ дома со старымъ требиномъ подъ мышкой и жена его, съ ребенкомъ на рукахъ, слезно глядѣвшая на супруга, отправлявшагося такъ далеко на трудное дѣло. Вскорѣ гурьбой мы всѣ отправились на берегъ озера, гдѣ дьяка и депутатовъ ожидала лодка. Тутъ же мы могли видѣть вытасканные на песокъ обыкновенныя рыбацкія челны¹⁾. Можно лишь дивиться, какая нужна смѣлость, чтобы на этихъ жалкихъ суденышкахъ, вмѣщающихъ лишь по два человѣка, ходить по открытому морю, заплывая и въ Искендерунъ, и дальше въ „Арапію“, т.-е. Сирію, а на сѣверѣ добираясь до Дуная. Недаромъ отважные предки нынѣшнихъ майносовцевъ удивили нѣкогда турецкаго султана своимъ появленіемъ на Босфорѣ на такихъ же челнахъ²⁾.

Берегъ озера очень отлогіи, такъ что депутаціи пришлось войти въ воду, чтобы сѣсть въ лодку. Интересенъ былъ видъ провожавшей толпы, разряженной въ своеобразные костюмы: бабы, подсучивъ юбки, съ ребятишками на рукахъ, молчаливо стояли въ

1) „Рыбалить“ обыкновенно отъ осеннаго Димитрія (26 октября) до весенняго Георгія (23 апрѣля). Кельсіевъ (стр. 447) сообщаетъ о существовавшемъ въ его время обычаѣ составлять артель подъ начальствомъ избраннаго атамана, который одинъ имѣетъ право продавать уловъ: „чтобъ казаки цѣны не сбивали другъ у друга“, причемъ лишь по возвращеніи домой выручка дѣлилась (дванилась) на 3 части: на церковь, на войско и „на руки“. Намъ неизвѣстно, существуетъ ли это обыкновение и въ настоящее время, но во всякомъ случаѣ теперь надо высчитывать еще 20% подати съ полученной отъ продажи суммы.

2) См. Мельниковъ Рус. Вѣс. XLV, 459. Впрочемъ Кельсіевъ сообщаетъ (стр. 420) разсказъ навава, что „храброе войско кубанское пошло берегомъ съ пушками и знаменами, а женскій полъ и дѣти и старики на судахъ поѣхали и поддѣлись турецкому царю“.

водѣ далеко отъ берега; дѣти, обрадовавшись случаю, летали съ крикомъ взадъ и впередъ, догоняя и обдавая другъ друга брызгами; на лицахъ казаковъ была замѣтна нѣкоторая серьезность. Когда гребцы ударили въ весла, всѣ еще долго смотрѣли вслѣдъ отъѣзжающимъ, махая шапками и платками. Не мало надеждъ, вѣроятно, возлагалось въ эту минуту на маленькое посольство, имѣющее, сколько можно судить, много важныхъ и деловатныхъ порученій...

Насъ очень интересовало, сохранились ли у казаковъ какія-нибудь историческія воспоминанія. Однако, большинство спрошенныхъ, кромѣ имени Игната Некрасова ¹⁾, да того, что вышли майносы съ Кубани, ничего не знали или не хотѣли сообщить. Одинъ изъ казаковъ, съ которымъ мы познакомились въ толпѣ на берегу, сказалъ, что у него есть старинная записъ, которую мы и отправились къ нему смотрѣть. При входѣ во дворъ бабы поднесли намъ необходимыя цвѣты „васильки“, нѣчто въ родѣ нашихъ піоновъ, попросили снять фотографію со всего семейства, и только послѣ этого явилась книга, въ которую занесены были всякія домашнія событія, приходы, расходы и т. п. Всего ея содержанія хозяинъ не расположенъ былъ показывать, а интересовавшая насъ записъ полууставомъ съ удареніями и придыханіями гласила: „Лука Никановъ видѣлъ въ книги старай. Написано праигната некрасова оуковниски союза игнатъ некрасовъ поднелъ си здону втуретшину въ той союзъ неложно знаете братія 7217 году“, т.-е. отъ сотворенія міра, что соотвѣтствуетъ 1709 году нашей эры. Выселеніе, какъ извѣстно, произошло, на самомъ дѣлѣ, въ 1708 году. Туретчиной же злѣсь называется, очевидно, Кубань, бывшая въ то время подъ властью крымскаго хана. Приведенная надпись, какъ намъ говорили, обычна на старыхъ молитвенникахъ, ею же, новидимому,

1) Какъ сообщаетъ .Оч. ист. старообр. въ Добр.“ у некрасовцевъ есть 2 варианта пѣсни про „Игната сударь Некрасу“; одинъ, прославляющій его дѣяствія, а другой, осыпаящій его бранью за выводъ изъ Россіи. Вообще обычное дѣло возгласы въ родѣ приводимаго у г. Вожины печалованія старухи: „Куда-же ты насъ завелъ, Игнатушка“! Ср. пѣсню у Курьевского, вып. 8, стр. 73 (записана въ 3. Вой Дов.) гдѣ разсказывается про „ковачка Игнатку ильвишича“ такъ:

„Имѣнилъ онъ служить царю Валу,у,
Провѣръ сдѣлалъ нашей государынѣ“ (позднѣйш. вставка).

ограничиваются всѣ свѣдѣнія казаковъ о своей исторіи, такъ какъ не говоря уже объ отдаленныхъ временахъ, даже сравнительно недавнее выселеніе на Маду успѣло значительно изгладиться изъ памяти майносцевъ.

Черезъ нѣсколько минутъ явился за нами атаманъ, быть можетъ изъ вѣжливости, а можетъ и по другимъ соображеніямъ не особенно охотно спускавшій насъ съ глазъ. Онъ торопилъ насъ идти пить чай. Немного времени спустя мы уже сидѣли за столикомъ передъ чашками съ темнобурой, густой жидкостью, въ которую хозяинъ не поскупился всыпать сахару, чтобы засвидѣтельствовать особое почтеніе гостямъ.

Приходило, между тѣмъ, время разставаться съ нашими соотечественниками, такъ какъ мы собиравшись проѣхать въ тотъ же день въ городъ Гёненъ. Нашъ арабаджи быстро подаль къ воротамъ повозку и мы, распростившись съ хозяевами и сошедшими насъ проводить казаками, покатили по переулку въ поле. За оклицей намъ попалась баба, имѣвшая видъ пожилой дѣвицы. Быстро сѣменя голыми ногами по неровному полю, она тащила на коромыслѣ 2 жестянки съ какими то помоями; въ отвѣтъ на наше привѣтствіе, она тотчасъ же отрекомендовалась: назвавши себя: „а я Марьюшка, дочка батюшки отца Ивана покойнаго“. Мы предложили подвезти ее до чифлика, куда она шла, но она продолжая бѣжать за повозкой, наивно отказалась: „а какъ завезете куда“. Говорила она высокимъ пѣвучимъ голосомъ, точно причитала, и, главнымъ образомъ, посвящала насъ въ тонкости генеалогіи своего рода. Однако нужно было спѣшить, и мы скоро попрощались съ Марьюшкой, нашей послѣдней знакомой въ селеніи Эски Казакларъ.

Заканчивая свое изложеніе поѣздки къ майноскимъ некрасовцамъ, авторъ долженъ признаться, что самъ чувствуетъ всѣ пробѣлы и неполноту своихъ замѣтокъ; однако, думается, что и въ этомъ видѣ не мѣшало вновь напомнить публикѣ о существованіи интересной русской колоніи. Было бы очень желательно, чтобы были собраны свѣдѣнія и объ остальныхъ русскихъ поселеніяхъ въ Малой Азіи, о которыхъ ходятъ смутные толки, при чемъ подвергается сомнѣнію даже фактъ ихъ существованія ¹⁾. Вообще, весь вопросъ требуетъ долгаго и тщательнаго изслѣдованія, а от-

¹⁾ См. въ библиографіи замѣтку о статьѣ Астафьева.

носителю важности его намъ остается лишь сослаться на авторитетъ В. И. Ламанскаго: „Путешествіе по М. Азіи для этнографическаго изслѣдованія остатковъ бывшихъ въ ней славянскихъ поселеній могло бы, смѣю думать, принести пользу наукъ“. („О слав. въ М. Азіи“, стр. 18).

IV. Литература.

Настоящая статья была написана въ Константинополѣ, и въ сокращенномъ видѣ помѣщена лѣтомъ въ „Рус. Вѣд.“ И теперь, возстановивъ пропущенное (около половины всего текста ¹⁾), мы оставили ее въ прежнемъ видѣ, такъ какъ намъ не хотѣлось измѣнять носимаго ею характера личныхъ наблюденій, записанныхъ еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ поѣздки. Пришлось лишь заново переработать все введеніе на основаніи добытыхъ нами уже въ Москвѣ матеріаловъ. Принимая во вниманіе, что литература о некрасовцахъ очень разбросана, мы считаемъ небезполезнымъ для интересующихся вопросомъ дать общій перечень библіографіи. Считаемъ долгомъ выразить благодарность всѣмъ лицамъ, которыя помогли намъ при отысканіи литературы; въ особенности мы чувствуемъ себя обязанными проф. А. Е. Крымскому и Н. А. Янчуку.

А. Работы, посвященныя исключительно Майносу.

1. В. Желудковъ-Ивановъ (Кельсіевъ)—„Русское село въ Малой Азіи“. Рус. Вѣстн. 1866, іюнь (413—451). Первое по времени появленія русское описаніе, къ тому же сдѣланное очень живо и содержащее большое количество фактовъ.

2. Записки М. Чайковскаго (Садыкъ Паши), Кіев. Старина 1892 г. №8 (описаніе Эноса) и № 10 (Майнось). Чайковский постилъ эти мѣста около 1841 г.

2. Рядъ замѣтокъ о присоединеніи некрасовцевъ къ единовѣрію въ духовныхъ журналахъ: „Странникъ“, сентябрь 1872 г. (стр. 204) и декабрь 1873 г. (187—215) ²⁾. „Православное Обозрѣніе“, сент. 1872 г. Наконецъ „Голосъ“, 3 авг. 1872 г. Но са-

¹⁾ Въ общемъ статья увеличилась раза въ 3.

²⁾ Статья намъ неизвестна. Въ Румянцевской бібліотекѣ экземпляръ журнала десятиный.

мая обширная и важная изъ статей этого рода принадлежить О. Михаилу, который самъ игралъ главную роль въ присоединеніи и составилъ интересный отчетъ о своей поѣздкѣ на Майнось по перипетіямъ введенія единовѣрія: „Согласіе на присоединеніе къ единовѣрію переселенцевъ изъ Россіи и т. д.“ въ „Душеполезн. Чтеніи“, декабрь 1873 г. (451—478).

3. „Церковный Вѣстникъ“ (при Сиб. Дух. Сем.) 1879 г. № 25 (іюня 23). Слухи о движеніи среди раскольниковъ къ воссоединенію съ православною церковью. Перепечатка изъ „Нов. Врем.“ о пребыванія въ Москвѣ первой майдосской депутаціи.

4. Д-ръ. В. П. Щепотьевъ—„Русская деревня въ азіатской Турціи“ „Вѣстн. Евр.“, августъ 1895 г.

5. Я. И. Смирновъ—„У Некрасовцевъ на островѣ Мада и т. д.“ Спб. 1896, оттискъ изъ „Живой Старины“ в. I, 1896 г. Дѣло идетъ о части майносцевъ выселившихся, въ шестидесятыхъ годахъ въ Конійскій вилайетъ. Приложены фотографіи.

6. Докторъ Елисѣевъ—„Русскія колоніи въ Турціи—Майнось“ „Природа и люди“ 1895/6 г. № 1. (2 нояб. 1895 г.). Крайне ничтожная статья, представляющая собой, очевидно, набросокъ изъ посмертныхъ бумагъ автора, не безъ промаховъ въ частностяхъ. Приложенныя двѣ картинки—чистѣйшая фантазія живописца, подписавшагося подъ ними.

7. Статья въ „Донской рѣчи“, 1896 г. № 40, (вѣроятно, замѣтка о предшеств. статьѣ).

8. „Кубанскія областныя вѣдомости“ № 101, 1897 г. „Казакіи въ Турціи“ изложеніе помѣщенной въ „Котлинѣ“ ¹⁾ статьи русскаго моряка. Очевидная перепечатка замѣтки К. О. В. въ малорусскомъ журналѣ „Зоря“, 1897 г. 15 мая: „Потомки козаків в Туреччині“.

9. П. Вожинъ—„Некрасовцы въ Анатоліи“. Н. Время, 1898 г. 5 авг. (№ 8509)

10. М. Ганько—„Майноськи казакіи и іхъ земля“, въ малорусской газетѣ „Буковина“, (издается въ Черновицахъ въ Австріи ²⁾)

1) Намъ неизвѣстно.

2) Считаемо долгомъ выразить нашу глубокую признательность г. редактору этой газеты, который на нашу просьбу черезъ А. Е. Крымскаго, выслалъ собственноручно списанную копію статьи г. Ганька, такъ какъ старыхъ экземпляровъ газеты не имѣется.

1899 г. № 14—15. За исключеніемъ пѣсень и лингвистическихъ попытокъ эта статья вошла почти цѣликомъ въ другую работу того же автора:

11. М. Г-ко (М. П. Ганько) „Сельское хозяйство у Майноскихъ казаковъ“, „Хуторянинъ“ (изд. въ Харьковѣ) 1901 г. № 23. Очень дѣльная статья, дающая больше, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе. По части сел. хоз. интересно мнѣніе автора, какъ специалиста.

12. К. Н. Смирновъ—„У русскихъ въ М. Азіи“ Н. Время, 1901 г., іюль 11 и 12; приложены 3 фотографіи, снятыя авторомъ во время нашей совмѣстной поѣздки къ некрасовцамъ.

13. Настоящая статья, наполовину сокращенная, была помѣщена въ августѣ 1901 г. въ „Рус. Вѣд.“

14. Въ іюлѣ и августѣ 1901 г. въ различныхъ московскихъ газетахъ было помѣщено не мало замѣтокъ по поводу пріѣзда майносцевъ въ Москву. (Ср., напр., въ церковномъ отдѣлѣ „Моск. Вѣд.“ 31 іюля, 6 и 7 авг.)

15. Въ журналѣ „Природа и Люди“ 1901 г., № 42, стр. 679—помѣщена замѣтка о посвященіи новаго о. Іоанна и о майноской депутаціи.

В. Общія работы, касающіяся некрасовцевъ.

1. Бв. (вѣроятно В. Броневскій, авторъ Исторіи войска донскаго (Спб. 1834) „Исторія о некрасовцахъ“. Сѣв. Пчела 1828 года, № 105 и 106; краткая, но очень содержательная и не устарѣвшая до сихъ поръ замѣтка.

2. А. А. Скальковскій—„Некрасовцы живущіе въ Бессарабіи“ (заимствовано изъ Одесскаго Ген. Губ. Архива) въ Ж. М. В. Д. 1844 г., В., часть осьмая (61—82). Очень важная работа: Сообщается исторія возвращенія въ Россію въ 1830 г. около 1000 некрасовцевъ, поименъ живущихъ подъ Измаиломъ, въ предмѣстьѣ „Тучково“. Кіаки обнаружили при этомъ трогательную привязанность къ своей старой церкви, которую они разобрали по частямъ и вновь поставили, перевезя ее въ Россію. Въ этой же статьѣ изложена, между прочимъ, судьба жалованныхъ турками грамотъ, которыя некрасовцы, возвратившіеся въ 1830 г. въ Россію, передали русскому начальству.

3. В. Ламанскій—„О славянахъ М. Азіи, Африки и Испаніи“, Спб. 1859 о Майнось (стр. 23—38) со словъ старыхъ англійскихъ путешественниковъ W. Hamilton Researches in Asia Minor L. 1842 и Mc. Farlane Turkey and its destiny. Глава послѣдней книги, касающаяся Майноса, изложена Свенске въ Вѣс. Геогр. Общ. 1855 г. кн. III, отд. III („Русск. колон. въ М. Азіи“). Цитируемая Ламанскимъ книга *Itinéraire de Tiflis à Constantinople par le Colonel Rottier*, Вух. 1829 даетъ весьма скудныя указанія о предполагаемой Чаршамбѣ, именно стр. 271. *C'est sur ce fleuve dans les vallées fertiles, au dessus de Bafra, qu' habitent les cosaques Saprovi*. Казаки, будто бы, переселилась послѣ бунта Мазепы. Важнѣе было бы добыть замѣтку о Чаршамбѣ въ газетѣ „Кавказъ“ 1856 г., (перепечатано въ Русс. Инв. 1856, 3 марта, и Спб. Вѣд. 1856, 6 марта): „Еще одна русская колон. въ М. А.“. Къ сожалѣнію, въ Румян. библ., журналы хранятся лишь съ 1862 г.

4. А. Шаповъ.—„Русскій расколъ...“ Казань, 1859, стр. 325 (небольшое замѣчаніе).

5. Мельниковъ—„Старообрядческіе архирей“ (Рус. Вѣс. т. XLV стр. 469) въ отдѣльномъ изданіи „Ист. очерк. безпоповщины“, ч. I, 1864, стр. 223.

6. Н. Субботинъ—„Исторія бѣлокриницкой іерархіи“, т. I, М. 1874, стр. 319 и сл.

7. Н. И. Субботинъ. „Исторія бѣлокриницкаго священства по смерти инока Павла“ въ Рус. Вѣс. 1900 г. О Майнось упоминается въ № VII (161—165). Много разъ упоминается „жестокій нравъ“ майносцевъ; какъ сообщаетъ одно письмо, они чуть было не убили своего священника, который пробовалъ воспротивиться стрѣльбѣ изъ ружей при водосвятіи, назвавъ этотъ обычай еретическимъ. Всѣ австрійцы свидѣтельствуютъ о стойкости майносцевъ въ своей вѣрѣ. Въ № VIII приводятся однако слова одного бѣлокриницкаго архіерея, который не теряетъ надежды, „что Майнось будетъ едино стадо“ со временемъ. Въ № XII рассказываетъ о мечтахъ назначить на Майнось даже особаго архіерея. Въ VII же № см. ссылку на „Брат Слово“ 1899 г. стр. 479—482 и 489—493 о пребываніи Гончарова на Чифликѣ Садыха-паши по сосѣдству съ Майносомъ.

8. „Очеркъ исторіи старообрядцевъ въ Добруджѣ“ въ Славян-

скомъ Сборникѣ, т. I, Спб., 1875. Хотя въ этомъ очеркѣ и рассказывается сочувственно о томъ, какъ Кольсѣва не пустили къ себѣ для пропаганды добруджинскіе некрасовцы, однако, есть основанія для предположенія, что авторомъ былъ именно упомянутый публицистъ. Любопытно примѣчаніе редакціи, что статья, „отнюдь не есть важный и достовѣрный историческій источникъ о дѣятельности такихъ лицъ, какъ Гончаровъ в Чайковский“, но что помѣщается, какъ живо написанныя впечатлѣнія очевидца, проведеннаго въ Добруджѣ 1863—6 года.

9. Далѣе нужно упомянуть „Записки М. Чайковского“, печатавшіяся сперва въ „Кіев. Стар.“ О Турціи смотри 1892 г. августъ и октябрь. Въ полномъ видѣ „Записки“ были напечатаны въ „Рус. Старинѣ“: начало въ 1895 г., ноябрь. Срав. также „Р. Стар.“ 1895, ноябрь, стр. 155 „къ портрету М. Чайковского“ и въ „К. Стар.“ 1886 г., апрѣль: „М. Чайковский и казакофильство“.

10. Сюда же слѣдуетъ отнести книгу *Kozaszyzna w Turcyi, dzieło w 3-ch częściach przez X. K. O—Paryż 1857*. Книги заключаетъ въ себѣ апологію дѣятельности Садыкъ Паши. Критика отнеслась къ ней очень неблагоклонно. Ср Кіев. Стар. 1883 № 1 и 1886 № 4. (Намъ неизвѣстна).

11. Нѣкоторыя свѣдѣнія о некрасовцахъ содержатъ и работы, касающіяся собственно запорожскаго элемента въ Добруджѣ: Кондратовичъ, „Задунайская сѣчь“ (К. Стар. 1883, № 1, 2 и 4) и Лупулеску (редакція Антоновича) „Русскія коловіи въ Добруджѣ“ (К. С. 1889 № 1, 2 и 3).

12) Въ „Пѣсн. собр. II. В. Кирѣвскимъ“, вып. 8. Москва, 1870 г. есть двѣ пѣсни о Некрасовѣ стр. 71—75, одна изъ которыхъ упоминаетъ о вышедшихъ съ нимъ 40000, ср. Келье. и Ганько.

13. Быту добруджинскихъ некрасовцевъ посвящена статья „Падъ лиманомъ“, В. Г. Короленко въ „Рус. Бог.“ 1897, № 11.

14. Наконецъ, самое крупное изслѣдованіе о некрасовцахъ принадлежитъ перу П. П. Короленка „Некрасовскіе казаки“ въ Изв. Общ. Любит. Изученія Кубанской Области, выпускъ II, Екатеринодаръ, 1900. Авторъ работалъ отчасти и по первоисточникамъ (особенно въ началѣ статьи). Нѣсколько шаткими, новидимому, представляются даты выселенія въ Добруджу и на Майнось (см. выше во введеніи). Впрочемъ, окончательное рѣшеніе этихъ вопро-

совъ, вѣроятно, будетъ возможно лишь тогда, когда можно будетъ найти и прочесть жалованные казакамъ турецкіе фирманы. Въ высшей степени важно было бы имѣть и „Игнатову книгу“, сохраняемую, по словамъ Кельсіева, въ церкви на Майносѣ въ „восковомъ ларцѣ“. Содержаніе ея—регламентация жизни казаковъ на чужбинѣ, родъ политическаго завѣщанія „Ликурга съ двойнымъ рядомъ зубовъ“. (Кельсіевъ). Что книга не потеряна, объ этомъ свидѣлствуетъ недавнее упоминаніе о ней въ статьѣ Вожина (1898 г.), хотя, конечно, добиться у казаковъ позволенія ее осмотрѣть, представить не мало затрудненій.

Отсылая читателя за ссылками на первоисточники и документы къ статьѣ П. П. Короленко, мы въ заключеніе позволимъ себѣ упомянуть о статьѣ нѣкоего г. С. Астафьева—Русскіе колонисты въ Турціи—„Природа и люди“ 1898, № 25—31. Касается она русской колоніи у устьевъ Кызыль Ирмака, подъ названіемъ „Бинъ Эале“ ¹⁾ (sic). Описаніе этого поселка (въ которомъ можно предположить ту деревню, которая извѣстна подъ именемъ Чаршамба), представляло бы громадный интересъ, еслибы г. Астафьевъ имѣлъ возможность привести сколько-нибудь надежные факты... Написанная самымъ бульварнымъ тономъ, статья отличается крайнимъ невѣжествомъ: казаки называются то старыми запорожцами (№ 28 стр. 446), то некрасовцами (ibid 445 и № 29), выселившимися лѣтъ 50 тому назадъ съ Дона ²⁾ Примѣромъ повѣствованія можетъ служить трогательный рассказъ казака, какъ одинъ прежній атаманъ, по имени Костродымъ (sic), сталъ звать товарищей въ походъ на Персію (sic), по, плѣнившись красавицей Нуридой, „сходилъ для нея въ Мекку и принялъ Исламъ“. (Интересно, что раньше?!). По возвращеніи его, Нурида объявляетъ, что не чувствуетъ больше любви, а онъ вызываетъ ее на свиданіе и сжигаетъ на кострѣ!... Автора искренне забавляютъ остроумныя восклицанія его спутника: „Moumementalle, piramidalle“ (sic); тотъ же острякъ во время обѣда выплываетъ кебабъ въ рукавъ, ночью идетъ въ садъ его вытряхивать, и натывается на любовную сцену. Да и не перечесть всѣхъ перловъ пера игриваго туриста. Послѣ всего этого какъ-то спокойно

¹⁾ Какъ извѣстно, Бинъ-эвали—было старинное названіе Майносскаго селенія.

²⁾ „Наши казаки съ Дона переехали—этому назадъ годовъ болѣе полсотни будетъ“ № 31, 494.

относишься и къ другимъ фактамъ: что казакъ-старообрядецъ женатъ на двухъ мусульманкахъ, что въ годъ онъ зарабатываетъ 2400—4800 меджидіевъ (мед. = 1 р. 60 к.), что духовный надзоръ за населеніемъ мирно раздѣленъ между о. Иллариономъ и турецкими хаджами, (которыхъ авторъ называетъ хаджи ¹⁾) Между тѣмъ вопросъ о селеніи на Чаршамбѣ крайне интересенъ. Выше мы приводили рассказъ П. П. Короленка объ отуреченныхъ выселенцахъ въ с. Высокомъ. Мы можемъ добавить, что С. Е. Саковъ, самъ родомъ изъ-подъ Трапезунда, передавалъ намъ, что отлично помнить, какъ въ 1861 году видалъ на базарѣ русскихъ, привозившихъ на продажу рыбу, причемъ они говорили по-русски и сохраняли свою старую одежду. Относительно вѣры, С. Е. помнитъ, что они были православные, но что греки смотрѣли на нихъ, какъ на отщепенцевъ. Лѣтомъ 1901 нашъ товарищъ К. Н. Смирновъ справлялся въ Трапезундѣ въ русскомъ консульствѣ о некрасовцахъ и получилъ отвѣтъ, что о нихъ теперь не слыхать и что, вѣрно, они отуречились. Если бы даже это было такъ, то интересъ къ казакамъ находящимся на такой удивительной стадіи, долженъ еще усилиться, и надо думать, что кто нибудь возьметъ, наконецъ, на себя трудъ провѣрить всякіе слухи на мѣстѣ и собрать всѣ возможные данныя о положеніи нашихъ заброшенныхъ и забытыхъ соотечественниковъ.

¹⁾ Ходжа—учитель, духовное мусульманское лицо, а хаджи—всякій человекъ, совершившій паломничество въ Мекку.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Между тѣмъ какъ народное творчество потомковъ запорожскихъ казаковъ, живущихъ въ Добруджѣ, давно уже стало предметомъ внимательныхъ изслѣдованій, и изъ пѣсенъ ихъ извлечены интересныя для исторіи факты и выводы ¹⁾, эта сторона жизни некрасовцевъ была до сихъ поръ весьма мало затронута, и матеріаловъ по этому вопросу было собрано очень мало. Однако, уже и то, что имѣется, позволяетъ дѣлать нѣкоторыя заключенія, если не историческія, то филологическія. Редакціей „Живой Старины“ было дано описаніе и опредѣленіе говора некрасовцевъ, на основаніи записанныхъ на Мадѣ для Я. И. Смирнова 2 пѣсенъ. Въ результатѣ онъ былъ отнесенъ къ южновеликорусскимъ, сильно акающимъ говорамъ, на подобіе рязанскихъ. „Безударное $o=a$, а же подъ удареніемъ $=o$ (срав. наше пальто, во мн. ч. пальты, плотень), e съ удар. $=u$; безъ удар. $=я$ (во чисту поля); $и$ безъ удар. (послѣ шип.) $=y$ (дарожуныя); $и=i'=h$, откуда $=a$ (вой вмѣсто гой); $мн. e=i'=и$ въ концѣ слога x (казацкохъ, род. мн.), откуда и конихъ род. мн. Любопытно употребленіе буквы $ю$ $мн. jo$ разабюмъ, пиралютъ (верелѣтъ) ²⁾... $мн. ка, —ка$; $ть$ въ 3 л. наст. $мн. ч.$ (бегуть)“ ³⁾.

Съ этими замѣчаніями вполне согласны и тѣ небольшіе отрывки пѣсенъ, которые намъ пришлось услышать на Майносѣ. Ср. пакарѣтесъ (съ удар. пакѣритесъ), зямлѣ, обогрѣйка, сидятъ, и т. д. Интересно управленіе предлога *за*: „за тѣхъ за столикахъ“. Отмѣтимъ также формы: спачарпнувши, лятаить, утираца, лоточки (лодочки). Скажемъ кстати, что, если аканье въ пѣсняхъ, записанныхъ для г. Смирнова, выступаетъ ярче, чѣмъ у насъ, то это объясняется тѣмъ, что мы писали обычное o всякій разъ, какъ a не рѣзало уха, особенно противъ московскаго говора.

Въ виду всего сказаннаго представляются крайне странными утвержденія г. Гавька, въ „Буковинѣ“, что наряду съ провозношеніемъ безударнаго o , какъ a казаки „выговариваютъ $ъ$ какъ i (?)“ и что „рѣчь ихъ не великорусская (не московская), но и не украин-

¹⁾ См. Кондратовичъ, задунайская съчъ по воспоминаніямъ и т. д. Въ К. С. 1883 г.

²⁾ Намъ это замѣчаніе непонятно: въ текстѣ Ил. Петр. стоятъ *пиралютъ*.

³⁾ Живая Старина. 1896 г. вып. I, стр. 121—122.

ская¹. Въ послѣднемъ, конечно, никто не сомнѣвался, и потому именно, что всѣ имѣвшіе случай бесѣдовать съ некрасовцами сразу улавливали яркія черты великорусскаго говора. (Ср. пѣсни, воспроизведеніе разговора казаковъ у Кельсіева, В. Г. Короленка и т. д.). На томъ же основаніи мы должны отвергнуть и другое замѣчаніе Ганька, что лексика казаковъ преимущественно малорусская²: что касается приводимыхъ имъ словъ: хата, шма-токъ, кутокъ, то они всѣ извѣстны и въ нашихъ великорусскихъ нарѣчіяхъ. Записи г. Ганька поражаютъ пестротой и смѣшеніемъ говоровъ. Впрочемъ, не повинна ли въ этомъ была редакція „Буковины“, которая могла передѣлать нѣкоторые выраженія и звуки; въ одномъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, это можно удостовѣрить съ несомнѣнностью³). Для примѣра приведемъ одну изъ пѣсень г. Ганька:

Нѣкъ по степу по широкому
А по морю по глыбокому
Залегала там дороженька простѣйня
Тв нікто тою дороженьку
Тв не хажувал, та не їдзувал
Нѣкъ прохожал, ня проїджал да Ігнат козак
Он не сам проїджал, козаков прївожал
Тв не мало не багато, опріч старого (sic?!) опріч малого
У Ігната козаков сорок тысячів³) на коня то сість...

¹) Малорусскія слова несомнѣнно есть, и понятно, откуда они заимствованы: некрасовцы въ Добруджѣ жили рядомъ съ руснаками, (такъ называются на Дунаѣ украинцы); въ полкахъ Садыка, гдѣ служили они, официальнымъ языкомъ былъ малорусскій и т. д. Но въ общемъ такая примѣсь крайне незначительна, и великорусскій элементъ ярко преобладаетъ надъ всеми заимствованиями.

²) См. ниже примѣч. А. Е. Крымскаго.

См. также, у Кирѣвскаго, в. 8, стр. 71, пѣсня изъ Обл. В. Донскаго:

„Онъ-то (Некрасовъ) ушелъ-увелъ силы рати сорокъ тысячъ,
Опримъ стариковъ староженныхъ,
Опримъ малолѣтковъ малолѣтнихъ,
И отъ пимовъ прирожденныхъ (ублюдковъ)“.

³) Срав. у Кельсіева стр. 419 и Славян. Сборн. 1875, отрывокъ пѣсни:

„Онъ-ушелъ увелъ сорокъ тысячей
Кримъ старыхъ, кримъ малыхъ
Молодыхъ ребятъ, малыхъ дѣтушекъ“.

Въ другой пѣснѣ (ibid, 74) говорится, что съ Дону „Игнатка—измѣнщикъ“ бежалъ за Дунай (sic), увелъ съ собой казачковъ,

„Не служилыхъ старыхъ, а глупыхъ малолѣточковъ“.

Случайно, одна изъ записанныхъ нами цѣсень оказалась записанной раньше г. Ганькомъ, и даже въ лучшей редакціи; что же касается до „системъ транскрипціи“, то представляется возможность судить о нихъ изъ сравненія обѣихъ версій.

Наша запись:

Ты взойди взойди красное солнушко
Надъ горой ¹⁾ взади надъ високою
А надъ рѣчушкой взади надъ глы-
бокою
Надъ палыною взади надъ широкою
Обогрѣйя насъ сиротъ бѣдненькихъ
Сиротъ бѣдненькихъ, а ты бисъпе-
редненькихъ (?)
Они строили себѣ церковь знаменну,
Церковь знаменну, ани семиглавнѣю
На восьмой главѣ стоитъ крестъ се-
ребряннѣй
На крестѣ сидитъ черная галочка
Высоко сидитъ ана, далеко смотритъ,
Да смотреть ана на синѣ море
Во синѣ море ана примаячилась
Черной лоточки была паруса..

Запись г. Ганька:

Ты войди, войди ясне сонечко
Надъ горой войди надъ високою
Надъ дѣбровою надъ зеленою
Обогрѣй ты насъ людмѣй (sic) ²⁾ бѣд-
ненькихъ
Добрыхъ молодцівъ, людей бѣгленъ-
ныхъ.
Они ставили церкву знамянку
Церкву знамянку—семиглавную
На восьмой главѣ хрестъ посрѣбленнѣй
На хрестѣ сидитъ чорна галочка
Чорна галочка, мала пташечка
Высоко сидитъ, далеко глядитъ,
А глядитъ вона, дивиться
Да на синѣ море.
А у морю синему прииорянились три
кораблика.
Три кораблика, иде й легкая лодочка.
Понагружена она свинцомъ—поро-
хомъ
Подивічана самопалами
Посередѣ єї лежить золота казна
На казнѣ сидитъ золота дѣвчина
Асаулова сестра родная
Атаманова, она шельма полюбовница
Асаулови быть вбитому
Атаманови быть зарізану
Краснѣй дѣвчині, та на волѣ быть ³⁾.

¹⁾ Г произносится какъ въ словѣ Бога.

²⁾ „Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что форма „людмѣй“ ям. „людей“ напеча-
тана не по записи г. Ганька, а по корректурѣ буковинскаго редактора, который
по установившемуся обычаю, исправляетъ правописаніе украинцевъ“. Прим.
А. Е. Крымскаго.

³⁾ Мы замѣнили черезъ ѡ стоящее въ оригиналѣ, но малопонятное для
русскихъ читателей и.

Остальные отрывки, которые намъ удалось услышать, таковы:

Плыветъ, плыветъ лодочка приукрашенная.
 Какъ на той да на лодочка да два столика стоятъ.
 Какъ за тѣхъ за столикахъ да два молодца сидятъ.
 Ави чешутъ, они русы кудерки, свои русы волосы,
 Пускаютъ, да бросаютъ ихъ всплынь за водой:
 Пловитя мои чесочки ко моей да милѣй.
 Гдѣжь мои милѣя водицу она набрала
 Спачеривумши на ведѣрки за гару сама вышла.
 Ахъ ня тужить ли милѣя, ахъ ня тужить ли по мнѣ
 Нехай по мнѣ тужить земли и воды-а
 Не и дѣвка молодѣ.

„Нижмень ¹⁾ та соколъ самъ надъ небезью лѣтѣть
 „Добрый молодецъ самъ съ постелюшки вставать;
 „Умываеца ключавой свѣтлой водой,
 „Утираеца тонкою, бѣлою палатною“.

Ужъ вы славные наши поляки, покаритесь и вы намъ,
 Если вы намъ не покаритесь, мы васъ парубимъ, псѣкнемъ.

Для полноты картины позволяемъ себѣ переписать и двѣ пѣс-
 ни, приложенныя къ статьѣ Я. И. Смирнова (Жив. Стар. 1896,
 вып. I, стр. 122). Записывалъ ихъ на Мадѣ казакъ Исаакъ Пе-
 тровичъ, но, конечно, и на Майнось онѣ хорошо извѣстны, какъ
 намъ это подтвердилъ нашъ знакомецъ казакъ Ив. Ник.

Зрѣ ета пѣсня Игнѣта Ненрѣсова

За горами да за крутами, брацы, было снягавыми
 За лѣсами да за тѣмънами, брацы, было снягавыми
 Стайда тамъ да красѣная, брацы, царская діогѣюшка ²⁾
 Какъ на тое то было на діогѣюшки онѣ спаяжались
 Спаяжались уздечья мурзы брацы, мурзы кабардисты
 Ави думали да гадѣли, брацы, они думу крѣпкую

¹⁾ Смысль слова утерялся майносами. Присутствовавшая при записываніи хозяйка дома утверждала, что нужно говорить: „Не зимепъ“.

²⁾ Т.-е. дѣвушка (діогѣюшка).

Присягу ани присягали, брацы, ани къ басурманину:
 Пайдемъ, разабіомъ ту армеюшку, брацы, а мы царя белава,
 Самовъ то мы да царевича, брацы, а мы ва палонъ вазміомъ,
 А Илену мы да царіцу ¹⁾, брацы, въ монастырь сашаіомъ.
 Зрѣте господа етаи песьни ковѣць.

Пѣсня Игната Некрасова.

Во из до́липка да дѣлена да-было ва раздѣлиника
 Ай да а ишшоѡ да таѡ да падѡлика было ва чисту́ польня,
 Ай да тѣмъ прадѣгавала путь дарѡжуньки, ая ни ширѡкая
 Ай да далиноѡ ая путь дарѡжуньки ая канца краю нѣтъ
 Ай да ой нихътожъ та па той па дарѡжуньки нихътожъ да ни хажавалъ
 Вой ни хажавалъ па дорожуньки нихъто да ня ежаавалъ
 Ня два ліотънаи два сакѡлика ани в пириліотъ лятятъ
 Ай да два салтанушки два тихѡнскии (?) ани въ пирибѣхъ бѣгутъ
 Ууть ²⁾ да прибігали ани ка Игнатаву ани ка білу шатъру,
 Ани слазивали са добрыхъ конихъ ани на сіру землю
 Вой да ани влазивали ка Игнату ани ва білой шатеръ
 Ее да какъ снаси та Христосъ два салтанушки два тихонскии
 Ее да какъ зачесмъ жа вы два салтанушки на мѣне да приехали?
 Ее да какъ с Богъ помочь табе бе (sic) та Игнатъ сударь а самъ да Не-
 красовиць.

Какъ дава я с табой мы Игнатъ сударь с табой позасѣпоранимъ ³⁾
 Какъ дава я с табой мы Игнатъ сударь а мы казачькохъ дѣлитъ
 Иашъ да казачькохъ та дѣлитъ Игнатъ сударь, на три съчастачки
 Ии да на три съсчаацьки казачькохъ (sic) дѣлитъ на три шачьки...
 Етой нѣсьни канецъ писалъ Исаакъ Петровиць.

¹⁾ Любопытно сравнить съ внимъ у Кельсіева (стр. 419) рассказъ некрасовца: „А мы при царицѣ Еленѣ вышли“. На вопросъ автора: „когда же была та-кая царица? я что-то не припомню“, разсказчикъ отвѣчалъ: „Еще бы тебѣ поминить: ты молодой человѣкъ“. Царица Елена, увидавъ что у Игната во рту нѣ 2 ряда зубы, испугалась, какъ бы такой человѣкъ не разорилъ ея царство и, въ предупрежденіе этого, стала засылать сватовъ къ Некрасу, но онъ от-казался жениться на „еретичкѣ“, сказалъ „спасибо тебѣ на хлѣбѣ на соли, на твоѣмъ энто, царскомъ жалованьи“, взялъ народъ и пошелъ въ Туреччину.

Многочисленныя совпаденія именъ и фактовъ у Кельсіева съ другими неза-висимыми отъ него источниками еще болѣе увеличиваютъ цѣну его прекрас-ной статьи.

²⁾ По замѣчанію редакціи Ж. С. Ис. Пет. записывая, припѣваль.

³⁾ Нѣсколько подобныхъ примѣровъ, гдѣ безударное о остается и у Ис. Петр. оправдываютъ также о нашей транскрипціи, которыми мы писали всякій разъ, какъ не слышалось яркаго аяанья.

Въ заключеніе, въ видѣ курьеза, приведемъ отрывокъ пѣсни который г. Астафьевъ „слышалъ“ у некрасовцевъ на Кызыль-Ирмакѣ въ селеніи, называемомъ имъ Бвиъ Эвле:

„Ой дуб—дуба, дуба, дуба,
Дивчина моя люба“. (Прир. и люди 1898, № 26).

Жалко, что авторъ останавливается на именительномъ и родительномъ падежахъ слова „дубъ“; быть можетъ, продолженіе пѣсни пролило бы больше свѣту на особенности склоненія этой парадигмы у некрасовцевъ...

В. Минорскій.

Москва, 1902 г. марта 20.

Св. Касьянъ и сказка о больной царевнѣ.

Въ „Этногр. Об.“, кн. XLV, г. Мендельсонъ напечаталъ сказку о мужикѣ Касьянѣ, записанную К. В. Бѣляевымъ въ новгородской губ. Въ этой же мѣстности (т.-е. въ окрестностяхъ села Сеглина, валдайскаго уѣзда) г. Бѣляевъ записалъ другую сказку или, вѣрнѣе, легенду, въ которой также упоминается Касьянъ (св. Касьянъ) ¹⁾.

Сказка о Николѣ и Кассіанѣ. Кажинный день и съ ранняго утра все угоднички Божіи являются къ Господу Богу, а Господь Богъ даетъ имъ разные приказы и направляетъ ихъ на добрыя дѣла. Весь день деньской они странствуютъ по землѣ, творя волю Божію, а къ ночи, когда солнышко сядетъ за лѣсъ, снова являются къ Богу и отдають ему отчетъ о всехъ своихъ дѣяніяхъ.

Разъ раннимъ утромъ вышелъ угодникъ Кассіанъ отъ Бога съ приказомъ и идетъ онъ берегомъ рѣки, а на рѣкѣ баба мыла концы (холста) да и упустила конецъ въ рѣку. Сидитъ она и горько плачетъ. Увидѣла Кассіана да такъ и взмолилась къ нему: „Батюшка Кассіанушка, угодничекъ Божій, будь милостивъ, добудь конецъ, что я упустила въ рѣку, а то меня за него со свѣту сживотъ свекровь“!— „Некогда мнѣ, баба, съ тобой валандаться. Спѣшу отъ Бога съ приказомъ“, сказалъ Кассіанъ и пошелъ дальше. Еще горше баба залилась слезами.

Случилось, что слѣдомъ за Кассіаномъ шелъ и Никола угодникъ. Какъ только баба его увидѣла, начала ему низко кланяться и слезно просить: „Батюшка Никола угодникъ, пожалѣй меня, горемычную, поймай конецъ“! Никола и договорить ей не далъ, а по добротѣ своей живо скинулъ одежку, прыгнулъ въ воду, досталъ

1) Св. Кассіанъ Римлянинъ, память котораго празднуется 29 февраля, жилъ въ V вѣкѣ, умеръ въ 435 г., родился въ Римѣ; онъ первый ввелъ монашеское общеніе на Западѣ, основавъ этого типа монастырь въ Марселѣ, и извѣстенъ сочиненіемъ „о постановленіяхъ киновій“ или общежитій. Въ житіи его вѣтъ никакихъ намековъ на народныя легенды о Касьянѣ.

конецъ, отдавъ бабѣ и говорить: „Богъ съ тобой! вотъ твой конецъ“! и пошелъ самъ дальше.

На вечернемъ докладѣ, когда Кассіанъ разсказалъ, какъ онъ исполнилъ Божій приказъ, Богъ спросилъ его: „Все ли ты обсказалъ мнѣ?“— „Все, Господи“. — „А какъ же ты не сказалъ мнѣ, что видѣлъ бѣдную женщину въ бѣдѣ и не помогъ ей?“—Я торопился съ твоимъ приказомъ. „Никола тоже торопился, однако помогъ ей. Вотъ за его доброту я даю ему два праздника въ году, а тебѣ за твое нерадѣніе къ ближнему одинъ черезъ три въ четвертый годъ“. (Сказка разсказана мнѣ въ новгородской губ., валдайск. уѣздѣ, въ селѣ Глиненецъ въ 1900 г. К. В.).

Эта вторая запись о Касьянѣ изъ новгородской губерніи не имѣетъ ничего общаго съ первой; она принадлежитъ къ другой категоріи сказаній о Касьянѣ, которая представлена въ собраніи Афанасьева (Народн. русск. легенды, лондонск. изданіе, 1859, стр. 42), № 11: „Касьянъ и Никола“, записанный въ Орловской губ. Въѣсто бабы, утопившей конецъ холста, въ орловскомъ вариантѣ мужикъ, завязившій возъ въ грязи; Касьянъ отказался помочь, пожалѣлъ свое райское платье, а Никола помогъ; за это Богъ присудилъ Касьяну служить молебны только въ высокосные годы, а Николаѣ два раза въ годъ.

Къ той же категоріи легендъ о неотзывчивомъ святомъ относится и книжная легенда о св. Θεоктеристѣ (Лопаревъ, Слово о св. патріархѣ Θεоктеристѣ. Къ вопросу о 29-мъ февралѣ въ древней литературѣ. Памятники древней письменности. XCIV. Спб. 1893). За спасеніе отъ кораблекрушенія по обѣту построили церковь въ честь св. Николая; митрополитъ Θεоктеристъ берется вызвать самого святого, молится и ждетъ, что святой явится освятить приготовленную трапезу, но святой замѣшкался; онъ былъ занятъ спасеніемъ корабля, который тонулъ въ Тиверіадскомъ озерѣ. Когда Θεоктеристъ отъ пришедшаго наконецъ святого узналъ, какъ скучно его одарили спасенные имъ корабельщики, онъ сказалъ, что изъ-за такой малости онъ, Θεоктеристъ, и трехъ шаговъ не сдѣлалъ бы. За эти слова святые отцы приговорили память о св. Θεоктеристѣ праздновать только черезъ четыре года ¹⁾.

¹⁾ Мусульманская легенда со сходнымъ содержаніемъ записана у киргизъ на Мангышлакѣ. (Сборн. свѣд. о кавк. горахъ, VII, приложение въ концѣ

Св. Николай по преимуществу святой, который спасаетъ отъ кораблеурушеній; вѣроятно въ орловской и новгородской легендахъ первоначально также стоялъ корабль, а возъ, завязшій въ гризи, и конецъ холста явились позднѣе ¹⁾).

Сюжетъ первой новгородской записи, напечатанной г. Менделѣсономъ, былъ извѣстенъ и ранѣе, но безъ имени Касьяна. У Афанасьева это 12-я легенда; она носитъ названіе „Золотое Стремя“ (стр. 43). Въмѣсто мужика Касьяна у Афанасьева цыганъ, у котораго было *семеро* дѣтей; въ примѣчаніи подъ строкой сказано, что въ вариантѣ вмѣсто цыгана стоитъ бѣдный мужикъ Нестерка,

вѣнчикъ: „Преданіе адаевцевъ о святыхъ, стр. 8). Гакимъ-ата имѣлъ трехъ сыновей, младшаго звали Султанъ-эпъ. Гакимъ-ата однажды кликнулъ его, но Султанъ-эпъ не отозвался и даже послѣ третьяго зова не скоро пришелъ. „Не скоро пришелъ“, сердито выговорилъ ему отецъ. Султанъ-эпъ объяснилъ отцу, что на Каспійскомъ морѣ разбились два судна, люди просили его спасти ихъ, и онъ спасъ ихъ. Гакимъ-ата не повѣрилъ ему, но сынъ показалъ отцу свое мокрое платье и слѣды веревки, которою онъ вытаскивалъ людей, на спинахъ. Спасенные люди обѣщали принести спасителю въ даръ десять тысячъ тенгъ. Когда Ходжа-Ахмедъ-Эсауи узналъ обо всемъ происшедшемъ, то сдѣлалъ Гакимъ-атѣ строгій выговоръ за грубое обращеніе съ сыномъ и сказалъ: „да течетъ вода надъ твоей могилой въ продолженіе сорока лѣтъ“. Въ мусульманской легендѣ Султанъ-эпъ на мѣстѣ св. Николая; онъ же скоро пришелъ на зовъ, за что получилъ выговоръ, какъ Николай отъ Θεоктериста. Причина замедленія та же—спасеніе тонущихъ въ морѣ. Слѣдъ веревки и мокрое платье также свидѣтельствомъ о подвигѣ мусульманскаго святого, какъ запачканное платье христіанскаго въ легендѣ о Касьянѣ и св. Николаѣ. Гакимъ-ата за его черствость осужденъ высшимъ судомъ, какъ и Θεоктеристъ. Въ примѣчаніи сказано, что киргизы вѣрятъ, что если погибающіе на водѣ обратятся съ молитвой къ Султанъ-эпъ, то будутъ спасены непременно.

¹⁾ Подобная заминка корабля воемъ, завязшимъ въ болотѣ, въ польской сказкѣ: мужикъ обѣщаетъ чорту, если онъ вытащитъ завязшую въ болотѣ телегу, дать, чего дома не знаетъ, и ему приходится потомъ отдать родившихся въ его отсутствіе дѣтей, сына и дочь (Jagić, Archiv für slav. Philologie, VII, 573); въ другихъ вариантахъ на мѣстѣ воза корабль, который не двигается съ мѣста. На то, что въ легендѣ о Касьянѣ телега заминила корабль, было уже ранѣе указано г. Аничковымъ въ ст. „Микола угодникъ и св. Николай“ (въ „Запискахъ Нео-этнологич. Общества“ при Имп. Сиб. университетѣ, вып. II. № 2, стр. 45). Въ той же статьѣ г. Аничковъ отмѣтилъ сходство легенды о св. Θεоктеристѣ съ легендой о патріархѣ Афанасіи, который оскорбилъ икону св. Николая, и за это былъ наказанъ; корабль, на которомъ онъ плылъ, сталъ тонуть, а патріархъ спасся только тѣмъ, что сталъ молиться св. Николаю (стр. 22 и 44).

у котораго дѣтей шестерка; вмѣсто св. Николы здѣсь св. Егорій. Содержаніе легенды то же самое, только конецъ различный; пашки, подъ которою Касьянъ новгородской легенды будто бы хранить птицу, у Афанасьева нѣтъ; вмѣсто того барвнѣ и цыганѣ идутъ судиться къ судѣ, и послѣдній принимаетъ сторону Касьяна.

Ту же сказку объ обманщикѣ записалъ Колосовъ въ каргопол. у. Олонец. губ., герой сказки здѣсь также Нестеръ, у него дѣтей шестеро (Сборникъ отдѣленія русск. яз. и словесности Имп. Акад. наукъ, т. XVII, № 3, Спб. 1877: Колосовъ. „Замѣтки о языкѣ и народн. повѣи въ области сѣв.-великорусск. нарѣчій“, стр. 203).

Въ основѣ этой сказки лежитъ мысль о томъ, что воровство есть божеское установленіе. Касьянъ въ новгородской легендѣ, цыганъ у Афанасьева, Нестерко у Афанасьева и у Колосова, всѣ они просятъ вѣдущаго мимо святого, Егорія или Николая, спросить у Бога, какъ имъ поправить свое состояніе, и Богъ даетъ имъ разрѣшеніе жить обманомъ и воровствомъ. Та же мысль и въ монгольской сказкѣ о хитромъ ворѣ. Богъ создалъ людей съ простымъ сердцемъ и умомъ, но оказалось, что онъ сдѣлалъ ошибку; безъ остроты ума, на землѣ трудно было жить; чтобы привить людямъ остроту ума Богъ послалъ на землю вора и обманщика Балынъ-Сенге. Монгольскій Балынъ-Сенге въ родѣ нашихъ Сеньки Малаго, Яшки-шута, Климки-вора, Кузьки (въ самарской сказкѣ у Садовникова). Во многихъ изъ этихъ сказокъ, какъ русскихъ, такъ и монгольскихъ, герою приписывается ловкій обманъ, посредствомъ котораго онъ, обреченный на смерть или на неподвижное положеніе, ставитъ на свое мѣсто другого. Иногда онъ въ наказаніе за обманы привязанъ къ дереву, а горбатаго пастуха, пригнавшаго стадо, увѣрняетъ, будто его привязали, чтобы выпрямить ему горбъ, и пастухъ позволяетъ привязать себя вмѣсто обманщика; иногда онъ лежитъ около проруби, завязанный въ мѣшкѣ, и увѣрняетъ человѣка, проходящаго мимо со стадомъ, будто его хотятъ сдѣлать подводнымъ царемъ ¹⁾.

¹⁾ Известные мнѣ случаи этого рода указаны мною въ моихъ книжкахъ: „Тангутотиб. окраина Китая“, II, 170, и „Восточн. мотивы въ среднѣвѣк. европ. эпосѣ“, 479. Въ тангутской повѣсти о Гесарѣ подобный мотивъ приуроченъ къ Чотову; см. Танг.-Тиб. окр. Китая, II, 29, 30. Въ кабардинской сказкѣ Насръ-Эдинъ обманомъ заставляетъ девять человѣкъ подшарить береговой яръ, будто иначе онъ обрушится, а самъ уезжаетъ на девяти арбахъ

Въ обоихъ случаяхъ обманщикъ угоняетъ стадо обманутаго пастуха. Этотъ же мотивъ введенъ и въ новгородскую сказку; Касьянъ накрылъ шапкой какую-то гадость и увѣряетъ подъѣхавшаго барина, что ему поручили караулить диковинную птицу, сарятанную подъ шапкой ¹⁾; баринъ вѣритъ и соглашается замѣнить Касьяна, а Касьянъ садится въ тарантасъ, запряженный шестеркой лошадей, и уѣзжаетъ. Въ самарской сказкѣ у Садовникова (Сказки и нар. пред. самарск. края, Спб., 1884, стр. 139 — 143) Кузька воръ въ числѣ разныхъ продѣлокъ надъ бариномъ наполняетъ санogi гадостью; тутъ такая же нечистоплотная фантазія, но намекъ на неподвижное положеніе тутъ нѣтъ. Инцидентъ съ шапкой, какъ мы видимъ, сближаетъ новгородскую сказку о Касьянѣ со сказками о хитромъ обманщикѣ ²⁾.

Имя Нестерка, вмѣстѣ сказки „Золотое стремя“, встрѣчается въ сказкахъ съ другими сюжетами. У Афанасьева (Народн. русск. сказки, № 203: „Убогой“) Нестерка, у котораго дѣтей шестерка, получаетъ богатство, двѣнадцать возовъ серебра за то, что пожальлъ убогаго безногаго и подвезъ его на своемъ возу. Сибирскую сказку о Нестеркѣ помѣщаю въ подстрочномъ примѣчаніи ³⁾.

(Сборн. матер. для опис. мѣстн. и пл. Кавказа, в. XXVIII, отд. III, стр. 28); ср. съ монгольскимъ повѣрьемъ о летучей мыши, поддерживающей будто бы готовую обрушиться скалу. (Очерки с.-в. Монг., IV, 175, 763).

¹⁾ Аку-ртомба, тибетскій Клинка-воръ, обманомъ завладѣлъ лошадью одного человѣка, лошадь припряталъ, а самъ сталъ около тарчука (храмовой мачты) и держится за нее: владѣлецъ лошади напелъ его въ этомъ положеніи и требуетъ лошадь. Воръ говоритъ, что лошадь цѣла, но ему нельзя отлучиться отъ мачты; монахи заставили его держать мачту, чтобъ не упала. Владѣлецъ лошади беретъ поддержать мачту и отпускаетъ обманщика, который уѣзжаетъ на его лошади. (Танг.-тиб. окр. Китая, II, 169).

²⁾ Имя Кузька, которое обманщикъ получилъ въ самарскомъ краѣ, можетъ быть, обязано татарскому влиянію. Хитрый человѣкъ въ киргизскихъ сказкахъ носить названіе Алдаръ-Косѣ. Какъ онъ называется въ сказкахъ поволжскихъ татаръ, мнѣ неизвестно. Въ татарско-мусульманскихъ легендахъ средняго Поволжья упоминается Балынъ-Гузъ; не связывалось ли съ этимъ именемъ сюжетъ въ родѣ сказокъ монгольской о Балынъ-Сенге, киргизскихъ объ Алдаръ-Косѣ и русской о Кузькѣ?

³⁾ Сказка о Нестеркѣ. Нестерка былъ совсѣмъ бѣдный человѣкъ; онъ пришелъ къ царю и спрашиваетъ, отчего онъ бѣдный. Царь сказалъ: „Развѣ я могу знать и присудить такое дѣло“, и прогналъ его. Дочь царя сказала: „Дайте мнѣ, батюшка, вашу корону, и я его разсужу“. Когда царь отдалъ ей корону,

Изъ четырехъ записей сказки о золотомъ стремени, въ двухъ стоитъ имя Нестерка и только въ одномъ новгородскомъ—Касьянъ. Не случайно ли такое приуроченіе этого имени? Имѣетъ ли сюжетъ о Золотомъ стремени какое-нибудь отношеніе къ Касьяну, пожавшему свое райское платье?

Мы имѣемъ о Касьянѣ двѣ темы:

1) Касьянъ не скорый на помощь; противоположность ему представляетъ св. Николай, который, не задумываясь, немедленно спѣ-

она сказала Нестеркѣ: „Ты женись; можеть быть, когда у тебя будетъ жена и дѣти, ты будешь счастливъ и богатъ“. Отецъ осердился; отдалъ дочь за Нестерку и сказалъ: „Вотъ и посмотримъ, какъ вы будете богаты“. Она поселилась въ худой избушкѣ и жила бѣдно; она соткала ширинку и велѣла снести на базаръ и продать за то, что дадутъ, хоть за одно слово. Мужъ пошелъ въ городъ, встрѣтилъ старика и предложилъ ему ширинку. А что просишь?—Что дашь. — Ну я дамъ тебѣ слово: „Безъ року смерти не будетъ“. — Вернулся Нестерка и разсказалъ женѣ; та сказала: Ну, хорошо. — Потомъ онъ несетъ другую ширинку; зашелъ въ другую улицу, чтобъ не встрѣтить того же человека, но опять долженъ былъ продать ему же за слово: „Суди ни потому, ни по другому“. И въ третій разъ продалъ ширинку ему же за слово: „Подними да не опусти“. Послѣ этого у нихъ уже вышли средства и на ширинки, и онъ нанялся на корабль, деньги оставилъ женѣ и отплылъ. На пути корабли стали; смотрѣли въ воду, спускали водолазовъ, камней и карчей не нашли. Рѣшили спустить кого-нибудь до дна; никто не соглашается спуститься. Тогда Нестерка подумалъ: Мнѣ сказано, безъ року смерти не будетъ! и согласился идти на дно, только съ тѣмъ, чтобъ ему дали за это три корабля. Спустили его на дно; тамъ дворецъ морского царя. Онъ вошелъ. Царь морской спорить съ гостемъ своимъ, польскіймъ (т.-е. полевымъ) царемъ; увидѣвъ Нестерку, говоритъ: „Вы живете на землѣ, торгуете, промышленяете; скажи намъ, разрѣши споръ, что дороже: золото да серебро или мѣдъ да желѣзо“. Нестерка вспомнилъ второе слово и сказалъ: „И безъ того нельзя и безъ другого; они въ равной цѣнѣ“. Тогда цари повеселили и царь морской сказалъ: „За тѣмъ я и корабли остановилъ, чтобы рѣшить этотъ споръ“. Далъ ему боченокъ золота и сказалъ, что онъ посылаетъ огурцы венному царю, чтобъ не отобрали у него,—и отпустилъ. Нестерка поднялся на корабль, получилъ три корабля риженыхъ съ товаромъ, и корабли пошли. На золото онъ купилъ еще кораблей и товару, и съ тридцатью кораблями вернулся къ женѣ. Она все еще живетъ въ худой избушкѣ. Зашелъ, видитъ, она спитъ съ двумя взрослыми мужчинами, одинъ по правую, другой по лѣвую руку. Онъ замахнулся саблей, но вспомнилъ третье слово: Подними, да не опусти! и остановился; разбудилъ жену и спросилъ ее, что это за люди; она сказала, что это его сыновья; онъ оставилъ жену беременной, когда уезжалъ изъ дому. (Записано отъ В. Паликина въ городѣ Бійскѣ, Томск. губ.).

шить спасать корабль, тонущій въ водѣ, или возъ, завязшій въ топкомъ мѣстѣ. Въ монголобуддійскихъ легендахъ дѣла милосердія приписываются главнымъ образомъ богу Арья-Бало или Авалоки-тешварѣ; этотъ же богъ, подобно св. Николаю, по преимуществу представляется спасителемъ кораблей, тонущихъ въ морѣ.

2) Касьянъ хитрый обманщикъ; въ монгольскихъ сказкахъ это, какъ выше сказано, Балынъ-Сенге; и Монголы и Тибетцы утверждаютъ, что этотъ обманщикъ есть воплощеніе бога Арья-Бало.

Хотя пока не извѣстно ни одной легенды объ Арья-Бало, которая напоминала бы русскую о двухъ святыхъ, изъ которыхъ одинъ отзывчивый къ чужой бѣдѣ, другой нѣтъ, все же нельзя не принять къ свѣдѣнію, что въ монголотибетскомъ преданіи мы замѣчаемъ, какъ и въ русскомъ, какую-то связь между легендой о милосердномъ богѣ, спасающемъ корабельщиковъ, и рассказами о хитромъ обманщикѣ ¹⁾.

По одной монгольской сказкѣ хитрый Балынъ-Сенге обманываетъ Ерлика, царя ада; онъ преувеличиваетъ быстроту бѣга своего быка, промѣниваетъ его Ерлику на дракона, даетъ Ерлику молотокъ, чтобы бить по лбу быка, если тотъ будетъ тихо бѣжать, а самъ на драконѣ уѣзжаетъ въ адъ и садится на тронъ Ерлика. Когда Ерликъ пришелъ въ адъ, адскіе слуги приняли его за самозванца и бросили въ адскую яму, а Балынъ-Сенге воцарился на его мѣстѣ; такимъ образомъ эта сказка сливается хитраго обманщика Балына съ царемъ ада. Сходное сліяніе и въ русскомъ повѣр'ѣ. По одной записи Касьянъ бьетъ безъ отдыха молотомъ сатану, и только 29 февраля, въ свои именины, прерываетъ эту работу, и сатана пользуется этимъ временемъ, чтобы лакомить людямъ; по другой записи черти бьютъ по головѣ Касьяна непрерывно въ теченіе четырехъ лѣтъ и только 29 февраля даютъ

¹⁾ Въ монголотибетскомъ преданіи милосердіе и обманъ приписываются одному и тому же лицу, хотя и являющемуся подъ разными именами (Арья-Бало и Балынъ-Сенге), въ русскомъ же съ Касьяномъ связанъ только обманъ, а милосердіе усвоено св. Николаю, Касьянъ же описывается вѣнчатымъ. Но въ указанной выше сказкѣ въ собраніи Афанасьева (№ 203) Нестеркъ приписывается милосердный поступокъ: онъ подвезъ на своемъ возу безногаго человѣка; тогда какъ въ сказкѣ „Золотое стремя“ Нестерка является воровскимъ персонажемъ. И въ русскомъ преданіи, значить, есть случаи, когда милосердіе и обманъ приурочиваются къ одному и тому же персонажу.

Касьяну отдыхъ. Народное повѣрье приписываетъ Касьяну демоническую природу; онъ сидитъ неподвижно съ опущенными рѣсницами (по-малорусски *оіями*) и только 29 февраля его вѣки и рѣсницы поднимаются; тогда онъ смотритъ на міръ, и все, на что онъ взглянетъ, гибнетъ—представленіе, напоминающее кельтское преданіе о Balor'ъ ¹⁾).

Г. Милорадовичъ, собиратель народныхъ преданій въ лубенскомъ уѣздѣ полтавск. губ., доставилъ мнѣ слѣдующее извѣстіе о Касьянѣ: „Касьянъ у земли стоитъ; ѣго ангелы забыли и у той день, якъ винъ прысне, подывятся на свить, то на що подывятся, те буде мертве. Сейчасъ ѣго ангелы двонадцать молотьямъ бьють и пидъ камень пидвернуть и запечатають ѣго на три года“ (с. Вильшанка отъ Вѣричъ ²⁾). „У касьяновскій (высокосный) годъ: 1) не можна братись (вѣнчатся) и 2) молоко у коровъ одіймається“.

Идея о неподвижномъ положеніи въ трехъ случаяхъ связана съ именемъ Касьяна: 1) въ малорусскомъ повѣр'ѣ о св. Касьянѣ, неподвижно сидящемъ въ креслѣ, 2) въ новгородской сказкѣ о

¹⁾ См. Н. D'Arhois de Jubainville, *Le cycle mythologique irlandais et la mythologie celtique*, Paris, 1884, p. 218. Балоръ (Balor) имѣлъ одинъ глазъ въ серединѣ лба, другой зади головы. Взглядъ послѣдняго причинялъ смерть. Балоръ держалъ его постоянно закрытымъ: открывалъ только, когда хотѣлъ освободиться отъ врага. Отсюда въ Ирландіи выраженіе „глазъ Балора“, *suil Baloir*, то же, что французское „le taureau oeil“. Это взглядъ, который въ Mag-Tured'ской битвѣ поразилъ на смерть короля Nuadu. Одинъ кузнецъ ударилъ Балора зади въ его волшебный глазъ раскалившимся на огнѣ желѣзомъ и Балоръ умеръ (стр. 207). Славянское книжное повѣрье смертоносный взглядъ приписываетъ аспиду: „аще что любо назирати, то змирати“ (Jagić Archiv, XV, S. 248). Неподвижное положеніе, нарушеніе котораго влечетъ гибель людей, связано съ птицей Страпонъ, сидящей на янцахъ посреди моря; когда она встревожится, океанъ море восколыхнется (Вост. мотивы, 650). Версии имени: страхиль, естрафилъ, нострохиль, аштраха, астрахтуръ. Ср. строфокамилъ, стръюкамилъ, шръюкамилъ, о которомъ повѣрье: птица не сидитъ на янцахъ, а не отрываясь смотреть на нихъ; какъ только отвернется, янца портятся или ихъ похищаетъ аспина (аснидъ? Jagić, Archiv, XV, 250). О заповѣди: „не оглядывайся“! см. Тапг.-тиб. окраина Китая, II, 41, 213, 337.

²⁾ Вероятно, три года тутъ по ошибкѣ вмѣсто четырехъ. Повидимому ангелы глубоко вгоняютъ Касьяна въ землю своими молотами, но онъ старается въ теченіе четырехъ лѣтъ вновь вылезти изъ-подъ земли подобно тому, какъ казакскій Амирагъ постоянно таветь цѣпь и пыгается порвать ее; цѣпь становится тонкой, готова порваться, но въ известный день въ году кузнецы бьють молотами по наковальнямъ, и цѣпь становится снова толстою.

хитромъ Касьянѣ, караулящемъ шапку, и 3) въ быливѣ о сорока каликахъ, атаманъ которыхъ, Касьянъ, былъ закопанъ въ землю.

Если дѣйствительно въ дохристіанскомъ преданіи былъ образъ, который одновременно далъ элементы и для разсказа о пройдохливомъ мужикѣ Касьянѣ, и для легенды о святомъ Касьянѣ, то значить, этотъ образъ имѣлъ двойственный характеръ въ родѣ ламайскаго божества Арья Бало, бога свѣта, правды и человеколюбія, воплощеніе котораго, однако, народное новѣрье видитъ въ безпутномъ и плутоватомъ Батынѣ-Сэнгѣ (Вост. мотивы, 466). Такой же двойственный характеръ имѣетъ и герой монгольской книжной повѣсти о Гэсэр-ханѣ; жизнь Гэсэра распадается на двѣ части: въ первой, когда онъ носитъ названіе Джоро, это прохливый характеръ, озорникъ, который издѣвается надъ своимъ дядей Чотономъ, подводитъ своихъ товарищей и т. п.; во второй—это богатырь, истребитель злыхъ существъ на землѣ, въ родѣ нашего Егорія Храбраго, защитникъ и покровитель правосвѣрія. Кажется, такой же двойственный характеръ имѣлъ и Іегешуа средневѣковой еврейской легенды (Вост. мотивы, 493); одни преданія придавали ему, повидимому, свѣтлыя черты, другія описывали докучливымъ озорникомъ ¹⁾. На существованіе въ древнемъ

1) Есть одинъ мотивъ, общій и Касьяну и Іегешуа. Касьяна, хотя и неправильно, обвинили и уличили въ покражѣ чаши и толпа каликъ бьетъ его; егешуа похитилъ изъ храма имя Господне и за это толпа евреевъ побиваетъ его камнями (Вост. мотивы, 494). Мотивы монголотибетской Гэсэриады находятся въ киргизскихъ сказкахъ о Ковѣ и Козу-Курпешѣ; въ обоихъ сказаніяхъ содержится сюжетъ о соперничествѣ изъ-за женщины; Кодаръ, врагъ Козу, повидимому, отвѣчаетъ Чотону, врагу Гэсэра; объ отношеніяхъ Гэсэриады, а также тюркской сказки объ Идыге, въ египетскому роману о двухъ братьяхъ см. въ Восточ. мотивахъ, стр. 684 и Ж. вая Старина, 1897 г., вып. IV, статья „Тюркская сказка о Идыге“ стр. 339). Въ концѣ сказки у Козу является другой противникъ Джиды бай; я догадываюсь, что это вставка изъ другого варианта, въ которомъ Кодаръ въполнѣ замѣнялся Джиды-баемъ. Судя по сказкѣ объ Идыге съ формами Иды, Джиды соединялась роль не врага Козу-Курпеша, а роль его самого. Идыге, когда ему начала угрожать опасность, вылетѣлъ въ дымовое отверстіе юрты; то же самое при грозившей опасности сдѣлалъ и Козу; послѣ того, какъ Козу вылетѣлъ изъ юрты, сказка находитъ его на вершинѣ дерева; Кодаръ пускаетъ стрѣлу и заставляетъ его упасть съ дерева на землю; въ еврейской легендѣ Іегешуа, убѣгая отъ ловящихъ его евреевъ, поднимается на воздухъ; Іуда спускаетъ его на землю, окропивъ его нечистой жидкостью; случай, въ которыхъ летающій противникъ низведенъ на землю при помощи дождя (мо-

народномъ повѣрѣ такого двойственного персонажа указываетъ и русская сказка о кузнецѣ и чортѣ. Чортъ оказываетъ услугу кузнецу, вмѣстѣ съ нимъ перековываетъ старыхъ людей на молодыхъ и здоровыхъ; по уговору полученные деньги они дѣлятъ пополамъ; кузнецу стало жалко уступать половину, онъ отдѣлился отъ товарища, но одинъ ничего не могъ сдѣлать и только погубилъ людей и попалъ въ тюрьму; тогда чортъ выручилъ его, и съ той поры кузнецъ сталъ относиться къ чорту почтительно. Тутъ очевидно чортъ въ роли бога. И дѣйствительно, въ вариантахъ на мѣстѣ чорта стоитъ Христосъ ¹⁾.

жеть быть вызваннаго при помощи камня джеда или дзада), приведены жноу въ ст. „Змѣй Горынычъ и Тугаринъ Змѣевичъ“ (Этнограф. Обзор. кн. XXIV, стр. 117). Касьянъ обвиненъ въ похищеніи чаши у жены Владиміра; Гесеръ похищаетъ у небожительнои не чашу, а драгоценности (Эрдени), но чаша еигурируетъ и тутъ; Гесеръ подноситъ небожительнои семь чашъ съ виномъ; можетъ быть, чудесныи силы, которыми были одарены Эрдени, приписывались также и чашамъ, и разсказъ былъ проще, вмѣсто двухъ процессовъ добыванія: сначала чашъ, а потомъ чудодѣйственныхъ Эрдени, добывались только чудодѣйственныи чаши. Касьяна за похищеніе чаши зарыли по поясъ въ землю и бьютъ; съ Гесеромъ было поступлено иначе; небожительнои столкнула его съ неба,—казнь, напоминающая болѣе судьбу Езона, котораго жрецы обвинили въ покражѣ чаши изъ дельейскаго храма и столкнули со скалы. Мотивъ вымоганія секрета у матери, причиняя ей боль (зажимая ея руку съ накаленнымъ жаренымъ просомъ или прищемляя ея шею крышкой ящика) пристроенъ ко всѣмъ тремъ персоналамъ: и къ Гесеру, и къ Козу и къ Егешуа (Потанинъ Тагг.—тиб. окраина Китая, II, 119, и Вост. мотивы, 496).

¹⁾ Этотъ разсказъ принадлежитъ къ категоріи легендъ, культивирующихъ уваженіе къ святымъ изображеніямъ, куда относится также и легенда, указанная г. Аничковымъ, о патріархѣ Аѳанасіи. Одному благочестивому человеку указано во снѣ заказать три иконы: Спаса, Богоматери и св. Николая; Аѳанасій, приглашенный на пиръ вмѣстѣ съ вселенскимъ соборомъ, отслужилъ молебенъ передъ двумя иконами, а икону св. Николая велѣлъ вынести вонъ и пазналъ святого „смердовичемъ“. Послѣ того корабль, на которыхъ плылъ Аѳанасій со вселенскимъ соборомъ, стали тонуть; онъ взмолился Спасу и Богородицѣ, вселенскій соборъ былъ спасенъ, но корабль съ Аѳанасіемъ продолжаетъ тонуть; тогда онъ призвалъ св. Николая и „смердовичъ“ спасъ его (Аничковъ, указ. ст., 22). Въ томъ же смыслѣ русская народная легенда у Аѳанасьева (пароди. русск. легенды, Лондонъ, 1859, стр. 141): Скупой человекъ далъ мужику въ долгъ денегъ, подъ порукою иконы св. Николая и не получивъ долга, топчетъ икону св. Николая или возитъ ее на возу по базару и бьетъ плетью; купеческій сынъ выкупаетъ икону. Святой является къ нему подъ видомъ нанимающагося прикащика, помогаетъ ему разбогатѣть, а потомъ

Опущенныя вѣки всѣмъ извѣстны изъ повѣсти Гоголя: „Вій“
 Содержаніе повѣсти такое: бурсакъ возить на себѣ вѣдму; при
 помощи молитвы освобождается и въ свою очередь садится на нею
 и ѣздитъ до тѣхъ поръ, пока она не упала замертво; передъ
 смертью она завѣщаетъ, чтобъ надъ гробомъ ея читалъ этотъ
 самый бурсакъ; онъ читаетъ три ночи; покойница по ночамъ
 встаетъ изъ гроба; церковь, въ которой стоялъ гробъ, наполняется
 нечистыми духами; они летаютъ по церкви, но не видятъ бурсака;
 потому что онъ очертился кругомъ: на третью ночь они приемы-
 ваютъ на помощь Вія; у Вія желѣзное лицо и желѣзный палецъ
 (можетъ быть и все тѣло) и опущенныя вѣки; нечистые поднимаютъ
 ему вѣки, Вій указываетъ пальцемъ на бурсака и тотъ падаетъ
 мертвый; раздается крикъ пѣтуха, черти бросились вонъ изъ церкви

помогаетъ вылечить больную царскую дочь, на которой купеческій сынъ и
 женится. Въ другой легендѣ изъ Шенкурск. у. Арханг. губ. попъ осердился
 на св. Николая за то, что служилъ у него въ приходѣ и ничего не выслу-
 жилъ, ударилъ святого ключами по плъши и ушелъ изъ прихода; дорогой
 встрѣтилъ старца; это конечно былъ св. Николай; старецъ предложилъ попу
 ходить вѣстѣ, лѣчить народъ, но съ условіемъ деньги дѣлать пополамъ;
 старецъ уводилъ больного или больную въ баню, разрубалъ на части, пере-
 мывалъ ихъ, складывалъ и оживлялъ; жаждый попъ хотѣлъ, чтобы всѣ деньги
 доставались ему одному, взялся лѣчить безъ помощи старца, разрубилъ боль-
 ную на части, но оживить не могъ; его повели на висѣлицу, но старецъ ожи-
 вилъ разрубленную и спасъ попа (Афан., легенды. 119). Въ вариантѣ изъ
 Чистополя у. Казанск. губ. также жаждымъ до денегъ изображается попъ, но
 чудесныя исцѣленія производитъ Христосъ; св. Николай и тутъ упоминается;
 онъ сопутствуетъ Христу (ib., 15). Сюда же относится и сказка о кузнецѣ и
 чортѣ: сказка начинается разсказомъ о томъ, что у кузнеца былъ обычай, ко-
 гда онъ утромъ входилъ въ кузницу, онъ каждый разъ билъ по лбу чорта
 изображеніе котораго висѣло на стѣнѣ; чортъ, чтобы проучить кузнеца, при-
 нимаетъ видъ подмастерья и нанимается къ кузнецу на службу. Въ этой сказкѣ
 чортъ на мѣстѣ св. Николая, кузнецъ на мѣстѣ попа. Тотъ же смыслъ у ла-
 майской легенды объ Аю-бодисатвѣ (или Опо-нойонѣ; см. Очерки сѣв.-зап.
 Монг. IV, стр. 317); Аю вѣстѣ съ своей матерью находятъ на степи человека,
 въ пылѣ, умирающаго отъ жажды; они очистили его тѣло, обмыли, напоили
 его и отнесли въ тѣнистое мѣсто. Это былъ богъ Бурханъ-баиши; впоследствии
 богъ принялъ видъ коня, и въ этомъ видѣ привезъ Аю-бодисатвѣ вѣстѣту,
 царскую дочь. Я думаю, что подъ тѣломъ, вайданнымъ въ степи и покрытымъ
 пылью, надо подразумѣвать статую бога—предположеніе, что подъ именемъ
 Бурхана-баиши тутъ скрывается богъ Арья-Бало, было мною высказано въ
 книгѣ „Вост. мотивы“, стр. 418.

но завязли въ окнахъ и дверяхъ. Повѣсть основана на народной сказкѣ, варианты которой у Афанасьева (Народн. русск. сказки) помѣщены подъ названіемъ: „Разказы о вѣдьмахъ“ (№ 208) ¹⁾. Въ вариантѣ *а* волшебница—королевская дочь—умарааетъ; ее три ночи отчитываетъ поповскій сынъ; ѣзды на волшебницѣ нѣтъ; поповскій сынъ остается цѣлъ. Въ вариантѣ *с* волшебница—купеческая дочь; вмѣсто поповскаго сына—„солдатъ“; волшебница хочетъ обратить солдата въ жеребца, но солдатъ предупредилъ—ее самой обратилъ въ кобылу, и ѣздилъ на ней и билъ осиновымъ полѣномъ до тѣхъ поръ, пока не убилъ; отецъ волшебницы заставляеть солдата три страшныя ночи читать надъ покойницей. На третью ночь солдатъ спасается на печномъ столбѣ, прикрывшись сковородкой; черти не видятъ его; приходитъ „самый старый чортъ“ (персонажъ, отвѣчающій Вію Гоголя) и указываетъ имъ на солдата; они поджигаютъ столбъ, но раздается крикъ пѣтуха и они бѣгутъ.

Въ другихъ сходныхъ сказкахъ вмѣсто умершей волшебницы живая, но заколдованная—царевна или дѣвица; чтобы освободить ее отъ чаръ, нужно три страшныя ночи отчитывать ее или играть на скрипкѣ; въ № 152, вар. *а*, у Афанасьева солдатъ проводить три ночи во дворцѣ, играя на скрипкѣ; черти пугаютъ его бурей, громомъ и другими ужасами; является „дѣдушка“ чертей и велитъ устроить кузницу, чтобы донять солдата накаленными прутьями. Въ этомъ вариантѣ заколдованное состояніе королевны выразалось тѣмъ, что тѣло ея было черное; послѣ трехъ ночей солдатскаго труда тѣло ея побѣлѣло. Въ № 90 черти не даютъ царевнѣ спать по ночамъ; избавляетъ ее солдатъ. Въ № 91 чертъ мучаетъ королевну; избавляетъ солдатъ.

Отъ крестьянки села Павлова Нижегородской губерніи, Авдотьи Артамоновны Грузинцевой я записалъ сказку, въ которой трудъ избавителя не ограничивается однимъ отчитываніемъ или бѣднѣемъ у гроба, а за нимъ слѣдуетъ еще очищеніе утробы царевны. Разсказщица озаглавила сказку: „Николай чудотворецъ и

¹⁾ О параллелихъ къ гоголевскому „Вію“ см. въ статьяхъ: 1) Сумцовъ, Параллели къ повѣсти „Вій“, въ „Кіевской Старинѣ“, 1892, III, 472 и 2) Милорадовичъ, къ вопросу объ источникахъ „Віа“, въ „Кіевск. Старинѣ“, 1896 г., IX, 46—48. Г. Сумцовъ указываетъ между прочимъ на итальянскую сказку о Балорѣ.

отрокъ". Одинъ старичокъ спасался въ келейкѣ, къ нему ходилъ одинъ бѣдный отрокъ. Однажды отрокъ говорить старцу: наваялся бы я въ кашевары на корабль, да боюсь. Не бойся, сказалъ старичокъ. Я тебѣ помогу. Я виѣстѣ съ тобой поѣду, только ты меня называй отцомъ и слушайся. Отрокъ обѣщалъ все дѣлать, хоть въ воду идти. Приплыли въ одно царство на *трехъ* корабляхъ, а тамъ у царя умерла дочь; каждую ночь къ ея трупу въ церковь посылають караульщика и караульщикъ уже не возвращается; она ѣстъ ихъ. Царь позволяетъ купцамъ торговать, но подѣ условіемъ—каждый изъ *трехъ* купцовъ долженъ по ночи простоять у царевны. Приходитъ первый купецъ къ старику и говорить: дѣдушка, пошли своего отрока караулить царевну, весь корабль ему отдамъ. Дѣдушка говорить отроку: ступай, пока-
жуль!—Страшно, говорить, батюшка!—Ничего, не бойся! Ты **тамъ** помолись, а я здѣсь за тебя помолюсь, того пуще и ничего **не** **будетъ.** Вѣдь ты обѣщалъ въ воду идти, если прикажу, а я **не** **въ** воду посылаю, въ церковь; въ водѣ утонешь.—Отвелъ **ста-**
рикъ отрока въ церковь, очертилъ его кругомъ и далъ ему книгу; **отро-** **къ** грамотѣ не зпалъ; онъ велѣлъ ему смотрѣть въ книгу, **чи-** **тать** молитвы, а по сторонамъ не смотрѣть; „а то цѣлъ не **бу-**
дешь“! Отъ двѣнадцати часовъ до заутрени онъ долженъ былъ **сто-** **ять.** Царевна лежала въ гробу, подвѣшенномъ на желѣзныхъ **ре-** **ляхъ;** рели загремѣли, гробъ спустился, царевна вышла и на-
чала бросаться, а въ кругъ попасть не могла. Пришелъ пономарь, **на-** **шелъ** челоуѣка живымъ, доложилъ попу, тотъ владыкѣ, влады-
ко **царю;** пришелъ самъ царь посмотрѣть. На другую ночь отрокъ **идетъ** за другого купца, на третью за третьяго. Въ послѣднюю **но-** **чь** царевна бросилась изъ гроба и прямо попала въ кругъ; онъ **чи-** **таетъ** правую страницу, она лѣвую. Приходитъ на утро поно-
марь, опять докладываетъ по порядку. Приходитъ царь и видитъ **сто-** **итъ** отрокъ и рядомъ съ нимъ его дочь, живая. Она говорить: **Ба-** **тюшка,** это мой спаситель! Я иду за него замужъ.—Ихъ об-
вѣнча- **ли;** сколько пожили, дѣдушка говорить: теперь тебѣ сынокъ, **пора** **домой** отправляться.—Поѣхали домой. Остановились въ по-
лѣ **ночевать.** Старикъ и говорить отроку: Сынокъ! ты не одинъ **за-** **работалъ** это богатство; ты молился, а я пуще тебя. Давай **дѣ-** **лять** его!—Что-жъ, батюшка! говорить отрокъ. Дѣли, какъ **зна-** **ешь.**—Старикъ отдѣлилъ себѣ половину и говорить: И жена

твоя должна быть вѣстияшная. Отрокъ задумался.—Что жъ задумался? али жалко ее?—Отрокъ говорить: Да какъ же живого человѣка дѣлить?—Раздѣлимъ пополамъ.—Дѣли, батюшка, какъ знаешь.—Старикъ положилъ жену на землю, три раза провелъ пожомъ по ея брюху, разрѣзалъ ее пополамъ, вырѣзалъ изъ ея утробы дьявольское гнѣздо и ввергъ въ море, снова сложилъ обѣ половины и стала она живою. Вотъ, сказалъ старикъ, твоя жена; теперь она никогда не будетъ больною. Владѣй и всѣмъ этимъ богатствомъ, только не забывай молиться Николаю чудотворцу; самъ съ тобой былъ ¹⁾).

Исцѣленіе больвой женщины входитъ въ составъ сказки „Кривда и Правда“ (у Афанасьева № 66). Въ вариантѣ *a* царевну десять годовъ мучаетъ бѣсъ, никто не можетъ его изъ нея выпнать; герой сказки достаетъ образъ Смоленской Божьей Матери, опускаетъ его три раза въ воду и этою водою оmyваетъ больную; вражья сила клубомъ вылетѣла изъ нея. Въ вариантѣ *e* царевну сосутъ по ночамъ семьдесятъ семь чертенятъ; герой сказки вылѣчиваетъ ее тѣмъ, что срываетъ жаръ-цвѣтъ (есть такой цвѣтъ, когда онъ цвѣтеть, море колыхается). Въ вариантѣ *c* царевна ослѣпла; ее исцѣляютъ травой; въ вариантѣ *d* дочь одного барина изсушена нечистымъ духомъ; герой сказки купаетъ ее въ отварѣ какой-то травы и она выздоравливаетъ; въ вариантѣ *d* герой сказки подслушиваетъ разговоръ *трехъ* старцевъ и узнаетъ изъ него причину болѣзни царевны, которою она три года больна; царевна уронила крошку просвиры, эту крошку подхватила лягушка и съѣла; нужно добыть эту крошку изъ лягушки, скоротить царевнѣ и она выздоровѣетъ. Въ подстрочномъ вариантѣ заклятая царевна людей пожирала; нужно достать животворный

¹⁾ Въ монгольскомъ преданіи мотивъ очищенія утробы, повидямому, приписывается Арья-Бало. Мачеха-вѣдьма преслѣдуетъ пасынка и падчерицу или двухъ мальчиковъ, велитъ убить ихъ; но палачи пожалѣли дѣтей и дали имъ возможность убѣжать; потомъ одинъ изъ нихъ (царевичъ Ойо—чикиту), выросши на сторонѣ, возвращается во дворецъ, застаётъ отца-хана еле живымъ, убиваетъ вѣдьму, куритъ во дворцѣ травами, поитъ хана молокомъ и такимъ образомъ очищаетъ его отъ вредныхъ запаховъ, напущенныхъ вѣдьмой. (Bergmann, Nomadische Streifereien unter d. Kalmüken, Riga, 1805; Потанинъ, Очерки с. в. Монг., IV, 293). Бергманъ говоритъ, что сама редакція заявляетъ, что Ойо—Чикиту есть воплощеніе бога Арья - Бало.

крестъ, который скрытъ въ горѣ, и имъ благословить больную; герой сказки достаетъ крестъ, идетъ на сѣденіе царевнѣ вмѣсто другого лица, которому выпалъ жребій, и исцѣляетъ царевну. Почти во всѣхъ вариантахъ царь выдаетъ свою дочь замужъ за ея исцѣлителя.

Вариантъ этой сказки записанъ на Кавказѣ; подобно, какъ въ русской сказкѣ „Правда и Кривда“, и здѣсь два брата, богатый и бѣдный, и, какъ тамъ, богатый выткнулъ глаза бѣдному; бѣдный попадаетъ въ пещеру говорящихъ звѣрей (У Афанасьева вмѣсто звѣрей черти или нечистые духи, но въ одномъ вариантѣ, именно f, тоже звѣри) и уноситъ у нихъ яму съ золотомъ, и ткань, дающую пищу, и узнаетъ секретъ о деревнѣ, исцѣляющемъ болѣзни; при посредствѣ этого секрета онъ вылѣчилъ больного князя. (Сборникъ свѣдѣній о кавказск. горцахъ, вып. III, Осетинскія сказанія, стр. 10—14).

Осетинская сказка представляетъ переходъ къ сказкамъ о трехъ талисманахъ, изъ которыхъ одинъ исцѣляетъ больную царевну. Помѣщая здѣсь цѣликомъ въ „приложеніи“ ¹⁾ вариантъ этой сказки, записанный г. Лесевичемъ отъ крестьянина Чмыхала въ селѣ Денисовкѣ, лубенск. у., полтавск. губ., и нигдѣ еще ненапечатанный.

У Афанасьева напечатано три варианта этой сказки, изъ которыхъ одинъ записанъ въ Орловской, другой въ Архангельской губ.; третій безъ указанія мѣста записи; сказкѣ дано названіе „Рога“ (№113). Въ орловскомъ вариантѣ герой называется батракомъ, въ архангельскомъ Мартышкой, въ третьемъ „докторомъ“. Въ орловскомъ приобретаются три талисмана: скатерть-самобранка, коверъ-самолетъ ²⁾ и сапоги-скороходы; въ архангельской кошелекъ, въ которомъ не убываетъ золото, однозолотныя карты, въ которыя никогда не проиграешься; въ третьемъ вариантѣ у доктора были три вещи: шапка-невидимка, неисчерпаемый кошелекъ и тросточка, отъ удара которой по землѣ являются три молодца и начинаютъ служить. Царская дочь выигрываетъ талисманы въ карты; прежній ихъ обладатель, скитаясь въ полѣ, находитъ двѣ яблоня; отъ сѣдѣннаго яблока съ одной изъ нихъ тѣло царевны обро-

¹⁾ См. стр. 116—124.

²⁾ Коверъ, слѣдовательно, на мѣстѣ кося Гавери полтавской сказки.

стають рогами, отъ яблоковъ съ другой пропадаютъ. Въ архангельскомъ вариантѣ Мартышка сначала одѣвается маркитантомъ, продающимъ яблоки, а когда у царевны выросли рога, онъ одѣвается докторомъ, идетъ мимо дворца и выкрикиваетъ: „Нѣтъ ли дохтуру работы?“ Въ третьемъ вариантѣ вмѣсто яблонь три куста, одинъ съ черными, другой съ красными, третій съ бѣлыми ягодами; бѣлыя ягоды исцѣляютъ царевну. Во всѣхъ вариантахъ мнимый докторъ ведетъ царевну въ баню, сначала наказываетъ ее за отобранные талисманы, бьетъ ее желѣзными прутьями, а потомъ даетъ яблоко или ягоды, отъ которыхъ рога сваливаются.

Въ бѣлорусскомъ вариантѣ изъ рогаческаго уѣзда (Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ, в. III, № 23 „Рога“, стр. 181—186) отецъ, умирая, надѣляетъ своихъ трехъ сыновей подарками, которые хранились у него въ скринѣ на морскомъ островѣ подъ зеленомъ дубомъ; старшему сыну онъ далъ неисчерпаемую трубочку, среднему рожокъ: затрубишь, изъ него пойдетъ войско, и младшему рушникъ, который переносить, куда захочешь. Младшій братъ играетъ съ царевной картежницей и она овладѣваетъ всѣми тремя подарками. Ограбленный и прогнанный человекъ находитъ яблоню, отъ яблоковъ которой нарастаютъ на тѣлѣ рога, и другую, отъ яблоковъ которой рога отпадаютъ. Царевна обросла рогами; ограбленный ею человекъ берется излѣчить ее; онъ читаетъ надъ ней книгу, возвращаетъ отобранные подарки, ведетъ ее въ баню, бьетъ ее и потомъ даетъ яблоковъ, снимающихъ рога.

Въ смоленскомъ вариантѣ (Добровольскій, Смоленскій Сборникъ, ч. I, Спб., 1891, № 27, стр. 561—568) курица снесла яйцо; кто съѣстъ крылышко цыпленка, у того подъ головой послѣ сна будетъ являться сто золотыхъ. Съѣвшій крылышко мальчикъ изгнанъ, дошелъ до царя; царевна играетъ съ нимъ въ карты, обыграть не можетъ, у него денегъ безъ конца; она вырвала у него у пьянаго косточку изъ-подъ бороды и прогнала его. Онъ встрѣчаетъ людей, спорящихъ о трехъ вещахъ: шапкѣ-невидимкѣ, мошнѣ-трясейкѣ и плети. Но и эти вещи отобрала царевна. Далѣе рассказъ о двухъ сортахъ яблоковъ; одно яблоко съѣлъ, на лбу выросъ рогъ, съѣлъ другое, рогъ отпалъ. И у царевны послѣ съѣденнаго яблока выросъ рогъ. Обиженный ею человекъ снялъ съ нея рогъ, потомъ ударилъ ее „батауѣхъ“; она обрати-

ласъ въ кобылицу, а онъ, надѣвъ шапку-невидимку, убѣжалъ. Конецъ: отъ удара плетью царевна снова принимаетъ человѣческій образъ и выходитъ замужъ за обиженного ею человѣка.

Вологодскій вариантъ (Иваницкій, Матеріалы по этнографіи вологодской губерніи, въ Извѣстіяхъ Имп. Общества любит. естествозн. антроп. и этн. при московскомъ университетѣ, т. LXIX; Труды этногр. Отдѣла т. XI, вып. 1, стр. 166—168): Кто съѣстъ голову птицы, будетъ плевать червонцами; царевичъ, съѣвшій ее, бѣжалъ изъ отцовскаго дома. Внучка волшебницы люта играть въ карты; не можетъ его обыграть; напоила виномъ, и все, выпитое имъ, съѣла, самого прогнала. Онъ встрѣчаетъ чертенятъ, спорящихъ изъ-за кошелька-самотряса, но картежница отнимаетъ у него кошелекъ; царевичъ пріобрѣтаетъ отъ чертей же коверъ-самолетъ, и когда царевна всходитъ на коверъ, имѣя заднюю мысль снова напоить его виномъ, онъ произноситъ: „коверъ, неси выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго“. Коверъ занесъ ихъ на островъ; здѣсь дѣвица-картежница вытащила коверъ изъ-подъ соннаго царевича и вернулась на немъ домой. Царевичъ слышитъ разговоръ трехъ голубей о трехъ вѣткахъ: одна можетъ обратиться въ мостъ, другая въ карету, запряженную тройкой лошадей, третья въ золотую уздечку, накинешь на дѣвицу, дѣвица обратится въ кобылицу. Царевичъ заломалъ три вѣтви, переѣхалъ въ каретѣ по мосту и накинулъ на внучку волшебницы уздечку, обратилъ ее въ кобылицу, помучилъ ее вѣдой на ней, вновь сдѣлалъ дѣвицей и женился на ней.

Въ армянской сказкѣ (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстн. и плем. Кавказа, вып. XXVIII, отд. II, стр. 80) два брата, съѣдающіе головку и сердце птицы; кошелекъ съ золотомъ, появляющійся всякій разъ послѣ сна; царевна, играющая въ карты; четыре диковинки, которыя не могутъ раздѣлить дѣвы: 1) сабля, отъ удара которой является все, что захочешь, 2) коверъ, уносящій куда хочешь, 3) скатерть и 4) феска-невидимка; яблоки, отъ которыхъ человѣкъ становится вверхъ ногами, листья травы. „Эвлицагика“, употребляемой на вѣнки, которые исполняютъ болѣзнь, происшедшую отъ яблоковъ; обувь изъ „Заячьей травы“, въ которой можно перейти черезъ море; обращеніе царицы въ бѣлую ослицу.

Сказку съ подобнымъ сюжетомъ я записалъ въ г. Тарсандо

(Да-цзянь-лу) на восточной окраинѣ Тибета, отъ гурьтунъ-ламы изъ ламайскаго монастыря Дочжичжа, находящагося въ окрестностяхъ Тарсано. Это одна изъ главъ сборника тибетскихъ сказокъ въ родѣ монгольскаго сборника Шиддикуръ.

Были три товарища: сынъ царя, сынъ вельможи и сынъ тархана (мастера) ¹⁾. Они сговорились странствовать и предварительно посадили три дерева и заключили договоръ, что они разойдутся по разнымъ дорогамъ, чтобы чему-нибудь научиться, что если кого изъ нихъ въ дорогѣ постигнетъ несчастье, дерево, посаженное тѣмъ человѣкомъ, посохнетъ, и что если кто изъ нихъ вернется къ деревьямъ и увидитъ посохшее дерево, долженъ идти и выручить товарища изъ бѣды. Они разошлись по разнымъ дорогамъ; сынъ царя женился на царской дочери и остался жить въ домѣ ея родителей; сынъ вельможи женился на дочери вдовы и также остался въ домѣ жены. Сынъ тархана встрѣтилъ на своемъ пути толпу тирановъ ²⁾, которые о чемъ-то спорили. „О чемъ вы спорите?“—спросилъ ихъ сынъ тархана. Тѣ говорятъ: Мы нашли шапку, палку и мѣшокъ и не можемъ раздѣлить. „Дайте, я вамъ раздѣлю эти вещи. Оставьте ихъ здѣсь, а сами отойдите подальше и оттуда пуститесь въ бѣгъ; кто первый прибѣжитъ къ мѣшкѣ, тому я и отдамъ вещи“. Тираны согласились, оставили вещи около сына тархана, а сами пошли на указанное вдали мѣсто. Въ это время сынъ тархана надѣлъ на себя шапку и сдѣлался невидимъ; онъ взялъ палку и мѣшокъ и пошелъ прочь. Тираны прибѣжали, вещей нѣтъ и не знаютъ, куда ушелъ сынъ тархана, потому что его въ шапкѣ-невидимкѣ не было видно. Сынъ тархана идетъ со своими вещами дальше и видитъ, какой-то человѣкъ идетъ съ двумя дѣтьми, сыномъ и дочерью. Этотъ человѣкъ подошелъ съ своей семьей къ дереву, на которомъ росли плоды, поднялъ съ земли красныя листья, потеръ ими себѣ лицо и обратился въ обезьяну, залѣзъ на дерево, началъ срывать плоды и бросать внизъ своимъ дѣтямъ. Сынъ тархана, не снимая своей шапки-невидимки, принялся собирать падающіе плоды. Потомъ

¹⁾ Лама былъ уроженецъ Тарсано, но онъ впасть монгольскій языкъ и рассказывалъ сказку по-монгольски. По-монгольски тарханъ значить кузнецъ, а также мастеръ, художникъ.

²⁾ Тиранъ-дьяволъ, злое существо.

обезьяна спустилась съ дерева, подняла съ земли бѣлые листья, потеряла себѣ ими лицо и обратилась въ человѣка, человѣкъ этотъ осмотрѣлся вокругъ и не видитъ ни одного плода изъ тѣхъ, которые онъ сбросилъ съ дерева. Онъ подивился, потому что не видѣлъ никого, кромѣ своихъ дѣтей. Сынъ тархана взялъ себѣ красныхъ и бѣлыхъ листьевъ. Дочь этого человѣка понравилась сыну тархана и ему захотѣлось овладѣть ею. Онъ просилъ ея отца выдать за него дочь; тотъ не согласился. Тогда онъ взялъ свою палку, отвятую у тирановъ, и сказалъ: „Отнеси меня съ этой дѣвицей на пустой островъ!“ Тотчасъ же онъ вдвоемъ съ дѣвицей очутился на островѣ, гдѣ, кромѣ нихъ, другихъ людей не было и на которомъ росли всякіе плоды въ изобиліи. Стали они вдвоемъ жить и прижили ребенка.

Сынъ тархана отправился за яйцами птицы Гаруди, гнѣздо которой находилось на островѣ. Жена догадалась, что палка ея мужа отличается чудеснымъ свойствомъ, въ отсутствіе его взяла ее въ руку и сказала: „Перенеси меня къ моему отцу вмѣстѣ съ моимъ ребенкомъ“. И тотчасъ она была перенесена на родину. Сынъ тархана добылъ три яйца птицы Гаруди; приходитъ, ни жены, ни ребенка, ни палки нѣтъ. Сынъ тархана началъ высиживать трехъ птенцовъ; одного кормилъ мясомъ, другого сухожилъ емъ, а третьяго костями. Когда птенцы выросли, онъ сначала испыталъ того, котораго кормилъ мясомъ; онъ привязалъ ему камень на шею; эта птица была не въ силахъ перелетѣть черезъ море, упала на половинѣ дороги и погибла. Тогда онъ пустилъ съ камнемъ на шеѣ другую птицу, выкормленную сухожилъ емъ; и эта не могла перелетѣть черезъ море и также погибла. Только третья птица, выкормленная костями, перелетѣла черезъ море; когда она вернулась на островъ, сынъ тархана сѣлъ на нее, и она перенесла его на другой берегъ моря.

Сынъ тархана приходитъ туда, гдѣ живетъ его жена: ему нужно вновь завладѣть чудесной палкой. Подошедши къ дому жены, онъ принялъ видъ ламы, началъ бить въ бубенъ и читать „лучиниъ“. За ворота выбѣжали дѣти его жены. Онъ потерялъ имъ лица красными листьями и они обратились въ обезьянъ. Когда они прибѣжали къ матери, та не знаетъ, что случилось съ ея дѣтьми. Она выходитъ изъ дому, видитъ ламу и спрашиваетъ, не можетъ ли онъ объяснить, отчего случилось съ ея дѣтьми такое превра-

щеніе. Лама говоритъ, что въ ея домѣ находится вещь, принесенная изъ-за моря, и что отъ присутствія этой-то вещи и случилось несчастье съ ея дѣтьми; нужно только выбросить ее изъ дома и дѣти примутъ прежній видъ. Тогда жена его, не узнавши въ ламѣ своего мужа, выбросила палку. Послѣ этого лама потерялъ лица дѣтей бѣлыми листьями, они стали опять людьми. Затѣмъ сынъ тархана взялъ выброшенную палку и пошелъ прочь.

Въ монгольскомъ сборникѣ „Шиддикуръ“ эта сказка составляетъ II-ю главу („Шиддикуръ“, перев. Г. Гомбоева въ Этнограф. Сборн., изд. И. Русск. Географ. Общ., т. VI, Спб., 1864-г., стр. 16). Посадки деревьевъ въ монгольской редакціи нѣтъ ¹⁾, начинается сказка иначе. Двѣ лягушки, золотая и синяя, заградили источникъ воды, и жители царства, чтобы получить воду, ежедневно отдавали человѣка на съѣденіе лягушкамъ; идетъ наконецъ на съѣденіе царевичъ, его сопровождаетъ его другъ; изъ подслушаннаго разговора лягушекъ они узнаютъ, что, кто поѣстъ ихъ мясо, будетъ выпускать изъ рта золото и бирюзу; товарищи убили лягушекъ, поѣли ихъ мясо, начали икать и ронять золото и бирюзу. Затѣмъ товарищи попадаютъ къ женщинамъ, которыя спаваютъ ихъ виномъ, чтобы побольше извлечь изъ нихъ золота и бирюзы; досадавшись о хитрыхъ планахъ этихъ жадныхъ женщинъ, товарищи убѣгаютъ отъ нихъ; дорогой встрѣчаютъ мальчиковъ, которые спорятъ изъ-за найденной шапки-невидимки (видунъ туйтукчи), потомъ другую толпу, спорящую изъ-за сапоговъ-скороходовъ; товарищи пріобрѣтаютъ эти вещи хитростью; предлагаютъ спорщикамъ бѣжать въ запуски, а сами покрываются шапкой и удаляются.

Добывъ эти вещи, они пожелали очутиться въ царствѣ, гдѣ требуется новый хаганъ (царь), и тотчасъ же были доставлены въ такое царство. Они были перенесены въ дупло дерева, на которое съ неба спустилась дурма (конусообразное тѣсто, приносимое въ жертву). Народъ принялъ эту дурму за указаніе свыше, и одного изъ мальчиковъ избралъ въ хаганы ²⁾; другой товарищъ отпра-

¹⁾ Этотъ мотивъ въ монгольскомъ сборникѣ перенесенъ въ I главу (стр. 11).

²⁾ Вѣроятно уже въ разговорѣ лягушекъ заключалось предсказаніе, что кто поѣстъ мяса лягушки (вѣроятно одной изъ нихъ, золотой?), тотъ сдѣлается мотомъ царемъ.

вился странствовать; въ какомъ-то монастырѣ онъ украсть изображеніе осла, посредствомъ котораго можно было обращаться человѣка въ осла, и съ этимъ талисманомъ онъ отправился къ тѣмъ жалкимъ женщинамъ, которыя спаивали двухъ товарищей, чтобы воспользоваться золотомъ и бирюзой ¹⁾. Отъ поворота бумажки съ изображеніемъ осла обѣ женщины превратились въ ослицъ; три года ослицы должны были возить тяжести, и спины ихъ покрылись ранами; отъ новаго поворота бумажки онѣ снова стали женщинами ²⁾.

Къ разсказу объ исцѣленіи болѣзни ближе эпизодъ, которымъ кончается IV глава Шиддикура. Это сказка о глупомъ или простоватомъ человѣкѣ, который по недоразумѣнію попалъ въ знахари и случайно излѣчиваетъ царскаго сына. Было семь братьевъ царевичей; ракшаса (вѣдьма), принявъ видъ красивой женщины и обративъ своего мужа въ буйвола, вышла на встрѣчу братьямъ; они взяли ее въ свой домъ, послѣ чего братья одинъ за другимъ стали умирать; шесть умерло, остался седьмой, но и тотъ заболѣлъ. Призвали мнимаго знахаря; тотъ въ изголовьи больного поставилъ дурму, и воткнулъ въ нее свою палку, а на верхній конецъ ее надѣлъ свиную голову, и сталъ читать заклинанія, но потомъ пустился бѣжать изъ дворца и спрятался въ хлѣвъ; здѣсь онъ подслушалъ разговоръ ракшасы съ буйволомъ, узналъ, кто виновники болѣзни царевича и приказалъ сжечь буйвола и ракшасу на кострахъ, послѣ чего больной выздоровѣлъ.

Я записалъ въ Монголіи разсказъ, близкій къ II-й главѣ Шиддикура, но не тождественный. (Очерки с. з. Монголіи, II, 163, 164). Банди (молодой монахъ) встрѣтилъ людей, спорящихъ изъ-за Эрдени; онъ предложилъ имъ пуститься въ бѣгъ, а самъ проглотилъ Эрдени (драгоценный камень) и убѣжалъ отъ нихъ; послѣ этого онъ сталъ ронять изо рта и сорить золото; царская дочь велѣла связать его подпругой, напоить соленой водой и бить, камень вылетѣлъ изъ него ³⁾, и царевна проглотила его. Банди на-

¹⁾ Вѣроятно, женщины были болѣе виноваты, чѣмъ представлено въ сказкѣ Шиддикура; онѣ вѣроятно совсѣмъ лишили человѣка способности выпускать изо рта золото и бирюзу.

²⁾ Въ Гесэриадѣ лама-волшебникъ обращаетъ Гесэра въ осла, и на немъ возитъ тяжести.

³⁾ Здѣсь женщина наноситъ молодому человѣку болѣе чувствительный ударъ, чѣмъ въ тибетской сказкѣ.

шелъ средство наказать ее; у него было въ рукахъ письмо, отъ чтенія котораго царевна превратилась въ ослицу ¹⁾. О возвращеніи въ прежній видъ этотъ вариантъ не говорить.

Другой вариантъ, записанный у дархатовъ (Оч. с. з. Монг., IV, 535—539) начинается, какъ и II-я глава Шиддикура, рассказомъ о съѣденномъ мясѣ, одаренномъ особеннымъ свойствомъ, о съѣденныхъ головахъ и крылышкахъ воробья. Съѣвшій головку молодой человекъ получилъ удачу въ торговлѣ, но одна дѣвица опоила его виномъ; съ нимъ случилась рвота и головка воробья выпала изъ его рта. Затѣмъ онъ встрѣчаетъ семь братьевъ, которые спорятъ изъ-за отцовскаго наслѣдства, состоявшаго изъ трехъ шяеи: шапки невидимки, ящика, дающаго все, чего захочешь, и посоха, съ которымъ можно по водѣ ходить. Слѣдуетъ бѣгъ братьевъ въпуски; молодой человекъ уноситъ вещи, но та же дѣвица опять отнимаетъ ихъ у него, а его самого велитъ выбросить въ поле. Въ наказаніе за это онъ потомъ обращаетъ ее въ лошадь въ то время, какъ она купалась вѣстѣ съ семью своими служанками; это онъ дѣлаетъ при помощи цвѣтовъ. Потомъ, по просьбѣ отца дѣвицы, молодой человекъ возвращаетъ ей чело въческій видъ и отецъ выдаетъ ее за него замужъ.

Уггорусская сказка о диковинкахъ, записанная Верхратскимъ (Записки науковаго товариства імени Шевченка, т. XXIX (1899, т. III), Львовъ, стр. 132 ²⁾) не имѣетъ эпизода о рогахъ или объ обращеніи царевны въ кобылицу. Три голубки, три обращенныя дѣвицы посадили среди царскаго двора грушу; царскій сынъ Юрко сталъ ходить къ нимъ спать подъ грушей; когда царская служанка, подосланная царемъ, отрѣзала у старшей изъ дѣвицъ косу, голубки улетѣли. Царевичъ идетъ искать дѣвицъ; встрѣчаетъ трехъ братьевъ, у которыхъ умеръ отецъ и оставалъ двѣ вещи: шапку, положивъ на голову, тебя не видно, и колесо, встань на него и скажи: де хѣчу, там скѣю! оно туда и скочить; братья дрались изъ-за шапки и колеса; царевичъ берется разсудить ихъ, садится на колесо, переносится къ тремъ дѣвицамъ и женится на старшей изъ нихъ.

¹⁾ Царевну въ это время сопровождало семь служанокъ.

²⁾ Я помѣщаю эту сказку не въ ряду русскихъ и малорусскихъ, а послѣ монгольскихъ и тибетскихъ потому, что о деталяхъ ея можно говорить, только сопоставивъ прежде съ монгольскими и тибетскими версиями.

Въ угрорусской сказкѣ слиты мотивы о трехъ диковинкахъ (въ угрорусской только двѣ, третья пропущена) съ мотивами изъ I-й главы монгольскаго Шиддикюра; шестеро товарищей воткнули при устьѣ одной рѣки шесть прутиковъ, чтобы выросли деревьями, и разошлись; одинъ изъ нихъ нашелъ на своемъ пути дѣвицу и сталъ жить съ ней; ея перстень былъ снесенъ рѣкой и попался въ руки царю, и царь отобралъ женщину у молодого человѣка. Въ другихъ сходныхъ сказкахъ (Очерки с. з. Монголіи, IV, 240., Тангутотиб. окраина Китая, II, 148) рѣка сноситъ къ царскому дворцу не перстень, а волосы, которые дѣвица вычесала изъ своей головы и которые ея мужъ опустилъ въ рѣку; въ угрорусской сказкѣ осыпавшіеся отъ чесанья волосы обратились въ отрѣзанную косу; разлука съ молодымъ человѣкомъ представлена не въ видѣ насилія со стороны царя, какъ въ Шиддикүрѣ, а въ видѣ послѣдствія обиды. Шестеро товарищей въ Шиддикүрѣ вновь соединяются и летятъ на деревянной птицѣ Гаруди отнимать женщину у царя. Въ угрорусской сказкѣ на мѣстѣ птицы Гаруди колесо, въ тибетской изъ Тарсандо птенецъ птицы Гаруди; въ русскихъ сказкахъ можетъ быть родственный образъ надо видѣть въ коврѣ-самолетѣ (въ тибетской на этомъ мѣстѣ трость), въ малорусской изъ полтавск. губ. въ конѣ Гиверѣ.

Сказки эти основаны на народныхъ повѣрьяхъ о болѣзняхъ. Въ приведенныхъ сказкахъ болѣзнь или причиняется дѣйствіями нечистыхъ силъ, или насылается человѣкомъ, обладающимъ знаніемъ скрытыхъ силъ природы. Въ одномъ случаѣ симптомы болѣзни принимаютъ сверхъестественную форму; тѣло обростаетъ рогами; въ другихъ случаяхъ они болѣе реальны; женщину мучить бѣсъ, сушить ея тѣло, по ночамъ мучить ее безсонницей; такимъ воздѣйствіемъ нечистыхъ духовъ народное повѣрье объясняетъ происхожденіе нѣкоторыхъ внутреннихъ болѣзней; когда больной женщинѣ дано лѣкарство, нечистая сила выходитъ изъ нея клубкомъ; иногда, какъ мы видѣли, цѣлитель разрѣзываетъ животъ больной и вычищаетъ внутренности отъ заведшихся въ нихъ гадовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣзнь еще проще: это слѣпота; въ одномъ случаѣ (въ норвежской сказкѣ, приведенной Афанасьевымъ въ примѣчаніи къ № 66, т. е. къ сказкѣ „Правда и Кривда“, н. Р. ск., т. I, стр. 108) царская дочь глухонѣмая, онѣмѣла оттого, что уронила крошку св. хлѣба, а жаба ее проглотила.

Иногда больная представляется уже мертвою, она лежитъ въ гробу, въ церкви, но это какъ будто только обмираніе, временная смерть; отчитываніе въ теченіе трехъ ночей воскрешаетъ мнимо умершую. По шаманскому повѣрью болѣзни и смерть происходятъ оттого, что злые духи, слуги или послы Ерлика, царя ада, овладѣваютъ душой человѣка въ то время, какъ она отдѣлилась отъ тѣла (во время сна); человѣкъ, оставшійся безъ души, заболѣваетъ смертельно. Призывается шаманъ, который начинаетъ бормотать заклинанія и бить въ бубенъ, чтобы отнять душу у нечистыхъ духовъ и прогнать ихъ; духи ведутъ борьбу съ шаманомъ, но бормотаніе заклинаній даетъ шаману перевѣсъ. Въ вариантахъ, въ которыхъ царевна является умершею, она выдается часто за вѣдьму; она пожираетъ людей; вѣроятно не она сама, а злой духъ, вселившійся въ ея тѣло.

Процессъ исцѣленія различный; если царевна представлена мертвою, то ее нужно отчитывать въ теченіе трехъ ночей или просто только караулить три ночи ея гробъ. Если же царевна живая, то для ея исцѣленія употребляются или особая трава, или ягоды, или яблоки; въ одномъ осетинскомъ вариантѣ, какъ мы видѣли, упоминается дерево, доставляющее исцѣленіе; въ другомъ жаръ-цвѣтъ ¹⁾. Въ вариантахъ сказки „Рога“ исцѣленіе происходитъ въ банѣ; въ одномъ вариантѣ сказки „Правда и Кривда“ (Афан., т. I, стр. 104, вар. d) больную купаютъ въ отварѣ какой-то травы. Въ сказкѣ „Рога“ больную въ банѣ хлещутъ желѣзными прутьями; это дѣйствіе выдается за кару, которую женщина заслужила своимъ коварнымъ поведеніемъ.

Въ русской сказкѣ у Верхратскаго (Записки науков. товариства імени Шевченка, т. XXIX, 1899 г., т. III, Львовъ, стр. 138—145) царская дочь отсулена по недоразумѣнію чертямъ и въ опредѣленный срокъ выставлена, чтобы они могли ее унести; Король спасаетъ ее; онъ мажетъ ея тѣло какою-то мазью и черти не могутъ къ ней подступиться; Король избиваетъ ихъ мѣднымъ

¹⁾ Афанасевъ видитъ въ этомъ жаръ-цвѣтѣ папоротникъ, добываніе котораго обставлено ужасами въ родѣ описываемыхъ въ сказкѣ объ умершей и отчитываемой царевнѣ. Названіе папоротъ, папортникъ ср. съ паперть; входъ въ храмъ греки называли *партех* по имени растенія, въ которомъ Прометей принесъ похищенный огонь.

прутомъ, потомъ смываетъ мазь съ тѣла царевны и въ заключеніе женится на ней ¹⁾).

Сказка о Королѣ состоитъ изъ трехъ эпизодовъ: 1) встрѣча съ чортомъ, 2) плѣнъ у песиглавцевъ и 3) избавленіе царевны. Содержаніе первыхъ двухъ эпизодовъ не напоминаетъ сказки о больной царевнѣ, но во второмъ эпизодѣ есть какъ будто отголосокъ этихъ послѣднихъ. Король встрѣчаетъ въ лѣсу отшельника, который даетъ ему рушникъ, доставляющій пищу; этотъ рушникъ напоминаетъ скатерть-самобранку и это заставляетъ предполагать, что въ сказкѣ о Королѣ находился эпизодъ о приобрѣтеніи трехъ талисмановъ.

Слѣды вліянія сказки о добываніи трехъ талисмановъ можно замѣтить и въ сказкѣ о Бормѣ ²⁾, доставившемъ изъ Вавилона три инсигній. Въ вариантѣ г. Барсовъ (Ждановъ, Русскій былевой эпосъ, Сиб., 1895, стр. 11) Борма по дорогѣ въ Вавилонъ приходитъ къ морю; черезъ море перевозитъ его какой-то человѣкъ, который назвалъ себя Правдою и который познакомилъ его съ положеніемъ дѣлъ въ Вавилонѣ. Внутри этого города Борма находитъ дѣвицу, которая въ однихъ вариантахъ относится къ нему благосклонно, въ другихъ враждебно; въ одномъ изъ вариантовъ послѣдняго рода о ней сказано, что она наполовину дѣвица, наполовину змѣя; она грозитъ съѣсть Борму и гонится за

¹⁾ Комочки той же мази онъ разложилъ по кресламъ; черти ушли въ кресла и прилипли; это облегчило ему избіеніе ихъ; когда онъ сталъ ихъ бить прутомъ, они не могли двинуться съ мѣста. Этотъ мотивъ замѣчается и въ другихъ вариантахъ, на которые указываетъ Аванасевъ въ примѣч. къ № 113: герой, встрѣтивъ чертей, спорящихъ изъ-за трехъ диковинокъ (Нар. русск. ск., т. I, стр. 332), предлагаетъ имъ пуститься въ бѣгъ съ горы, а предварительно онъ облилъ эту гору смолой; черти побѣжали и прилипли къ смолѣ, онъ воспользовался этимъ и удалился съ талисманами. Въ кавказской сказкѣ четыре нарта, товарищи Сирдона, были пригнаны воскомъ къ кресламъ, на которыхъ сидѣли (Сборникъ свѣдѣній о кавк. горцахъ, вып. VII, отд. II. Изъ осетинск. народн. сказаній, стр. 11). Въ повѣсти Гоголя „Вій“ черти бросились утекать изъ церкви, когда запыли пѣтухи, но завазали въ окнахъ и дверяхъ.

²⁾ Въ толковомъ словарѣ Даля: 1) Барма мск. бормотунъ, не внятно, не ясно говорящій; 2) пермск., чрд. воръ; 3) вят. изнанка, ничка, мездра. Въ Ботанич. Словарѣ Анненкова (стр. 398) „борма-трава“, *Epilobium angustifolium* (Олонецк. губ. Понев. у.); это можетъ быть заимствованіе у финновъ; по-жарельски это растеніе называется хорма, горма; по-фински *horma*, *vor-muono*.

нимъ. Эта дѣвица-змѣя сближаетъ сказаніе о Бормѣ съ тѣми сказками, въ которыхъ царевна изображается коварной дѣвицей, какъ наприм., въ сказкѣ „Рога“. Имя перевозчика Правды напоминаетъ сказку о двухъ братьяхъ Правдѣ и Кривдѣ, изъ которыхъ первый узнаетъ нѣкоторые секреты и исцѣляетъ больную царевну; безъ вліянія этой сказки имя Правды въ сказаніи о Вавилонѣ является въ нѣкоторой степени неожиданнымъ. Въ сказаніи, правда, нѣтъ исцѣленія больной дѣвицы, но г. Ждановъ сближаетъ съ сказаніемъ сказку о Весельчакѣ пьяницѣ (ibid., стр. 18); Весельчакъ беретъ вылѣчить глазъ у кривой царевны и съ этою цѣлю отправляется за мазью въ змѣиное царство; дальнѣйшія его приключенія совершенно тѣ же, что у Бормы въ его поѣздкѣ въ Вавилонъ. Въ виду сказки о Весельчакѣ можно допустить, что сказаніе о вавилонскомъ царствѣ мы имѣемъ не въ полной редакціи, что оно было полнѣе, это была сказка въ родѣ сказки о Правдѣ и Кривдѣ и о рогахъ, которая подъ давленіемъ новыхъ редакціонныхъ требованій стала утрачивать цѣлые эпизоды.

Къ той же категоріи, кажется, принадлежитъ и легенда поволжскихъ татаръ о трехъ шейхахъ, которые пришли въ городъ Болгары и посредствомъ трехъ подарковъ, полученныхъ отъ Мухаммеда, исцѣлили царевну, болѣвшую въ теченіе *семи* лѣтъ (см. мои „Вост. мотивы въ средневѣков. европ. эпосѣ“, Спб., 1899, стр. 530).

Болѣзнь царевны, какъ сказано въ одномъ мѣстѣ, заключалась въ параличъ рта; повидимому, царевна была въ теченіе семи лѣтъ нѣмая. Въ сказкахъ, упомянутыхъ выше, нѣмота является въ числѣ болѣзней, которыя приписываются царевнѣ; именно въ норвежскомъ вариантѣ царевна онѣмѣла оттого, что жаба проглотила уроненную крошку св. хлѣба. Подобно тому, какъ въ русскихъ сказкахъ больная царевна иногда отчитывается, въ татарской легендѣ шейхи также читаютъ, и вслѣдствіе этого чтенія простается сухой посохъ ¹⁾ и обращается въ дерево *сарбанъ*—березу; шейхи рѣжутъ вѣтви дерева, вяжутъ вѣнники, ведутъ больную царевну въ баню и тамъ парятъ ее этими вѣнниками. Въ русскихъ

¹⁾ Посохъ былъ воткнутъ въ чернильницу (дуать); въ Шиддикѣурѣ; человекъ, исполняющій царевича (одного изъ семи царевичей братьевъ) на время чтенія евангелия втыкаетъ палку въ дурму.

сказкахъ, указанныхъ выше, исцѣленіе также иногда происходить въ банѣ, только вмѣсто вѣшниковъ изъ древесныхъ вѣтвей тамъ желѣзные и мѣдные прутья; впрочемъ баня и прутья встрѣчаются только въ сказкахъ о царевнѣ, обросшей рогами и обращенной въ кобылицу, въ сказкахъ же о царевнѣ, одержимой нечистыми силами, бани нѣтъ. Въ осетинской сказкѣ, какъ мы видѣли, является и дерево, дающее исцѣленіе; чаще же упоминается трава; можетъ быть и татарская легенда имѣла варианты съ травой вмѣсто дерева. *Сарбанъ* въ списокѣ поволжскихъ названій растений, записанныхъ мною (Извѣстія общества археол. и этногр. при казанск. универс., т. III (1882—1880 г.) стр. 246) присвоено травѣ *Melilotus*—которая по-русски называется *донникъ*, *донная трава*, *дойникъ* (Анновковъ, Ботан. слов., 212, 213). Въ примѣчаніи у Анненкова сказано: Названіе *донника* произошло вѣроятно отъ названія какой-то болѣзни, что подтверждается словами одного стариннаго рукописнаго цвѣтника, гдѣ говорится: „Донникъ употребляется отъ выходженія *донной*; пить, тереться и посыпать на *донную*“¹⁾.

Именемъ *дна* у русскихъ называлась какая-то женская болѣзнь, какъ это видно изъ заговоровъ, въ связи съ которыми находятся амулеты особаго рода, такъ называемые „змѣевикъ“. Значеніе этого слова выяснено подробно г. Соколовымъ въ его статьѣ: „Новый матеріалъ для объясненія амулетовъ, называемыхъ змѣевикомъ“ (Древности, труды славянск. комиссіи Им. Моск. археол. общества, т. I, М. 1893, стр. 134). Подъ словомъ *дна*, *дѣна*, *дѣна*, по изслѣдованію г. Соколова, разумѣлись: 1) *matrix istera*, матица, чрево, желудокъ, 2) болѣзнь а) этихъ частей тѣла, б) вообще тяжелая внутренняя болѣзнь и 3) демоническое существо,

¹⁾ Имя *тайнишная трава*, которое у Анненкова стоитъ при растеніи *Asarum europaeum* L., можетъ быть видоизмѣненіе имени *донникъ* или *дойникъ*. Въ примѣчаніи у Анненкова (стр. 52) сказано: Тайвикомъ въ Сибири называется дѣтскій родимецъ и это растеніе съ успѣхомъ употребляется отъ этой болѣзни. Свѣдѣніе это доставлено о. Вербицкимъ, жившимъ въ лузнецк. окр. Томск. губ.; въ бѣлскомъ на р. Чарышѣ я слышалъ это имя въ примѣненіи къ *Geum*, но это тоже можетъ быть не вѣрно; *Geum* безъ цвѣтовъ можно смѣшать по сходству листьевъ съ растеніемъ *Agrimonia Eupatorium* L., а послѣднее растеніе можетъ быть смѣшиваемо съ *Melilotus*’омъ во сходствѣ желтыхъ цвѣтовъ; у Анненкова для *Agrimonia* есть имена *донна* и *дона*. Въ Малороссіи *донникъ* называется *буркнуомъ*, *воргунюмъ*, *барко*; въ Польшѣ *potrzek*.

причиняющее эту болѣзнь. Въ бѣлорусскихъ заговорахъ той же болѣзни даются имена: *золотой донникъ*, *серебряный донникъ*, *золотникъ* ¹⁾. Существо, причиняющее болѣзнь, представляется чернымъ, лютымъ, со множествомъ ногтей, волосатымъ. Оно лежитъ внутри человѣка около пупа неподвижно; когда оно сдвинется съ мѣста, начнетъ бродить по тѣлу, происходитъ болѣзнь. Для излѣченія этой болѣзни мажутъ животъ и пупъ больного масломъ изъ горькихъ миндалей, варятъ салатову траву въ водѣ и парятъ ею брюхо больной женщины (стр. 138); парятъ больную въ банѣ, какъ видно изъ этого отрывка изъ заговора „якъ етому древу (вѣнику) на корнѣ не сгояць, вѣтками не махаць, такъ етому доннику у днѣи не уступаць“! Къ этому заговору сдѣлано примѣчаніе: „говорится парючи въ лазни (стр. 139).

Въ заговорахъ просятъ донникъ лечь на своемъ мѣстѣ, свернувшись; по животу не ходить, сѣсть на *золотое* кресло и тутъ вѣкъ вѣковать; стать на „пупищу“. Иногда отправляютъ его на синее море, на *золотой* камень или просятъ его обернуться *золотымъ* камнемъ (стр. 140). Въ литовскихъ заговорахъ также „мать“ сидитъ въ *золотомъ* креслѣ и схождение ея съ мѣста причиняетъ болѣзнь; литовскіе заговоры также просятъ „мать“: „Сядь въ кресло... кровь по серединѣ, въ морѣ *железный* столбъ“.

Выраженія: *золотой* камень на *синемъ* морѣ, *железный* столбъ въ морѣ, и повѣрья, что донникъ лежитъ неподвижно свернувшись около пупа человѣческаго тѣла или сидитъ тутъ на *золотомъ* креслѣ, заставляютъ вспомнить о терминахъ: пупъ океана, пупъ земли, и о неподвижномъ положеніи Полярной звѣзды, которой даются иногда имена: *Железный столбъ* или *Золотой колъ*. Тѣ же отраженія и въ заговорахъ съ именемъ Сисинія; одинъ заговоръ начинается словами: „При Черномъ морѣ въ островѣ *каменный* молился св. Сисиній“, изъ моря выходятъ двадцать дочерей Ирода (стр. 166) ²⁾. Начало другого: „При морѣ Чернымъ *столпъ* и

1) На вышивкахъ греческаго происхожденія съ греческими подписями вѣсто славянскаго дѣла стоитъ *istira*.

2) Въ одномъ заговорѣ (стр. 164) не 12, а семь дочерей Ирода. Число семь указывается также въ заговорахъ на стр. 152: „Двинулись 77 вѣръ кровнохровницы съ кровавыми одеждами, съ кровавыми мечами“... они пьютъ чело-вѣческую кровь: или шли 77 вѣръ злыхъ... они испиваютъ сердце (человѣка), его печень, его кровь, его мозги; на стр. 157: авра 77 нечистыхъ. (стр. 77 чертенятъ,

св. мученикъ Синей“...; выходить двѣнадцать дочерей Ирода (167). Въ другихъ заговорахъ съ именемъ Сисинія вмѣсто двѣнадцати страшныхъ дѣвицъ одно чудовище Гилу ¹⁾; Сисиній закидываетъ въ море „удицу“ и вытаскиваетъ его; здѣсь удочка на мѣстѣ молитвъ вышеприведеннаго заговора; вѣроятно, Сисиній молился на каменномъ островѣ на Черномъ морѣ такими молитвами, которыя должны были вызвать изъ воды дочерей Ирода. Эта форма заговора ближе къ венгро-славянскому повѣрью о Garabonzas djak' ахъ, которые чтеніемъ особой книги заставляютъ дракона выйти изъ озера или болота; другая же форма безъ молитвъ ближе къ одному изъ эпизодовъ Гэсэриады, къ разсказу о томъ, какъ Гэсэръ или Тѣрѣнь-Музыкай осушилъ дно моря, чтобы обнажить и убить чудовище Анъ-Долмана.

Въ одной изъ сказокъ у Афанасьева (113, а) большая царевна, которую исцѣляетъ батракъ, добывающій потомъ диковинки, скатерть-самобранку и проч., заболѣла оттого, что къ ней по ночамъ леталъ змѣй; сказка заставляетъ предполагать зачатіе отъ этого сверхъестественнаго любовника; лѣчение должно въ такомъ случаѣ имѣть изгнавіе нечистаго зародыша или его истребленіе. Сказки иногда разсказываютъ, что зародышъ отъ нечистаго любовника былъ вырѣзанъ изъ утробы матери. Такъ, наприм., Гэсэръ убиваетъ злое чудовище Анъ-Долмана, а потомъ расшарываетъ животъ его жены и убиваетъ вышедшаго изъ ея утробы мальчика (Танг. - тиб. окр. Китая, II, 113). Въ тибетской версіи Гэсэръ убиваетъ сына собственной жены, зачатого отъ враждебнаго царя (ibid., 37); кажется, дѣло идетъ объ одномъ и томъ же мальчикѣ; сынъ Анъ-Долмана точитъ стрѣлу и хочетъ убить Гэсэра; сынъ жены Гэсэра согнулъ матицу дома вмѣсто лука и также направляетъ стрѣлу на Гэсэра. Нѣсколько строкъ выше (ibid., стр. 33) объ этомъ зломъ сынѣ Гэсэра сказано, что половина его тѣла была золотая, поло-

которые въ сказкѣ у Афанасьева, № 66, нар. е, сосуть цривну). Въ заговорѣ въ которомъ вмѣсто Сисинія стоитъ св. Георгій (стр. 170), ребенка сестры сятаго уноситъ не Гилу, какъ въ разсказѣ о Сисиніи, а са'тува вичерня.

1) У Мелентія, сестры Сисинія, чудовище Гилу унесло уже шесть младенцевъ точнось по ихъ рожденію; Мелентія собирается родить седьмого, но и этотъ былъ унесенъ чудовищемъ. Сисиній добываетъ чудовище со дна моря и заставляетъ его возвратитъ всѣхъ проглоченныхъ имъ дѣтей. Ср. въ Шид-дигурѣ, рахшаса съѣла шесть братьевъ царевичей и собирается съѣсть седьмого.

вина серебряная. Въ другихъ случаяхъ матери, родивъ ребенка отъ сожительства со злымъ существомъ, сами убиваютъ его (Тангутотиб. окраина Китая, II, 271 и 291). Въ русской былинѣ богатырь Дунай разрѣзаетъ животъ своей жены и находитъ зачатого ребенка съ золотыми руками; былина, кажется, подразумеваетъ, что это ребенокъ, зачатый отъ него самого. Во всѣхъ ли однако, вариантахъ такъ понимались отношенія ребенка къ Дунаю? Не приближалась ли иногда былина къ сказкѣ (Афанас., № 119, вар. а) объ Иванѣ-царевичѣ, мать котораго живетъ съ Огненнымъ-царемъ (т. е. съ огненнымъ змѣемъ)? Мать пытается отравить сына ядовитыми лепешками, но собаки вырываютъ лепешки изъ рукъ Ивана-царевича. О Дунаѣ г. Макаренко записалъ въ Енисейск. губ. отрывокъ, рассказывающій, какъ на кружалѣ поднесли Дунаю чашу съ виномъ, по краямъ которой бѣгали огоньки, а на днѣ лежала шипящая змѣя; повидимому, это была попытка отравить богатыря.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Сказка про козана Мамарыгу.

Живъ собі козакъ Мамарыга; служивъ у мужыковъ 25 лѣтъ, не заслуживъ ни вола, ни коня, ни доброго слова; тодіи пишовъ у службу. служивъ 25 лѣтъ, не заслуживъ ни вола, ни коня, ни доброго слова и отъ царя. Прийшовъ тодіи опъять домоіи и поішовъ у путь-дорогу, куды Богъ дасть. Теперъ, якъ узивъ иты, идеть тыждень, або два, — усе стовпвою дорогою. Зостричайе його парнягъ. — Здрастуйте, говоритъ, що вы есть таке? — Я есть, каже, козакъ Мамарыга, служивъ мужыкамъ 25 лѣтъ, не заслуживъ ни вола, ни коня, ни доброго слова, и царю 25 лѣтъ служивъ и не заслуживъ ни вола, ни коня, ни доброго слова; теперъ прийшовъ собі домоіи, то и пішовъ куды Богъ дасть. А ты, каже, шо есть таке? — Я, каже, у пана, у такогото, бувъ за поваря, та нисъ посуду большую, дорогу, та спитнувся, увавъ, побывъ посуду, такъ на меня учерашній день наготовыли много розогъ, щобъ мене сняты, такъ я оце втікъ. Такъ приймы мене, брате, козакъ Мамарыга, за меньшого брата; буду тобі служити.

Побраталысь вони та й йдуть собі.

Таиъ много, немного шлы вони, — тыждняку, чы болѣе, теперъ зостричайе ихъ третій, зъ батякомъ. — Здрастуйте, каже, братья! Що вы за люди? Сей каже: — Я есть козакъ Мамарыга; а я, другій одычта, бувъ у пана за поваря, та такъ, якъ мене малы сняты, такъ я утікъ,

а еще мы побраталась.—Ну, каже, приймить и мене за третёго брата.—А ты, шо есть зе чоловѣкъ.—Я, каже, чуманъ бувъ, гнавъ 12 воевъ зъ рыбою чы зъ силой. Розбойныкы набыгли, та й забрали у мене деньги и худобу мою, та зъ душею тилькы я и убрався, та отъ зъ цвѣмъ батинкомъ.

Приймали, и еще стали тры брата; и вдутъ соби дорогою стовповою: де выпросють соби хлѣба, тай идутъ. Теперычкы дойшли, шо стоять соби стовпъ и тры дорожы наризво. Подынылся козакъ Мамарынга и важе: ттуть, брата мои, треба вамъ ризнитися. Теперь поврошаємось соби; котрый на котору коште, туды и ступайте, а мени, яку покынете, така й буде. Теперычкы узялись—роспрошались и пишли, той на ту дорогу, той на ту.

Якъ узявъ козакъ Мамарынга ходыть, ходывъ соби годовъ десятовъ. Ходывъ и убрався у лѣсъ. Ходывъ у лѣсу довго—недовго, находить соби хатку. Быувся до дверей, заперты двери.—Одчынить! каже, а двѣ женщины сміютьця, не одчынняютъ. Просывься, просывься, не одчынняютъ. Узявъ тоди, двери выставивъ, и уходитъ у хату.—Здрастуйте, каже.

Лѣжыть чоловѣкъ на печи.—Що ты такой за самоволець, шо прийшовъ до мене, та двери выставивъ? Вотъ я, гокорыть, якъ устану, та тозъму мѣяло, то в тебе попомну, щобъ ты знавъ мене. Шо ты йе такое?—Я, говорыть, есть козакъ Мамарынга!—Э, говорыть, просты, братъ, шо я тебе наругавъ; ты мени есть братъ старшый мене.—Иной же, каже, ты мени братъ?—А той, каже, шо я отъ пана утѣиъ, а ты мене привиявъ за брата.—Ну, теперь за стѣлъ брата. Садить його за стѣлъ, и листы и пыть братови даѣтъ.—Якъ же ты, брате, доск соби помѣста не найшовъ?—А нѣтъ, говорыть, не найшовъ и доск!

Ну, попылы, погулялы тамъ соби.—Ось, каже, брате, у мене двѣ жинки, такъ беры, яку хочешъ соби за живку.—Нѣтъ, каже, брате, благодарю; я не хочу.

Побувъ трое сутокъ у того брата, оддыхнувъ соби; тоди сказавъ:—прощай, брате, благодарю, пойду, вуды Богъ дастъ.

Пійшовъ отъ того брата у путь-дорогу, тай иде соби, нуды Богъ дастъ. Ишовъ ввѣкъ безъ мѣста дней тры, або чотыри, отъ того брата. Дывытьця—гонять панъ зайця, и бѣжыть той зайиць дорогою прямо на його; вмиъ ударывъ палкою, тай вбывъ и свѣзъ тамынькы коло його. Прибѣгли хорты, подынылись и полягали коло його. Добигайте панъ!—Зарастивуй, говорыть, мужыкы! Тутъ, говорыть, зайиць; ты не выдавъ?—Нѣтъ, каже, я, вотъ, зайця убывъ.—Каже:—шо есть ты такое?—Я, каже, есть козакъ Мамарынга!—Э, говорыть, брате, просты, може я тебе наругавъ якъ-небудъ?—Схвачуеьця зъ лошади, беретъця за руки и цилуеьця.—Ты, говорыть, есть мени братъ старшый мене. Поплышь, говорыть, якъ вы два брата йшли, а мене третёго привиямы? Такъ, говорыть, помлю, якъ же не помлыть?—Ну, прошу, брате, до меня у госта; я теперь живу харашо. Садысь братъ, на коня на мого.—Нѣтъ, говорыть, благодарю брате, за лошадь, бо я не умію йиздыть. Ну, идутъ соби, побралысь за руны, коня закнувъ панъ соби на другу

руву. Идутъ в розговориють соби.—Що ты, брате, козакъ Мамарыкга, и доси соби мѣста не найшовъ? Ось я, говорыть, восемнадцать лѣтъ нѣж женився и живу тутъ.

Прыйхалы домой до того пана; уведыть онъ його у свой домъ. Вишлы, поздрастовалысь.—Это, говорыть, жена, я знайшовъ своего старшого брата у степу, у дорози. Теперъ, посадылы, давай пыть, гулыть; и не знаютъ де його и дѣть: таки ради вже вони йому. Теперъ присоглашайе винъ брата своего Момарыкгу на свое жительство; каже:—я тоби, брате, половину усѣго оддамъ. Тебе, братъ, ожени, говорыть; ось, каже, хочъ у оцнхъ комнатахъ будешъ, або выстроишь тоби, або мѣни. Нѣтъ благодарю, брате, говорыть, за твое слово. Слава Богу, що ты соби нашывъ, и я соби нашыву, то мое буде.

Побувъ винъ цѣлый мѣсяць у сѣго брата, погостювавъ. Ну, теперъ, важе, брате, прощай, пойду соби, куды Богъ дастъ. Братъ и плакавъ, и угovarивавъ: що, брате, оставайся тутъ; такъ каже: благодарю, не хочу.—Може, каже, брате, дать тоби лошадь харошу на дорогу?—Благодарю, каже, за лошадь. Теперъ давъ вивъ йому сотъ чы двѣ, чы тры, ва дорогу, попрощалысь; пйшовъ соби у путь-дорогу оцъять.

И шовъ оцъять довго-не-медовго, дывытыця, ажъ тры чоловікы, бѣгѣтыця на могыли. Винъ тоди навиростецъ швыдче туды.—Здрастуйте, господа, та зашто вы бѣгѣсь?—За свою батькивщину, кажуть; насъ тры браты есть.—Баякая жъ у насъ батькивщина?—Оце у насъ конь Гыверъ, та торба-волосинка, така, що даѣе йасты и пыть, та ще чоботи такы, що поверхъ воды ходягъ. Оце тилькы у насъ и батькивщины. Такъ отой важе, я возьму те, а отой каже, що я возьму те; то мы и бѣгѣмъ за те. А ты, каже, що есть за землякъ?—Я, каже, есть козакъ Мамарыкга. Ну роздылы, каже, брате, козакъ Мамарыкга, нашоу батькивщиною —Я, каже, браты, васъ роздылю; никто васъ чыще не роздылыгъ, якъ я! Согласны на се, що я вамъ буду говорыть?—Согласны, кажуть вони, абы ты, козакъ Мамарыкга, насъ роздылы!—Ну, каже, я буду вамъ, братья, говорыть. Ступайте, каже, за повторы гоны одъ меня, а когда я махну, вы бинигъ уси разомъ; хто по переду приближыть, яка любимая твоя штука, ту и беры, а который второй приближыть, той беры соби тожъ любиму штуку, а заднему те, що останетьця. Вони пшлы соби зо повторы гоны, тоди онъ махнувъ. Конь Гыверъ у йихъ сгонть осидланный, готовый. Теперъ винъ забираѣе соби торбу-волосинку черезъ плечо, сапаги обуваѣе, тоди у стремено ножку и сидаѣе соби на коня, на Гыверя,—Эй! каже конь Гыверъ, якъ, пане, тебе весты: чы поверхъ дерева, чы упаливъ дерева, чы поверхъ комышу?—Несы, говорыть, мене упаливъ дерева. Браття бинять назадъ, улыдылы, що вянъ подався, вони пидняли руки у—гору. А винъ и крыкнувъ йимъ: я-жъ вамъ казавъ, що чыще, якъ я, никто васъ не роздылы!

Винъ пойхавъ, а вони почухалы соби головы, та и пшлы домой.

Якъ узывъ йихать козакъ Мамарыкга цѣю лошадью йихавъ помы и санъ, и лошадь не потохылысь; тоди, стали соби палаткы розбылы.

Торбочку-волосюночку тоди винъ розшморгуе;—торбочка-волосюночка, дай йшты й пыты. Тутъ де узався столъ:—напыты и найндыкы разны, и йому и лошади. Наймысь, напымысь. —Торбочка, уберысь! Воно убралось зновъ у торбу: нѣтъ того ничего. Ну, теперь, хазяинъ, лошадь пыта, куды будемъ йхать?—Каже: я й самъ не зваю. Ось, якъ я пйшовъ изъ свого мѣста, такъ хожу больше двадцаты лѣтъ.—Куда же, каже, вы думаете?—Та, каже, я не знаю самъ; куды Богъ проиведѣтъ!—Ну, лошадь каже, поѣдьмо у чужу землю; тамъ оддае король свою дочь за-мижъ; тамъ, у його стоять дубъ у дворца; хто можетъ його зрубать, за того оддае дочь свою и царство одпысуе. Можете, каже лошадь, той дубъ зрубать?—Ну, каже, зрубайемъ ве зрубайемъ, а попробуемъ.

Ну, теперь и пойикалы туды; йихалы сутокъ тамъ тройе, чы тамъ четверо; подйизжашъ у лѣсъ, черезъ лѣсъ перейизжашъ; чуютъ, що у лису, то рубаютъ, то пыляють, то гешлюють; смотрютъ,—не выдать людей ниде. Потыхоньку ще блыще, дали уставъ зъ лошади, веде йийи у рукахъ, прислухуетця. Дывытьсѧ, ажъ на дуби торба высытъ дротанка. Винъ ухватывъ орапынкъ у руки, якъ лясне, ажъ лува пышла по усему лису; и крыкнувъ тоди:—у торбу убирайтесь соби! Тоди бряжчытъ усе, да усе у торбынку убираеться. Убралось; уже не чуть того ничего. Лизе тоди винъ на дуба, пидхвачуе тую торбынку у свои руки, сѣдае на лошаля и гайда.

Прыбгае у тую землю, до того короля, и оповицаеться, що прыйхавъ зъ такой земли. Потребовавъ король його у свой домъ.—Ну, зачѣмъ, господынъ ты забывся у мою землю?—Вы, ваше сѣятельство, свою дочь отдаете за-мижъ за того, хто може дуба зрубать вашего.—Это вѣрно, говорить король; такъ; абы ты зрубавъ, то ты мени зятко будешъ. Тальвы, щобъ зрубавъ и коринья зъ його пывытгавъ, поколовъ и склавъ, и спалывъ. Ежели не зробишь того, що я говорю,—то бачышь тамъ чоловичы головы,—то тамъ и твоя голова буде.

Давъ ванъ йому выпытъ, закусытъ.—Ступай теперь; заступай у роботу. Ось тамъ, дубъ стоять одъ крыльца недалеко, такъ иды, зрубай його.

Онъ пйшовъ до того дуба: розшморгуе дротянку.—Ну, теперь, говорытъ, робята, у этого дубъ, у середку; и рубите тамъ пры нызу. Убралось усѣ у дуба, такъ шо и не выдать. Винъ соби лигъ оддыхать. Довго-недовго, а його кычуть обидать. Онъ узавъ-пйшовъ.—Вы, робята, немножко оддохните, пока я покушаю. Пышовъ винъ кушать, а робята оддыхають.

Выйшла королевна смотритъ на этого дуба; чы винъ много його врубавъ, колы винъ и не трогавъ його. Пидходитъ до батюшкы и каже:—се, каже, якойсѧ ледаръ до насъ прыбувъ. Ось, каже, ины хочъ почнуть, а сей не почынавъ и доси.—Ну, каже, то ничего; його голова буде тамъ, де и тихъ.

Покушавшы, сей зновъ прыходытъ до дуба.—Що, робята, говорытъ, оддыхулы? Оддыхулы, говорять, господынъ хазяинъ.—Ну, берытьца ро-

бѣта, опять за работу; узялись за работу опять. Тутъ, довго-ведовго, черезъ часа—мѣста, дубъ брызнувъ обѣ землю, ажъ земля здвинулась и комнаты забрящали.

Выбигае король на крыльцѣ, колы лежить дубъ доли.—Эй, дочь моя, выходи сюды! Се, говорять, найшовся молодець: дуба звалывъ. Пойдѣть, його позовить у комнату мою, та дайте покушать!

Приходитъ винъ.—Ну, говорять, ты молодець, козакъ Мамарыкга! Можеть, будешъ у мене затькомъ! Это я, говорять, головъ больше сотни на дубьяхъ положывъ за того дуба. Пришанувавъ його, давъ йому стаканъ водкы, балакавъ зъ нимъ;—усе харашо.

Покушавшы пійшовъ зновъ козакъ Мамарыкга до своей работы.—Ну, робѣта, оддохнули? говорять винъ на свой струментъ.—Уже оддохнули! говорять.—Ну, старайтесь, робѣта, щобъ сегодня його скласты, бо уже не рано, и щобъ спалыть и розвѣять попелъ по витру. Ухватывъ за работу робѣта опять. Черезъ часъ-мѣста скласты усѣ у кучу, у-вышкы якъ дзвиниця, и подпалылы, и згорѣло чисто, тоди и попелъ розвѣялы.—Ну, теперычкы, робѣта, збирайтесь у свое мѣсто, у торбочку дротяну. Собрались вони у мѣсто, узявъ винъ зашморгнувъ.

Посмотрювайте король та короливно.—Се, кажуть, не съ простыхъ—що такой узявся!

Ще сонечко не зайшло, пойшовъ козакъ Мамарыкга на базаръ, купывъ собі скрипочку, оришкывъ, пивъ кварты лютого спырту поскладавъ собі у торбочку приходить до короля зъ базаря. Вечоръ.—Дайте, каже король, перекусить йому де-чого! Дали йому. Винъ перекусывъ. И загадавъ король своимъ жавдарамъ:—укывте його у комнату до ведмедя, то той його, каже, оженыть! Узялы його, ухватывъ його сылю, и убросывъ туды, у комнату, до ведмедя.

Ушовъ онъ до ведмедя и зраствуетця.—Здрастуйте, говорять, ведмедь! Тѣй кывнувъ головою. Прохожѣе собі козакъ Мамарыкга по лѣзи тулы-сюды, вынимае свою скрипочку, изъ торбочкы, торбочку-волосянку зывмае зъ своихъ плечъ:—торбочка-волосянка, дай мени йнѣсть и пыть. Тутъ де узявся столъ, вбрався усѣякими найидками и напычками. Сивъ, кушайе.—Прощу, говорять, ведмедь, кушать до меня идить! Приступывъ ведмедь до його стола:—ну, каже, шо ты есть такое? Я, скилкъ тутъ людей поивъ, ну, такого ве выдывъ, щобъ поставывъ на столъ найидки и вапытки, шо и у короля такыхъ нема! Ну, даѣтъ; ведмедь себѣ берѣтъ, кушайе. Налывае того спырту у румѣчку козакъ Мамарыкга, здороваецця до ведмедя, пѣть.—Що то, говорять, вы пѣте такое?—Се, каже, водка така, хороша.—Для чого, каже, вы йий пѣте?—Это, каже, для смѣлости мы пѣмо водку.—А дайте и мени, я попробую. Налывъ винъ стѣжнъ йому. Роззяывъ винъ ротъ; узявъ—высыпавъ йому у ротъ. Давъ закусыть.—Ну, каже, не розобравъ, дайте ще другу. Налывае винъ другу; той выпыва. Выпывъ закусывъ. Теперь бере козакъ Мамарыкга свою скрипочку, давай гратъ. Пойшовъ ведмедь танцювать.—Выпейте ще стаканчикъ для смѣлости. Давъ, винъ выпывъ и той. Теперь пойшовъ ведмедь зновъ танцювать. Ну, козакъ

Мамарыкга, колыбъ ты выучывъ мене такъ гратъ, якъ самъ грейнешъ!—Я, каже, могу выучить сій-часъ, абы охота.—Ну, это моя охота; выучы, пожалуйста! Проморгуйе винъ свою дряпину-торбу, вытягайе клыныя зализви и молотъ, а у комнати лежыть половины дуба товстого. Вивъ узавъ, клынымы набывъ, росколывъ той дубъ харашенько.—Ну, стромляй, каже, сюды лапы, я буду тобі выправлять, щобъ ты перебиравъ харашо, такъ якъ я. Давай винъ устромлять у колыватину свойи лапы, а той каже: ще дали стромляй! Стромляй, пекудова що дальше нигде стромлять! Узавъ вивъ тоди клывъя повбывавъ, и сступывся дубъ, а ведмедь крутыть задомъ и каже:—выпусты мене, кизавъ Мамарыкга, уме ты мене поввыправлявъ руки!—Нѣтъ каже, ще не пора тебе выпускать. Вотъ, говорить, я столъ уберу, та тогда покажу!.. Торбочка-волосиночка, уберысь! Торбочка убралась. Повисывъ винъ торбочку; вынимае оранныкъ дряпной и давай тоди ведмедя зъ заду почищать.—Эй, каже, козакъ Мамарыкга, пусты! Защо ты мене бѣйнешъ? А ты каже, нашего брата уже много поививъ! Вотъ я тебе нагодую, ты больше не схочешъ насъ йисты! Тоди ставъ його кнутомъ чыстыть иззаду таъ, що шерсть летыть тильны. Ведмедь рвѣтъ, та просытыця, а той чыстыть. Ну, бывъ, бывъ, утомывъ, лигъ оддохнуть. Оддыхнувъ, опятьъ за свою роботу, опятьъ бѣе. На половины ведмедя зъ обохъ бокивъ выбывъ йому шерсть усю чысто. Лигъ, заснувъ козакъ Мамарыкга.

Теперь розвыднилось, свить.—Пойдять, посылайе король, выкиныте кисти козака Мамарыкки! Подходятъ до окошка,—окошко перегорелено зализомъ,—смотрыть у окошко. Увидывъ ведмедь йихъ, що прыйшлы. Воны обзываютьця до ведмедя.—Мовчить, каже ведмедь, бо панъ мій спытъ; бо якъ устане, то буде опятьъ быть. Воны услышлы, назадъ пишлы, говорятъ: щось обзываецця ведмедя; должно бутъ, козакъ Мамарыкга—живой!—Нѣтъ, не можеть бутъ, а пойдить—узнайте!

Пишло йихъ человека чотыри, чы що. Подходятъ до дверей, открывають двери. Отчынылы, колы ведмедь у дубови стромыть и каже:—мовчить, бо панъ мій спытъ; ступайте соби, бо якъ устане, то буде быть!

Подходить вовы до короля, кажуть:—козакъ Мамарыкга спытъ, а ведмедь у дубови стромыть.—Нѣтъ, говорить, я не повѣрю! Хтобъ його у той дубъ засадывъ? Ну, пойденте теперь!

Узавъ соби человека изъ шесть и пишывъ. Подходятъ, а тои соби спытъ, а ведмедь у дубови стромыть, и шерсть лежыть ведмедови по клыны. Уыйшлы; встае козакъ Мамарыкга.—Що, каже, куды вы мене, господинъ, заперлы на ночь? Щѣ ведмедь мене зѣлъ! Вотъ я нагодувавъ його; винъ больше не схоче нашего брата йисты!—Ну, козакъ Мамарыкга, выпусты, пожалуйста, ведмедя изъ этого дуба.—Можно, каже; по вашему слову я могу выпустыть. Вынимае клыныи изъ торбочки и молотъ, наставляе у реснолыну и розводитъ дуба опять.—Ну, выдержувай теперь лапы! Узавъ винъ повытагавъ. Повкыдавъ вивъ свой струментъ у торбу опять.—Ну, пойденте теперь, козакъ Мамарыкга, теперь ты будешъ менѣ зяткомъ: такого нѣту и у свѣтъ, явъ ты!

Приводить його у доми, угощайе його.—Ну, дочь моя, это твой мужъ, а мій зять; коли вонъ зъ ведмедѣмъ переночувавъ, то дѣлать уже нечего.

Сей-часъ убраваы козака Мамарыкгу у одежду, у саму перву, до священика—винчать. Обвинчали йихъ: сватьбу давай гулять. Сватьбу одгулялы; давъ нийъ комнату:—оттутъ соби живите, у тій комнаті! Однисуе козакови Мамарызи половыну царства. Козакъ Мамарыкга каже:—я не хочу половыны царства: у васъ царство малое; однышитъ мене усё царство, а половыны я не хочу.—Нѣтъ, каже, я усёго не одамъ; якъ умру, то тоди буде твое усё, а теперъ,—твоя половына и моя половына.—Нѣтъ, говорить, половыны я не хочу.—Нехотъ-не хотъ, то твоя воля, а я другой половыны не одамъ, покы не умру.

Выводытъ козакъ Мамарыкга своего коня Гыверя зъ конюшни, бере жену за руку;—прощайте, говорить; когда не хотите однысувать усею царства, такъ я поѣду у свое царство зъ женою. Сидайе на коня и жену самайе.—Эй, пане мій мыйый, конь пытайе, якъ тебе весты, чы пверхъ дерева, чы упниъ дерева, чы пверхъ комышу?—Несы, каже, пверхъ дерева!

Понисъ кинь-Гыверъ, тилькы кура схватылась. Несёгъ його сутокъ двоие; ва Чорноме море внисъ. Моря больше, нийъ земли. Сколько не йиде, усе море Чорное. Найшовъ камень середъ моря; остановывся на этому камини, розбывъ соби палатку, ндымайе торбу-волосянку изъ плачей, изъ свойихъ;—торба-волосника, дай намъ йисты и пыть! Тутъ стоить сійчасъ де узаясь: найидкы, напыткы на стола, що королівна-другавна не выдала и у своего батька такыхъ найидкы и напыткы. Найпыльсь, напыльсь;—торба-волосянка, уберысь! Не стало ничего, усе у торбу убралось. Зашморгуувъ. Теперъ оддыхають соби на камени.—Положите мени голову на колыны, то я подывлюсь, чы йе що? Положытъ винъ голову на колыны, давай вона шукать у голови. Довго-недовго вона довбалась у його у голови, покудова винъ заснуувъ. Заснуувъ харащо, мицно; давай вона тоди платъа вытгать, и назадъ соби одсовуватьця. Высуулась, а вивъ лежить соби—спыть. Вона у стремени ногу; ковь Гыверъ пытайе:—сударыня, куда тебе несты?—Несы мене, каже, до моего отца! И забрала вона ти торбочкы, и волосянку, и дротянку. Пениъ йийи конь до батька.

Выспався козакъ Мамарыкга, устайе; нѣту, ни лошади, ни жены.—Э, козакъ Мамарыкга! Вонъ когда пропавъ! Пийшовъ, по камени, туды-сюды; дывытьця, лежать сапаги.—Э, слава Богу, еще козакъ Мамарыкга не сгыне! Обувайе чоботы, пийшовъ соби пверхъ воды.

Перейшовъ море, пройшовъ суходоломъ одинъ гонъ; стоить кушъ выльвѣый изъ ягодины. Вырывае ягоду, кыдайе у ротъ: становытьця у його ротъ у боци; вырывае другу, кыдайе у ротъ: стало два рогы.—Э! Пропавъ козакъ Мамарыкга! Рогы, по аршыну, по крамарському... Якъ я буду жыть? Полно йихъ кушать! Сколько я йихъ буду кушать, то усе будутъ рогы ва мени! Пойшовъ одъ тыхъ вышенъ шаговъ десятокъ,—другой кушыкъ стоить ягодъ. —А, дай, каже, вырвать и сю

попробовать! Що, каже, буде? Вырвакъ и вѣйивъ, и спавъ рогъ одинъ, другу уклады у ротъ ягоду,—и спавъ и той.—Ну, слава Богу, теперь козакъ Мамарыга волной! Нарву я сихъ у платочокъ, вернусь, та нарву и тихъ! Нарвавъ, и тихъ, и тихъ, по платочку, и теперь двинувъ у те царство, де його жена.

Подходить туды до врыльця, до ограды, гука по ягоды.—Пойды, на службу, каже королевва, що воно за ягоды? Та приходится, здраствуетьця:—здрaствуйте, важе.—Здрaствуй.—Какія ягоды, звидки, чы свѣжы?—Нѣтъ, каже, свѣжы; у насъ харошы ягоды.—Какъ у васъ рано нспивають! У насъ цвигуть, а у васъ уже и готови!—Дороги, важе, ягоды; хорошы, такъ дороги!—Почомъ?—По рублю серебра ягода, важе. Пошла вона, отказала королевни:—се, важе, оттави ягоды. Одщитала вона рублѣй пивъ сотни:—На, важе, возьми, однеси. Прийшла вона, оддала деньги; вниъ давъ ягоды на щогъ. Приносыть ягоды вона назадъ. Бере королевна—другинна ягоды, уклады у ротъ становытьця у йийи тры рога, два по бокахъ, а третій—на животѣ. Зострахнулася вона:—що се таке? Дай—ище укынуть у ротъ! Укынула ще штуки тры: ще стало тры роги. Ну, и смаковыи така ягоды, що не могла удержатьця, и стало по йийи, по усій, роги. Соромъ ягоды якъ нѣзйила и соромъ рогавъ стало по йий, по усій. И такъ вона на тихъ рогахъ и высыть.

Тутъ сйчасъ до короля:—идити! Що тамъ сталося зъ барышнею? Убигае король, сострахнувся:—що се таке? Що ты йила?—Купыла агодокъ, каже, носымъ явйсь—то мужыкъ, такъ попойила, и оце стало на мени!—Видити, посылае салдаты. Кто носыть ягоды? Сюды його тащити!.. Шукалы, шукалы, никого не найшлы зъ ягидьмы. Тамъ и сыдытъ королевна на рогахъ. Давай король одпысувать у чужы царства, щобъ булы тамъ доктори и лікарѣ, щобъ оти роги зогнать. Позъйиндылысь изъ чужыхъ царствовъ и изъ свого царства доктори и лікарѣ. Посмотрѣлы, посмотрѣлы,—ничого не здѣлають: не зходытъ, чымъ тамъ не мазали,—одынаво!

Розъйыхалось те усѣ опъять по своимъ мѣстамъ, а чоловікъ ходытъ по базарю и каже:—я могу эти роги зогнать королевни безъ зыляя. Тутъ далы знать королю сйчасъ же.—Де вонъ есть той молодець? Преставте його у мой домъ! Узалы—преставылы його королю.—Можешъ ты зогнать роги безъ зыляя у моеи дочери?—Могу!—Вотъ одпысую тоби царство, и ось твоя жена!—Выезити мени позовъ изъ два трисокъ на площадъ, и выйиздити уси городяне за 25 верстъ отъ города. Буду таки лікарства роспускаты, що якъ зайде, то умре народъ укесь. Вытащити йийи у садъ до этого купы дровъ! Вытаскалы вони йийи до дровъ и тоди убрались вони уси. Узавъ вниъ дрова запалывъ, тры быча вырубывъ дубовыхъ, запарывъ; бере тоди бычы и потягае мнжъ рогамы. Вона крычытъ.—Се, каже бьетъ тебя козакъ Мамарыга, твоей мужъ. Де ты того коня Гыверя дила?—Твой конь живой,—на станку; не мучъ меня!—А торба—волосинка, та дротинна,—де?—Это у батюшкы уже поховане. Буде тоби передъ лице усѣ, тилькы меве не мучъ!—Больше жъ мене не будешъ выдать?—Не буду до выку вичнѣго! Ну тоди онъ бере ягоду,

роздавлѣе їй у ротъ, и спадаѣе рогъ, подіймаѣе вона тоди голову выше, а то винъ бычамы їйи зовсімъ унычтожывъ. Укыдаѣе їй изнову ягокъ дви, тры у ротъ: поийла, ще тры рогы спало. Осыльвыла вона ище.. Тоди ще даѣе їй ще побольше: ти рогы на їй осыпакутьця. И зѣйла итукъ 4⁰ ягокъ;—побсыпалысь рогы, стала королівна - другивна така, якъ и була. — Ну, смотри, щобъ ты знала, якъ за-мижъ иты! Пошлы у комнаты, тамъ найшлы, що пыть, що йисты; попылы, нойлы.

Черезъ часъ - мѣста бижать городяне у городъ. Прибигаѣе король у комнаты, зостричаѣе його дочь. Слава Богу, слава Богу, що Господь пустывъ тебе на сей свить!

Теперычкы давай пыть-гулять... — Зъ какой ты земли, хто ты есть, пытаѣе король того, що зигнавъ рогы.—Я есть козакъ Мамарыкга, говорыть, вашъ зять первый; мени винчатья ве нада: я уже винчаний.—Такъ это ты?—Я, говорыть.—Ну, одпысую тобі усе царство.

На томъ оснуваніи и царствуй козакъ Мамарыкга у томъ царствіи. Винъ почытаѣе жену, а жена його, и живутъ вони собі у томъ царствіи¹⁾.

Г. Потанинъ.

1) Въ сказкѣ изъ Черниговской губ. (Гринченко, Этнограф. матеріалы, собранные въ Черниговской и соседнихъ съ ней губерніяхъ, вып. 2, 1896 г., стр. 247: № 183, „Про гусочку, що несла Золоти Яйця“) двѣ яблони; отъ яблоковъ одной тѣло чловѣка покрывається шерстю и вырастають рога (какъ будто чловѣкъ превращается въ рогатаго звѣря), отъ другой безобразіе сивняется красотою.

Къ новымъ записямъ былинь изъ Донской области.

Три быливы, записанныя въ Донской области г. Харламовымъ и помѣщенные въ „приложеніи“ къ настоящей статьѣ, являются интереснымъ пополненіемъ къ скудному остатку былевыхъ пѣсенъ, извѣстныхъ въ той же области и изданныхъ въ сборникѣ А. Пивоварова¹⁾. При отсутствіи прочной былинной традиціи повсюду въ Россіи, кромѣ губерній Олонецкой и Архангельской, мы, конечно, не можемъ надѣяться найти на Донѣ тѣхъ обширныхъ стройныхъ „старинъ“, которыя были записаны изъ устъ сѣверныхъ „сказителей“. Въ появившихся въ послѣдніе годы записяхъ былинь въ Пермской губерніи (г. Косвинцева), въ Терской области и на Донѣ приходится постоянно отмѣчать такія же черты захудалія и путанности, когорыя характеризуютъ большую часть былинь, записанныхъ въ западныхъ, центральныхъ, южныхъ и восточныхъ частяхъ Великороссіи и вошедшихъ въ сборникъ Кирѣевскаго. Но собираніе и такихъ убогихъ былинь не лишено научнаго интереса. То небольшое, что уцѣлѣло въ этихъ областяхъ отъ стариннаго былевого инвентаря, показываетъ, какія эпическія личности и какіе сюжеты пользовались наибольшей популярностью и распространенностью.

Разсмотримъ три новыхъ былины, записанныя г. Харламовымъ.

1-я былина о Добрынь, какъ и обѣ другія, замѣнила эпическій длинный стихъ короткимъ (б. ч. четырехстопнымъ) пѣсеннымъ. Сюжетъ ея, несмотря на порядочное для донскихъ былинь число стиховъ (150), не развитъ: очевидно, на Донѣ помнили кое-что о Добрынь, но помнили нетвердо и не умѣли довести до конца ни одного сюжета. Въ длинныхъ пѣсняхъ, каковы эпическія, какъ

¹⁾ Последнія тоже приводятся въ „приложеніи“, равно какъ и былина, записанная А. М. Листопадовымъ и еще имъ не напечатанная.

извѣстно, окончаніе всего чаще комкаются. Какъ многія былины о Добрынѣ, такъ и донская начинаетъ разсказъ о немъ издалика: упоминаетъ объ его умершемъ отцѣ, о матери „молодой вдовѣ“, о его воспитаніи. Но сейчасъ же начинается путаница, объясняющаяся тѣмъ, что слагатели смутно помнятъ о девятилѣтней службѣ Добрыни (въ приворотникахъ, столбникахъ, ключникахъ) у князя Владимира. Въ записи отъ казака Мартынова оказывается, что девятилѣтняя служба Добрыни началась въ люлькѣ: три года богатырскій младенецъ въ люлькѣ лежалъ, затѣмъ три года золоты ключи держалъ и три года былъ ключникомъ. Послѣ этихъ девятилѣтнихъ занятій Добрыню отдають учить грамотѣ къ князю Владимиру, какъ будто князь содержалъ школу грамотности. Въ болѣе толковыхъ былинахъ о Добрынѣ, какъ извѣстно, сначала упоминается обученіе грамотности, а затѣмъ ужъ девятилѣтняя служба при дворѣ Владимира. Далѣе Мартыновъ (или его источникъ) приписалъ Добрынѣ-мальчику молодецкія шуточки („ково за руку возьмешь,—руку прочь оторветь, ково въ голову ударить,—голова съ плечъ слятить“), которыя свойственны Василю Буслаевичу или Борису-Збуту королевичу, а не былинному Добрынѣ, отличающемуся „вѣжествомъ“. Упоминается и жалоба на Добрыню за его шуточки передъ княземъ, но всколзь, безъ всякихъ послѣдствій. Нѣкоторыя воспоминанія изъ хорошей традиціи замѣтны въ дальнѣйшихъ стихахъ, разсказывающихъ объ обращеніи Д. съ просьбой къ матери, Амелѣфѣ Тимофеевнѣ, его отпустить и объ его сборахъ. Эпическая картинка сѣдланія коня еще сохранилась въ памяти Мартынова. Интересна и дальнѣйшая черта: встрѣча Добрыни съ Ильей Муромцемъ, старымъ-старичкомъ, отъ котораго онъ узнаетъ, гдѣ Маринкинъ дворъ. Такая роль указанія старикомъ юношѣ, гдѣ живетъ прелестница—положимъ, не совсѣмъ пристала старому казаку. Но она навязана ему не впервые въ этой былинѣ: она встрѣчается еще разъ въ небольшой былинѣ о Добрынѣ и Маринѣ, записанной въ Москвѣ г. Лапшинымъ и представляющей (съ 16 стиха.) самый близкій варіантъ къ донской. Последняя, впрочемъ, въ этомъ эпизодѣ толковѣе московской. По записи г. Лапшина ¹⁾, на слова Добрыни:

— Хожу ли я, ищу ли я Маришкана двора—

¹⁾ Былины старой и новой записи, II, стр. 80.

Илья сообщаетъ ему, что Маринкинъ дворъ стоитъ середь Кіева, середь площади и затѣмъ описываетъ его тынъ и терема. Въ донской былинь Илья поясняетъ, откуда онъ знаетъ про Маринкинъ дворъ:

Князь мы съ батюшкой
Твоимъ погуливали,

Разговоръ у насъ былъ
Про Маринкинъ дворъ.

И далѣе, упомянувъ о желѣзномъ тынѣ съ головой на каждой тыниночкѣ, Илья предостерегаетъ Добрыню, прѣвбавляя:

Быть то Добрыня

Твоей тамъ головъ.

Дальнѣйшія подробности—стрѣлянье Добрыни въ плѣлющихся голубей на теремѣ Марины, печальное убіеніе змѣя лютаго въ отсутствіе Марины, приходъ ея и встрѣча съ Добрыней—описаны довольно полно въ былинь, но на этихъ обоюдныхъ угрозахъ она обрывается, такъ же какъ записанная въ Москвѣ г. Лапшинымъ. Объ обращеніи Добрыни въ тура и избавленіи его отъ звѣринаго образа его сестрой или матерью уже забыли на Дону и, вѣроятно, давно, если заключать по аналогичному окончанію московскаго варианта. Обѣ записи, совпадающія въ главнѣйшихъ чертахъ содержанія и въ окончаніи, повидимому, указываютъ на то, что существовала „упрощенная“ редакція былины о Маринѣ, въ которой встрѣча ея съ Добрыней кончалась взаимными угрозами обратить противника въ то или другое животное. Такая редакція подтверждается и краткой былиной, записанной среди уральскихъ казаковъ ¹⁾. Въ ней нѣтъ встрѣчи Добрыни съ Ильей, но во всемъ прочемъ она совпадаетъ съ Лапшинской и Харламовской и кончается угрозой Добрыни обернуть Маринку „сорокой бѣлобокой, кобылицей водовозною“.

Во 2-ой донской былинь, рассказывающей о состязаніи конями между кн. Владимирошъ и Иваномъ Гостинимъ, послѣдній названъ Иваномъ Гардиновичемъ по смѣшенію съ другимъ богатыремъ Иваномъ Годиновичемъ, называющимся иногда въ былинахъ Горденивичемъ. Такое же смѣшеніе въ именахъ находимъ въ былинь Гильфердинга № 307. Начало былины—пиръ у Владимира, хвастанье присутствующихъ кто чѣмъ можетъ, похвальба князя своими конями, вызовъ желающихъ состязаться съ нимъ въ скачкѣ, со

¹⁾ Былины старой и новой записи, стр. 280.

гласіе Ивана принять вызовъ—разсказано довольно стройно. Упомянулъ пѣвецъ былины также, какъ конь рветъ на хозяинѣ шубу ударомъ копытъ и отвѣтъ Ванюши дивящимся боярамъ:

„Я поболь поживу

Себя шубу наживу“...

Но весь дальнѣйшій разсказъ уже не соотвѣтствуетъ обычному эпическому преданію. Въ извѣстныхъ былинахъ объ Иванѣ Гостинѣ до настоящаго бѣга коней—Иванова и княжескихъ—дѣло не доходитъ. Конь Ивана уже на княжескомъ дворѣ разгоняетъ жеребцовъ Владимира и производитъ своимъ страшнымъ видомъ такой пореполохъ среди князей и бояръ, что состязаніе не можетъ состояться. Въ донской же былинѣ дѣло разсказано иначе: Владимиръ серьезно готовится къ скачкѣ, причемъ

Разстаниваетъ князь
Своихъ добрыхъ лошадей

На каждой верстѣ
И на полверстѣ.

Затѣмъ онъ, повидимому, въ скачкѣ сначала опередилъ Ивана, а затѣмъ тотъ нагналъ его на девятой верстѣ и хотѣлъ по уговору срубить ему голову. Князя спасъ конь Ивана, посовѣтовавъ хозяину пощадить Владимира, взявъ съ него вмѣсто головы все его имѣніе. Въ такомъ окончаніи былины можно видѣть продуктъ мѣстнаго творчества. Казаки, извѣстные кавалеристы, не удовлетворялись обычной редакціей былины безъ настоящей скачки и передѣляли старую пѣсню по своему, внеся въ нее невозможную въ нашемъ эпосѣ картинку—скачущаго князя Владимира и готовящагося снести голову Ивана Гардивовича. Такую же попытку окончить старую былинку скачкой находимъ въ „старинкѣ“ объ Иванѣ Кулаковѣ, записанной въ Якутской области г. Богоразомъ ¹⁾. Здѣсь Владимиръ ставитъ призомъ скачки руку своей племянницы Марфы Сеславьевны, а Иванъ бьется о своей буйной головѣ. Скачка состоялась, но разсказчикъ (Кулдарь) не помнилъ окончанія былины стихами и досказалъ словами, что Иванъ Кулаковъ успѣлъ доскакать изъ Кіева до Чернигова и вернуться въ Кіевъ, пока еще длилась обѣдня, и взялъ племянницу Владимира.

Третья короткая былинка о *Дюкѣ Степановичѣ* ограничивается описаніемъ выѣзда этого богатыря, его коня, вооруженія и стрѣлъ, въ томъ числѣ чудесныхъ трехъ, которымъ цѣна не сказана, не объявлена. Не болѣе того помнятъ былинку о Дюкѣ казаки на

1) Издана мною въ Изв. Отд. р. яз. и слов. И. А. Наукъ т. V., кн. 1-я.

Уралъ и Терекъ, а также крестьяне въ Пермской губерніи. Съ донской пѣсней очень близки варианты Кирѣевского ¹⁾ и Мякушина ²⁾, записанные среди уральскихъ казаковъ. Вариантъ г. Карпинскаго изъ станицы Червленой на Терекъ у гребенскихъ казаковъ ³⁾ и вариантъ г. Косвинцева изъ Кунгурскаго уѣзда Пермской губерніи ⁴⁾. Какъ въ гребенской, такъ и въ донской пѣснѣ Дюкъ Степановичъ выѣзжаетъ изъ села Карачаева, папавшаго сюда некстати изъ былины о выѣздѣ Ильи Муромца. Любопытно отмѣтить полное забвеніе среди казаковъ конской породы, извѣстной встарину подъ названіемъ *бахмата*. Уральскіе казаки сблизили устарѣлое слово *бахматъ* повидимому съ *беиметомъ* и поютъ:

„Выѣзжалъ-то тутъ добрый молодецъ Дюкъ Степановичъ. На своемъ-то на добромъ конѣ въ буромъ *бахматѣ*“. А донскіе казаки пошли еще дальне въ непониманіи этого названія, видя въ *бахматѣ* какое то свойство копытъ:

Подъ нимъ конь—

Рогно лютай *вѣй* (т.-е. звѣрь),

Вуръ—косматъ:

Копытъ—бахматовъ,

Грива—волесомъ,

Кстати, приведу сообщеніе о коняхъ-бахматахъ, занесенное Бопланомъ въ его описаніи Украйны (изд. 1660 г., стр. 38). По его словамъ, бахматы лошади нескладныя и некрасивыя по виду, но крайне выносливыя. Онѣ могутъ безъ отдыха скакать отъ 20 до 30 льѣ. Грива у нихъ густая, длинная, доходящая до земли; хвосты также длинные, волочащіеся позади ихъ ⁵⁾. Это напоминаетъ былинаго коня бурушку-косматочку.

Вс. Миллеръ.

1) Пѣсни т. III., стр. 100.

2) Сборникъ уральскихъ казачьихъ пѣсней, стр., 7-я, перепечатано въ Былин. стар. и новой записи II, стр. 188.

3) Сборн. матеріаловъ для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа Вып. XXII Отд. III, стр. 37.

4) Этнограф. Обзор. кн. XLIII, стр. 93.

5) „C'est une certaine sorte de chevaux mal faits et laids, mais bon au possible pour la fatigue, car pour faire des courses de 20 à 30 lieues d'une traite il n'appartient qu'à ces *baquetates* (ainsi appellent-ils ces sortes de chevaux) qui ont le crin du col fort touffu et pendant jusqu'en terre et celui de la queue leur traîne derrière“. Beauplan—Description d'Ukraine, изд. 1660 г. стр. 38.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Былины изъ Донской области.

Предлагаемыя здѣсь и разсмотрѣнныя выше проф. Вс. Ө. Миллеромъ три былины записаны мною въ Донской области, въ станицахъ Усть-Быстринской и Нижне-Кундрюческой. Въ лѣтніе мѣсяцы 1899 и 1900 годовъ и занимался собираніемъ народныхъ пѣсенъ и заговоровъ. Вслушиваясь въ пѣсни, которыя поетъ молодежь обоого пола, я замѣчалъ, что пѣсни эти недавняго происхожденія, что онѣ въ большей части представляютъ продуктъ запимствования и своеобразной переработки текста и мелодіи модныхъ фабричныхъ романсовъ и пѣсенъ: «Чудный мѣсяцъ», «Потеряла я колечко», «Разлука» и проч. — Чаше всего мнѣ приходилось слышать ихъ въ исполненіи молодежи. Желаніе найти пѣсню чисто народнаго творчества заставило меня обратиться къ старикамъ. Правда, ихъ пѣсенка уже спѣла, но они сохранили преданія своей молодости и рѣдко отказываются похвѣлиться ими. Я просилъ пѣть и рассказывать старинныя пѣсни, — и одніе изъ первыхъ, которыя были сообщены мнѣ, это — былины. Всѣ пѣвцы называли эти былины *старинными пѣснями*; другого названія для нихъ мнѣ не пришлось услышать.

Въ районѣ двухъ указанныхъ станицъ мнѣ удалось записать только эти три былины. Лучшія редакціи первыхъ двухъ — о Добрынь Никитичѣ и Иванѣ Гардиновичѣ — я записалъ на хуторѣ Кременскомъ Усть-Быстринской станицы отъ казака Федора Максимовича Мартынова. Звали эти былины и другія лица, преимущественно пожилыя и старыя женщины, но не въ цѣломъ видѣ, а въ большихъ или меньшихъ отрывкахъ. Варианты этихъ записей приведены мною подъ текстомъ. Былина о Дюкѣ Степановичѣ записана въ Нижне-Кундрюческой станицѣ отъ урядника Петра Алексѣевича Рышкина. Отъ другихъ пѣвцовъ мнѣ не удалось услышать ее. Этотъ первый опытъ записи былинь, конечно, не лишенъ недостатковъ техническаго характера, такъ какъ записывалъ я не съ пѣнія, а съ говора.

Мнѣ кажется, что на основаніи незначительнаго количества записанныхъ мною былинь нельзя говорить вообще о бѣдности былиннаго матеріала на Дону. Лица изъ мѣстной интеллигенціи, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать по поводу собиранія былинь и народныхъ пѣсенъ, указывали на среднее теченіе Дона съ его населеніемъ, гдѣ, по ихъ наблюденіямъ, можно больше всего найти и былинь, и старинныхъ мѣстныхъ народныхъ пѣсенъ. Здѣсь большая часть населенія — старообрядцы, а этотъ элементъ народа лучше сохраняетъ, какъ извѣстно, традиціи своей жизни во всемъ ея объемѣ. Жители тѣхъ станицъ, въ которыхъ записаны мною былины, принадлежать къ такъ называемымъ «низовымъ»

казакамъ». Составъ этой части населенія Донской области и характеръ его народной жизни значительно отличаются отъ тѣхъ же сторонъ жизни населенія среднего и верхняго теченія Дона, отъ «верховыхъ казаковъ».

«Верховые казаки» — это исторически позднѣйшіе насельники, выходцы изъ центральныхъ великорусскихъ областей, до сихъ поръ еще сохранившіе и въ говорѣ, и въ складѣ жизни, и въ народномъ характерѣ черты своего происхожденія. Здѣсь значительно раньше жизнь стала осѣдой, земледѣльческой, утратила чисто-военный, гулевой, казачій характеръ.

«Низовые казаки», первоначальное ядро Донского казачества, хотя въ бѣльшей своей части и были великорусскими выходцами, но въ значительной степени подверглись вліанію малорусскаго племени и сосѣднихъ кочевыхъ племенъ. Въ ихъ языкѣ попадаются слова татарскія и турецкія, въ свесѣи характеръ они болѣе «казакъ», въ техническомъ значеніи этого слова, болѣе подвижны, воспримчивы, впечатлительны, чѣмъ верховые, въ ихъ обычаяхъ и быту семейномъ много малорусскихъ чертъ. Любопытно, что сами «низовые казаки» сознаютъ это различіе и нѣсколько съ презрѣніемъ смотрятъ на верховыхъ за то, что тѣ больше походятъ на «русаковъ», «кацаповъ»; говорятъ, что они не настоящіе казаки.

Эти этнографическія особенности казачьяго населенія Донской области, нѣтъ сомнѣнія, могутъ служить подтвержденіемъ высказаннаго предположенія, что въ среднемъ теченіи Дона, среди «верховыхъ казаковъ», долженъ оказаться болѣе обильный былинный эпосъ, чѣмъ среди «низовыхъ», и, въ частности, въ той мѣстности, гдѣ мнѣ пришлось записать былины.

Текстъ помѣщаемыхъ здѣсь былинъ записанъ съ тѣми особенностями народнаго говора, которыя свойственны той мѣстности.

1. Былина о Добрынѣ Никитичѣ.

Жилъ то былъ Микитушка	15. Онъ три года Добрыня—
Богатый человекъ.	У дѣлочки лежалъ;
Не богатый онъ былъ	Ишо три года Добрыня—
Не убогай слылъ ¹⁾ ,	Золоты ключи держалъ;
5. А таперича Никита	Ишо три года Добрыня—
Самъ сыстарился (2)	20. Онъ клошничкомъ былъ,—
Никита переславился.	И тану, сену было
Аставалася въ нево	Ровно девять лѣтъ.
Вся житія ево бытъ (2)	На десятомъ то году
10. Вся имѣища ево,	Отдавала ево матушка
А ишо та аставалась	25. Грамоту учить
Малада ево жена (2)	Кы тому то князю,
Съ малыи дѣтишшаю	Князю Володимеру,
Сы Добрынюшкою.	Онъ грамоту училъ

¹⁾ Веріать:

Онъ богатый не убогай

Многомилосливый.

- И по улицамъ ходилъ (2)
30. Шуточки шутилъ
Онъ шуточки шутилъ
Все не маленькія:
Каво за руку возьметъ,—
Руку прочь атарветъ;
35. Каво въ голову ударить,—
Галава съ плечь слятитъ.
Тутъ многа на Добрыню
Люди жаловались:
«Батюшка ты нашъ,
40. Володимеръ князь,
Ты вайми эгаво юнашу.»
Маладецкая сердечушка
У Добрынюшки загарчивая.
Какъ приходя то Добрыня
45. Бъ родной мамушкѣ свай:
«Ты родная мая,
Родная матушка,
Ты Анельфа Тимофеевна,
Ты позволь мнѣ, мамушка,
50. Во чисто поле поѣхати,
Свою силу богатырскую
Все воспробовать».
Отвѣчала ему мамушка:
«Ты чадо, мая чадушка,
55. Ты ишо малѣхонекъ».
«Родная мая мамушка,
Позволь мнѣ поѣхати»
Сѣдлантъ Добрынюшка
Атцовскава каня,
60. Накладантъ Добрынюшка
Черкеская сѣдло,
Подтигантъ Добрынюшка
Двѣнадцать подпругъ (2)
Сы подпругичкаю—
65. Не для красоты
А для крѣпости
Подпругички у нево—
Все шалювыя,
На нихъ прѣмечки—
70. Все булатныя.
Садятся Добрыня
На сваво добрава коня,
Выѣзжантъ Добрыня
Во чисто поле гулять.
75. На устрѣчу Добрынь
Старъ старичекъ идѣть,
Старъ старичекъ—
Илья Муромецъ.
У старинушки
80. Галовушка былѣхонька,
А бородушка сѣдѣхонька.
Ты скажи, скажи, старинка,
Гдѣ Маринка живеть (2)
Гдѣ Маринкинъ дворъ.
85. Какъ и сталъ старичекъ
Добрыню журить и бранить
И рѣчью гаварить:
«Ты далека, мая чадушка,
Загуливаси!
90. Какъ мы съ батюшкой
Твоимъ погуливали,
Разговоръ у насъ былъ
Про Маринкинъ дворъ.
Маринкинъ дворъ
95. Отсудова семь верстовъ,
Отсудова семь сталбовъ:
Около Маринкина двора
Тынъ желѣзной стаятъ.
На всякой тыниночкѣ—
100. По маковочкѣ (2)
По буйнѣй галавѣ.
На адной тыниночкѣ
Нѣтъ маковочки,
Нѣтъ буйной галавы,—
105. Быть то, Добрыня,
Твоей тамъ галавѣ».
Маладецкая сердечушка
У Добрынюшки загарчивая,
Какъ и бьетъ то Добрыня
110. Свавѣ добраво коня
По крутымъ ево бедрамъ
Прѣзжантъ то Добрыня
Бъ широку еѣ двору.
На Маринкиномъ теремѣ
115. Сидять два голубя
Цѣлуются, милуются
Они обнимаются.
Онъ узводитъ Добрыня
Свой тугой лукъ,
120. Онъ и бьетъ то Добрыня

- По этимъ голубямъ.
Ево правая нога оступилася,
Ево лѣвая рука обмишулилася.
Не попалъ онъ голубей,—
125. Пеналъ въ стѣну еѣ.
Онъ разбилъ то Добрыня
Стѣну каменную, (2)
Грубѣ кахальную.
Онъ убилъ то Добрыня
130. Змѣя лѣтаво,—
Марининнова друга милава.
Какъ и тутъ то Маринка
Не случилася во дворѣ:
Маринка была—
135. Въ банѣ парилася.
- Какъ прихода Маринка
Къ шираку сваму двару,
Кричить то Маринка
Громкимъ голосомъ своимъ:
140. «Ой што это такое
За невѣжа пришёлъ, (2)
Не отеческай сынъ?
Я тебе, Добрыня,
Какъ хочу ворочу:
145. Издѣлаю тебе Добрыня
Сѣрымъ зайушкой».
Врешь ты, шельма,
Маринка, облыгаешься,
Я издѣлаю тебе
105. Кабылаю вадавознишшай!

II. Былина объ Иванѣ Гардиновичѣ.

- Ой да какъ леталъ то, леталъ
Младъ сизой арёлъ
По крутымъ гарамъ.
Какъ летаючи арелъ
Самъ состарился:
Ой да пробивала у орла
Она бы съдѣнушка
- Между сизыхъ крылъ;
Побѣждала у орла
Буйная галовушка
Ровно бѣлай снѣгъ ¹⁾.
1. Какъ во стольномъ было
Во городѣ, славномъ Кіевѣ ²⁾.
Какъ у князюшки было,

¹⁾ Начало этой былинѣ не имѣетъ никакой связи съ ея дальнѣйшимъ содержаниемъ. Я передаю ее такъ, какъ записалъ въ рассказѣ многихъ пѣвцовъ. На мои замѣчанія, что первые стихи объ орлѣ не имѣютъ никакого отношенія къ рассказу о князѣ Владимірѣ и Иванѣ Гардиновичѣ, пѣвцы отвѣчали, что они „играютъ эту пѣсню такъ, какъ заучили отъ отцовъ и дѣдовъ“. Былина эта исполняется протяжнымъ напѣвомъ, съ повтореніями словъ и вставками частицъ между отдѣльными словами стиха. Такъ наприм., первые два стиха въ исполненіи пѣвца имѣютъ такой видъ:

Ай да какъ леталъ та, бы да леталъ
Вотъ и младъ сивой, младъ сивой арелъ...

У А. Пивоварова это начало былинны объ Иванѣ Гардиновичѣ служить первыми строками пѣсни о старости орла, которая продолжается такъ:

Потусмѣли у него, сиза орла, очи ясныя,
Примахалъ сивой орелъ свои крылья рѣзвыя,
Обломалъ свои остры когти вплоть до пальчиковъ.
Прилетали къ сизу орлу три черныхъ ворова,
Прилетѣли къ нему и въ глаза глядеть ему,
Во глаза то глядеть, ему рѣчи говорить:
Полно, полно тебѣ, старъ сивой орелъ,
По крутымъ гарамъ летать, гусей лебедей бывать...

Пѣсня оканчивается смертью орла. (Донскія казачьи пѣсни, отдѣлъ 1-й стр. 53).

²⁾ По одному изъ пѣвцовъ—Черниговъ.

- Князя Владимира,
 5. Собиралась у нево
 Пирь да бесѣдушка,
 Она все почѣствая.
 Ой да честна, хвальна
 Пирь бесѣдушка,
 10. Оаа многорадостная.
 Во пирю то сидятъ
 Они князья, бояры.
 Они нють то ѣдать,
 Да все похваляются:
 15. Какъ богатый то хвалится
 Онъ богатствомъ своимъ;
 Сильнай—своей силою:
 А убогай хвалится
 Божьей милостью,
 20. А князь Владимиръ—
 Своими добрыми каньми:
 Какъ и есть то у мене
 Полгараста миряньевъ, (2)
 Десяносте жеребцовъ;
 25. Какъ и кто бѣ то са мной
 Заспорилъ бы скакать?
 Всѣ то князья-бояры
 Умолчали отъ нево,
 А одинъ то абозвался—
 30. Сынъ Ванюша Гардиновичъ:
 Какъ и я съ тобой
 Князь Владимиръ,
 Заспорѣю скакать.
 И заспорили они
 35. Не объ сто то рублей,
 Не объ тысячу,—
 Объ своихъ то о буйныхъ
- Объ головушкахъ.
 Назначали ани
 40. Мѣстечка урочная.
 Разстанаивливать князь
 Своихъ добрыхъ лошадей
 На каждой верстѣ
 И на полъ верстѣ.
 45. Какъ выводить то Ванюша
 Сваво добраво коня,
 Сѣдлаги онъ черкеская сѣдло
 Подтягати двѣнадцать под-
 пругъ
 Не для красоты—ради крѣпости.
 50. Тутъ конечекъ сталъ возыгры-
 вать,
 Поводыща попрашивать,
 Онъ за плечики пощипывать ¹⁾.
 Ванинъ конь заигралъ,
 На немъ шубу разорвалъ.
 55. Тутъ то князья—бояры
 Сильно дивовалися:
 „Ванюшка, Ванюша,
 Твой конь заигралъ,
 На табѣ шубу порвалъ”.
 60. — Я паболѣ поживу, —
 Себѣ шубу наживу,
 А такова воня —
 Миѣ во вѣкъ не нажить ²⁾
 Садится Ванюша
 65. На сваво добраво коня
 Догоняитъ то князя
 На делятой на верстѣ,
 И хотить то съ князя
 Срубить голову,

¹⁾ Строфъ: сѣдлаги онъ черкеская сѣдло.....

..... онъ за плечики пощипывать..... не было въ редакціи былины, за-
 писанной отъ Ф. М. Мартынова, онъ вставлены изъ неполной записки отъ дру-
 гого пѣвца.

²⁾ Вариантъ:

Ванинъ конь заигралъ,
 Князю шубу разорвалъ.
 Какъ возговорилъ то князь:
 Что съ тобой дѣлать?
 Не судъ съ тобой судить,
 Не погъ судъ отдавать,
 А лучше съ коня голову снять.
 Вынимати князь шапку острую,

Хотить снять съ коня голову.
 Тутъ конь рѣчь возговорилъ:
 Глухие вы, князья—бояры,
 Неразумные дѣти отеческіе!
 Вы паболѣ поживете,—
 Себѣ шубу наживете,
 А такова канечка
 Вамъ во вѣкъ не нажить.

70. Какъ и конь то возговорилъ ево:
Не руби ты князю голову.
А сайдися съ нимъ доброй волею: | Возьми съ нево всю нитѣнн
ево,
А оставь его живова. |
|--|---|

III. Былина о Дюкѣ Степановичѣ.

Изъ за горъ то было,
Изъ за крутыхъ горъ,
Изъ за лѣсу было —
Лѣсу тѣнава.	На добру младцу
Стальной панцарь
Какъ заря осяетъ,
На боку два волчана.
5. Изъ проваляя глубокона,
Изъ ущелья Егимова —
Не ясеиъ сакѡлъ
Съ горъ вылетывалъ,
Не бѣлой кречеть	25. Во воячбнахъ было
Тридцать стрѣлъ,
Еще три стрѣлы.
Всѣмъ то стрѣламъ
Цѣна сказана,
10. Перепархивалъ, —
Изъ таво то села
Барачаева
Выѣзжалъ доброй молодець,
Русской богатырь	30. Всѣмъ объявлена;
А тремъ стрѣламъ —
Цѣны нѣ было,
И не сказано, не объявлено.
Какъ набиты то стрѣлы
15. Дюкъ Стопановичъ.
Подъ нимъ конь —
Ровно лютай змѣй,
Буръ — жосмать;
Копытъ — бѣкмотъ,	35. Мелкииъ земчугомъ:
По днѣмъ стрѣлы стрѣлять,
По ночамъ — собирать, —
Гдѣ стрѣла лежить,
Тамъ свѣча гарить
20. Грива — колесомъ.	40. Вооку ярова.

Мнѣ представляется не лишнимъ привести здѣсь еще нѣкоторыя былины, записанныя раньше въ Донской области. Одна изъ нихъ нигдѣ не напечатана; это отрывокъ былины о Добрынѣ Никитичѣ, записанный А. М. Листопадовымъ въ станицѣ Екатерининской 1-го Донского округа. Остальные отрывки былинъ напечатаны въ 3-емъ отдѣлѣ Сборника донскихъ казачьихъ пѣсень А. Н. Пивоварова подъ заглавіемъ «Пѣсни разнаго содержания». Этотъ отдѣлъ сборника не поступалъ въ продажу и извѣстенъ въ очень немногихъ экземплярахъ; поэтому помѣщенные въ немъ отрывки былинъ и воспроизводятся здѣсь.

А. Былина о Добрынѣ Никитичѣ.

(Записана А. М. Листопадовымъ).

- По полюшку было, да было жа полю Кулиновскому.
Тамъ ходилъ жа вотъ бы младъ Добрынюшва,
Да гулялъ жа онъ не годъ, гулялъ онъ не годъ, не два:
Прогулялъ жа вотъ бы младъ Добрынюшва
5. Да гулялъ онъ ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ, еще три года,

Да всего жѣ трицать три года.
 На четвертомъ али все годочку
 Сталъ коникъ, сталъ коникъ спредвѣщивать:

10. «Ты хозяйнѣ мой, ты хозяйнѣ,
 Да хозяйнѣ мой ласковый,
 Ты утѣха, вотъ моя утѣха,
 Да моя жѣ молодецкан!
 Ничего жѣ ты, моя утѣха,
15. Да не знаешь. (2) не вѣдаешь,—
 Родимую али свою мамушку,
 Да ее жѣ не спровѣдаешь (sic):
 Какъ твоя то родимая мамушка,
 Да мамушка сыстарилаь
20. Молода твоя шельма-жаненочка,
 Да жаненка просваталась
 Не за князя, али не за барина—
 За Алешу за Помовича,
 За такова то за хорошава,
25. Да за горькаво пьяницу,
 Да за бабьева за насмѣшничка,
 Да за дѣвичья все же перелестничка».
 Опустилъ жѣ вотъ бы младъ Добрынюшка
 Да свою буйну голову,
30. Опустилъ жѣ ее младъ Добрынюшка
 Опустилъ ниже плечь, плечь могучіихъ;
 Опускалъ жѣ вотъ бы младъ Добрынюшка
 Да онъ ручки во кармашки,
 Доставалъ жѣ вотъ бы младъ Добрынюшка
35. Доставалъ золоты, вѣтъ овъ золоты ключи,
 Огмыкалъ жѣ вотъ бы младъ Добрынюшка
 Да свою жѣ онъ конюшенку;
 Выводилъ жѣ сваго коня добраво,
 Да коня, коня богатырскава,
40. Осѣдлалъ-то коня богатырскава,
 Осѣдлалъ ево черекескииъ сѣдломъ,
 Да поѣхалъ вотъ бы младъ Добрынюшка
 Ко своей родной мамушкѣ.

Б. Добрыня просится показановъ.

(Изъ сборника А. Писоварова, стр. 223.)

Прѣзлся Добрынюшка у родной матушки своей:
 Мать моя, матушка, ты родная!
 Благослови меня, ты пусти меня, матушка,
 Поиить, погулять, показановати!

- Б. Богъ благословигъ, мое чадушко!

- Идетъ, идетъ на квартирушку,
Береть уздечку тесьменную, идетъ въ конюшенку
Обратовалъ коня сваво неўка отцовскаго, богатырскаго,
Накладывалъ сѣдлѣчко бухарское,
10. Подтягивалъ двѣнадцать подпругъ шолковыхъ,
Не для красоты, а для крѣпости.
Поѣхалъ Добрыня во чисто поле гулять,
Богатырскую силу испробовать,
Добра коня свою понаѣзживать,
15. Приказывалъ своей молодой женѣ:
Жена моя, сударыня!
Не ходи ты ровно тридцать лѣтъ замужъ,
А пойдешь ты за сына, за Поповича:
Мнѣ Поповичъ—названный братъ.

В. Дорбыня возвращается со службы.

(Изъ сборника *А. Писоварова*. стр. 223—224. Сообщилъ *П. Г. Никулинъ*).

- Какъ и съ вечера Добрынюшка вѣдь онъ имѣлъ гулялъ,
Со полуночи, добрый молодецъ, онъ коня сѣдлалъ,
Кы былъ зарѣ онъ, Никитѣвичъ, со двора съѣзжалъ;
Вго родная матушка провожать пошла.
5. Провожала его родная матушка, слезно плакала,
Во слезахъ то родная стала спрашивать:
Ты когда же, мое чадушко, вотъ домой будешь?
—Да и жди меня, родная матушка, ровно въ три года,
Если въ три года не буду, жди меня въ шесть годовъ,
10. Если въ шесть годовъ не буду, жди меня въ девять лѣтъ,
А въ девять лѣтъ я не буду, тогда поминай меня;
Молодая моя жена пуцай она замужъ идетъ,
Мои мелкія дѣтушки тогда сироты будутъ.
Не свѣтило бы красное солнышко оно девять лѣтъ,
15. На девятый годъ красное солнышко оно просіяло
Да надъ тѣми надъ сѣнями надъ вдовиными
И надъ тѣми надъ воротами надъ рѣшетчатыми,
Воротился добрый молодецъ на родимую сторону—
Покончилъ Добрынюшка службу царскую!

Г. Разбойники нападаютъ на Илью Муромца.

(Изъ Сборника *А. Писоварова*. стр. 224—225. Доставлена Атаману Хомутову изъ 2-го Донскаго округа).

Воздалече, воздалече было во чистомъ полѣ,
Пролежала тамъ дороженька не широкая,
Долинною она конца краю нѣтъ,
Шириную дорожка не широкая,

5. Заповѣдала дороженька ровно тридцать лѣтъ,
 Никто по той дороженькѣ не хаживалъ,
 Ни коннаго, ни пѣшаго слѣду не было,
 Только шолъ, проишолъ старой старикъ,
 Старой старикъ—Илья Муромецъ,
10. На старому шубеночка худымъ худа,
 Худымъ худа, вся излатана
 Лѣвая пола стоитъ пятьсотъ рублей,
 А правая пола стоитъ тысячу,
 А станъ съ рукавами и цѣны нѣтъ.
15. На правой рукѣ держитъ онъ тугой лукъ
 Пристигала старика темная ноченька.
 Сыворачивалъ онъ сы дороженьки,
 Выходилъ старичекъ на высокъ курганъ,
 На восходъ солнца Богу молится,
20. На всѣ стороны покланяется,
 Помолемши онъ Богу, ложился спать,
 Лѣвую полу подъ себя стелилъ,
 Свой тугой лукъ въ голова кладеть,
 А правою полою одѣвается.
25. Среди то ночи, середь полночи
 Наѣзжали на старика охотнички
 Сорокъ четыре разбойничка,
 Хотѣли со старова шубенку снять,
 Шубенку снять, да сагайдакъ отнять.
30. Ото сна старикъ пробуждается,
 Онъ за тугой своей лукъ хватается,
 Накладываетъ калену стрѣлу;
 Его тугой лукъ какъ левъ реветъ,
 Каленныя его стрѣлы какъ зѣби овищутъ.
35. Какъ и тутъ то охотнички понужались,
 По темнымъ лѣсамъ разбѣжались!

Д. Севрукъ.

(Изъ сборн. А. Писоварова стр. 225—226. Напечат. изъ сборника Сивилева).

- А кто бы то дозналъ,
 Когда бѣлый свѣтъ насталъ,
 Праведно солнце взошло,
 Ясенъ мѣсяцъ восходилъ, —
5. Севрукъ тое дозналъ,
 Когда бѣлый свѣтъ насталъ,
 Праведно солнце взошло,
 Ясенъ мѣсяцъ восходилъ.
 — «А вы люди стародавніе,
 10. А давно вы живете—

- Начега не смыслите,
 Либо мнѣ хлѣба-соли ставьте,
 Либо мнѣ борцовъ дайте,
 Либо мнѣ голову срубите!»
15. — «Вотъ тебѣ хлѣбъ-соль на столѣ
 И бойцы на дворѣ,
 А головушки не будемъ рубить!»
 Распилая Севрукъ
 Разгулялся Севрукъ
20. Семьсотъ казаковъ заборолъ,
 Восемьсотъ татаримовъ,
 Девятьсотъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
 Что ндутъ, пройдутъ Донцы,
 Добры удалы молодцы,
25. На бокъ колпани посервяляючи,
 Подъ бокъ кулаки зазымляючи,
 Своего Бога похваляючи:
 А дай намъ, Боже, Севрука подолѣть
 И съ кореньями повывертѣть.
30. Пришли они, подивилися,
 За бѣлыя груди взялися,
 Какъ подымутъ Севрука
 Вонъ выше себя,
 Какъ ударять Севрука
35. Объ сыру землю!
 Севрукъ глаза вытрепила,
 Севрукова кожа лопнула,
 Всѣ ребрушки посыпались,
 Всѣ косточки повыволомались,
40. А Севрукова мать
 По новыѣ сѣнямъ похаживаетъ,
 Бѣлы ручки поламливаетъ:
 «А скурвій сынъ,
 А промлятый сынъ!
45. И нашто было завѣдаться?
 И на што было зазымливаться?
 Пошла слава по всемъ сѣверу—
 Очутилася и въ Кіеву.

Е. Туры златорогіе.

(Изъ сборн. А. Писоварова. стр. 226—227. Доставлено Атаману Хомутову изъ 2-го Донского округа).

Вечоръ-то мы, братцы, очень пьяны были,
 Заутра мы, братцы, чѣмъ похмѣлились?
 Болятъ у насъ буйныя головушки,

- Щемятъ наши ретивыя сердечушки,
 5. Скинемся мы, братцы, по одной гривенкѣ,
 Зайдемте мы, братцы, во царевъ кабакъ,
 Возьмемте мы, братцы, по одной рюмочкѣ,
 Похмѣлимъ свои буйныя головушки,
 Ввеселимъ свои ретивыя сердечушки,
 10. Поидемте мы за городъ, проходимся,
 За стольною за Кіевъ прогуляемся,
 Выйдемте на вышку, на высокій курганъ,
 Глянемъ, поглянемъ во всѣ стороны —
 Не пылъ, не кура въ полѣ подымается,
 15. Не туманушка въ полѣ растилается,
 Бѣгутъ, пробѣгаютъ тамъ гвѣдые туры,
 Гвѣдые туры златорогіе.
 Пробѣгаютъ туры ко синю морю,
 Въ синемъ морѣ воды напиваются,
 20. Въ зеленыхъ лугахъ травы наѣдаются,
 Напились, наѣлись, сами поплыли,
 На бѣломъ на камушкѣ спочинули,
 Спочинувши туры опять поплыли,
 Приплываютъ туры къ крутому берегу,
 25. На встрѣчу тураиъ родная матушка,
 Старая турица златорогая
 Стала добрыхъ молодцевъ спрашивать:
 Гдѣ вы были, дѣти, гдѣ гуляли вы?
 — Что были мы, матушка, во Шаховѣ,
 30. Гуляли мы, матушка, во Ляховѣ,
 Бѣлорусскую землю мы насквозъ прошли
 А столичный то Кіевъ на бѣлой зарѣ,
 Нигдѣ такой диковинки не видѣли,
 У того было собора у Никольскаго
 35. Стояла тамъ красная дѣвица,
 Лицомъ она бѣла, волосомъ черна,
 Въ рукахъ держать книгу незнакомую,
 Чтаетъ ту книгу незнакомую,
 Сама плачетъ какъ рѣка льется,
 40. Говорить она громко, какъ въ трубу трубить:
 Придетъ то побѣда на нашъ столичный градъ!

Ж. Сватовство за Софію царскую дочь.

(Изъ сборника *Лисоварова*, стр. 228. Сообщ. П. Г. Никулита).

Какъ во славномъ во городѣ, въ Цареградѣ
 У того то князя Володиміра
 Собиралася пиръ-бесѣдушка почестная
 Какъ честна хвальна бесѣда, многорадостна,

5. Во бесѣдѣ сидѣли князя, бояре,
Они пьютъ, ѣдятъ, прохлаждаются,
Промежду собою похваляются,
У нихъ рѣчь зашла про Васильюшку,
Про Василия сына Долгорукова,
10. Какъ ты что, Васильюшка, не женишься,
Что не женишься не женатъ ходишь,
Не женатъ ходишь, холостъ гуляешь?
— Я бы радъ жениться—да мнѣ негдѣ взять:
Гдѣ мнѣ хочется, тамъ мнѣ не даютъ,
15. Гдѣ не хочется,—хоть двѣ, три возьми!
Какъ и кто бы мнѣ службу сослужилъ,
Да поѣхалъ въ Брусалинъ городъ,
Бѣ тому царю, кы Солокону,
За сего-бъ дочку мнѣ посватался,
20. За тою Сюсюшку прекрасную,
Прекрасную, очень мудрую,
Не учоная, урожена, (?)
Брови черныя, соколиныя
Глаза желтые, соколиныя!
25. Какъ и тутъ князя перпугалися,
Всѣ визирушки разбѣжались,
Остался одинъ Донской казакъ,
Младой ключничекъ,
Отъ съ мѣста на мѣсто передвигается,
30. На цари смотреть, усмѣхается—
— Какъ ты батюшка нашъ, православный царь!
Не вели казнить, вели рѣчь говорить:
Нагружай ты, царь, три кораблица
Первый грузи златомъ, серебромъ,
35. А второй грузи мелкимъ земчугомъ,
А третій грузи сладкимъ мойлицемъ,
Отправляя ихъ, царь, во сине море!

3. Змѣй Тугаринъ и княгиня Омельфа.

(Изъ сборника *А. Писоварова*, стр. 229—230. Сообщилъ *Г. П. Никулина*).

- Солнышко было на вечеръ,
У князя была бесѣдушка.
Княгиня по сѣншкѣмъ похаживала,
Крупными бедрами поворачивала,
5. Широкими рукавами морзмахивала,
Ну часто въ окошечко поспатривала,
Ждала, пождала друга милаго къ себѣ
Того-то вѣдь змѣя ну Тугарина,
Немножко княгиня чуть наѣшкелася—

10. Не стукъ то стучить, не громъ то гремить:
Тутъ ѣдетъ собака Тугариницъ.
Какъ конь то подъ нимъ будто лютый звѣрь,
А онъ на конѣ—что сѣнная копна,
Что сѣнная копна неподкопленная.
15. Голова у собаки сы пивной, большой котель,
Глаза у собаки ровно чашнишни,
Между то очей кленова стрѣла лежить.
Подъѣзжалъ собака къ широкому двору,
Сказано отъ собаки своему доброму коню:
20. —Заржи ты мой конь по звѣривому,
А я засвищу по змѣнному!
Не жалецкія кони всѣ пошарахнулись,
Порвали они чумбуры шолоковые,
Поломали колушки всѣ позлащенные.
25. Овечинъ (?) ковь не ворухнется стоять,
Только ушами конь поваживаетъ,
Глазками на собаку онъ поглядываетъ.
Какъ не тутъ то собака догадался:
— Мнѣ тутъ супротивничекъ есть!
30. Въѣзжаетъ собака на широкъ свѣтлый дворъ,
Слѣзаетъ собака съ добра своего коня,
Ни къ чему свою коня не привязываетъ,
Никому свою добраго не приказываетъ.
Онъ входитъ въ палаты въ бѣлокаменные,
45. Чуднымъ образомъ Богу не молится,
Князей то бояръ самъ не здравствуетъ,
Онъ здравствуетъ княгвню Омельѣу;
Беретъ ее за бѣлыя груди,
Цалуетъ въ уста ее сахарныя;
40. Садится въ большое мѣсто:
Понизе садится чудныхъ образовъ,
Повыше садится всѣхъ князей, бояръ
Какъ тутъ то ковши напередъ ему несли,
Онъ поило то пьетъ, по ведру беретъ,
45. По цѣлому быку онъ закусываетъ,
Сѣрую утицу онъ за скулъ положилъ.
Алеша сидитъ, самъ рѣчь говорить:
Какъ что это къ намъ за невѣжа пришелъ?
Чуднымъ образомъ Богу не молится,
50. Князей, да бояръ самъ не здравствуетъ,
Здравствуетъ Омельфу Тимофеевну.
У моего у батюшки у роднаго,
Кобыла была она обжорлива,
Она сѣна ѣла и на ж..у сѣла!
55. —А у моего у батюшки у роднаго

- Собачка была она звегливая.
 Что намъ тутъ спориться?
 Въ чужомъ домѣ не приходится,
 А пойдемъ съ тобой во чистомъ полѣ переждася!»
60. Змѣй Тугаринъ натягалъ себѣ крылья бумажныя;
 Алепа Евсегнѣвичъ просилъ Бога:
 Создай мнѣ, Боже, тучу грозную, полуденную,
 Со сильнымъ дождемъ, съ буйнымъ вѣтромъ!
 Тутъ ни откель туча собралася,
65. На Тугарина змѣя она опушдалася,
 Намочила ему крылья бумажныя—
 Упалъ на сыру землю змѣй Тугаринъ.

В. Харламовъ.

СМѢСЬ.

Преданіе о сорока новгородскихъ калинахъ.

Преданіе о хожденіи въ Іерусалимъ сорока каликъ изъ Новгорода было издано въ 1897 г. Бычковымъ ¹⁾. Указанное издателемъ акад. Пыпинымъ, оно обратило на себя его вниманіе и вызвало съ его стороны двѣ замѣтки, въ которыхъ онъ провелъ взглядъ на преданіе о калинахъ, какъ на «новый фактъ изъ исторіи древняго паломничества», послужившій, повидимому, основой для былинны о сорока калинахъ со каликою; намѣтъ о калинахъ вѣрно хранилась въ теченіе полутора ста лѣтъ въ видѣ «сказанія, быть можетъ, эпической пѣсни» ²⁾. Проф. В. Θ. Миллеръ въ своемъ обстоятельномъ разборѣ былинны ³⁾ видитъ въ преданіи о калинахъ воспоминаніе о дѣйствительномъ фактѣ, имѣвшемъ мѣсто въ шестидесятыхъ годахъ XII вѣка, а самую запись преданія относитъ къ первой половинѣ XIV ст. Кроме того, В. Θ. Миллеръ замѣчаетъ, что свѣдѣнія о новгородскихъ калинахъ вмѣстѣ съ сопровождающими ихъ лѣтописными замѣтками составляютъ лѣтопись, веденную въ XIV в. при церкви Спаса въ Торжкѣ. Но какъ ведена была эта лѣтопись? писалъ ли ее очевидецъ или она составлена на основаніи литературнаго матеріала? Вотъ этому вопросу, оставленному въ сторонѣ проф. Миллеромъ, я и посвящаю свою замѣтку.

Передъ разсказомъ о хожденіи каликъ въ записи стоятъ слѣдующія слова, почти тождественныя съ извѣстіями новгородскихъ лѣтописей:

Въ лѣто 6671 (1163). Поставиша Іо(а)на архіепископомъ Новугороду. При семъ ходиша во Іерусалимъ калици и при князѣ русемъ Ростиславѣ.	Въ лѣто 6671... Поставиша Іоанна... архіепископомъ Новугороду... при князѣ русемъ Ростиславѣ ⁴⁾ .
---	--

¹⁾ Отчетъ И. Публичной бібліотеки за 1894 годъ, отд. V, стр. 111, 113—6.

²⁾ Вѣстникъ Европы 1897 г., октября; Исторія русской литературы, т. I. Спб. 1899 г., стр. 378, 406—7.

³⁾ «Къ былинѣ о сорока калинахъ со каликою». Журналъ Министерства нар. просвѣщенія 1899 г., № 8, отд. 2.

⁴⁾ Полное собраніе русскихъ лѣтописей XVI, 45; III, 13, 125; IV, 11; XV, 236. Этотъ годъ только въ лѣтописи Абрамъ; въ остальныхъ—6673.

Несомненно, свѣдѣнія эти взяты изъ какой-нибудь старой лѣтописи: кievскій князь былъ «русскимъ» только въ глазахъ стараго лѣтописца, а никакъ не книжника XIV в. Въ преданіи Ростиславъ не упоминается, но «святый владыка Иванъ» играетъ въ немъ вѣстовую роль: онъ принимаетъ у каликъ святыхъ и благословляетъ ихъ. Конечно, имя святого Іоанна (Иліи), фигурировавшее въ преданіи, дало поводъ книжнику XIV в. отнести его ко времени епископства Іоанна, а слѣд. и внязенія Ростислава. Въ глазахъ записавшаго преданіе архіепископъ былъ святымъ, чего бы не могъ сказать его современникъ. Что касается самаго имени Іоанна, то оно легко могло зайти въ преданіе о хожденіи каликъ въ Іерусалимъ, такъ какъ объ этомъ архіепископъ была составлена легенда, будто онъ путешествовалъ въ Святую землю на бѣсѣ,—легенда, повторявшаяся въ Новгородѣ даже въ концѣ XV в.

Вслѣдъ за записью преданія о сорока каликахъ идетъ продолженіе исторіи чаши, которую принесли калики изъ Іерусалима. Въ этой части преданія фигурировалъ Иванъ Калига, что дало поводъ прикрѣпить ее къ 1329 году:

Въ лѣто 6837. Ходи князь великій Иванъ Даниловичъ въ Великій Новгородъ на миру. И постояше въ Торжку, и придоша къ нему сегого Спаса притворяне...

1328 г. Ходи князь великій Иванъ Даниловичъ (въ орду)... 1329 г. Приде въ Новгородъ на столъ кн. в. Иванъ въ Торжевъ съ всѣми внязм..., а самъ сѣдъ въ Торжву отъ Крещенія до Собора. 1335 г. А кн. Иванъ прѣѣха въ Торжовъ; а Литва воеваша на миру волость Новоторжскую, и посла кн. Иванъ, пажо городи литовскимъ¹⁾.

Изъ этого сопоставленія видно, какъ механически пользуется старой лѣтописью записавшій преданіе: онъ беретъ изъ нея выраженія, занесенныя подъ разными годами, и бѣлыми нитками пришиваетъ къ нимъ интересное его преданіе. Выраженія, имѣвшія смыслъ въ лѣтописи, въ насильственной комбинаціи являются уродливыми и невразумительными. Такъ, обычное выраженіе лѣтописей «ходить въ орду» передѣлано въ неупотребительное сочетаніе словъ: «ходить въ Новгородъ»; «воевать на миру», т. е. во время мира, имѣетъ ясный и опредѣленный смыслъ, между тѣмъ какъ къ хожденію по дѣламъ въ Новгородъ выраженіе, «на миру» вовсе не пристало.

Вслѣдъ за преданіемъ идутъ лѣтописныя замѣтки о поставленіи новгородскаго архіепископа Василія въ 1331 г., о началѣ ежедневной службы въ церкви Преображенія въ Торжкѣ, подъ 1338 г. Последнее извѣстіе составитель лѣтописи могъ почерпнуть изъ какой-нибудь церковной записи. Затѣмъ слѣдуетъ извѣстіе, опять взятое изъ старой лѣтописи:

¹⁾ Ibid., IV, 51, 53; XVI, 65—6; III, 76.

Въ лѣто 6880 (1372).

Князь Михаилъ тверскій повоева Торжокъ, подведъ втаю рать литовскую, князя Андрѣя Полоцкаго, и Дмитрія Дрютцака и иныхъ многихъ и т. д.

Въ лѣто 6880.

Князь Михайло Тѣрьскій подвелъ рать литовскую втаю, князя... Андрѣя Полоцкаго, и Дмитрія Дрютскаго... и иныхъ князи мнози ¹⁾ и т. д.

Таково же и слѣдующее извѣстіе; но въ концѣ его сдѣлана приписка уже самимъ авторомъ, записавшимъ преданіе:

Въ лѣто 6881 (1373). Приде князь велики Дмитрей Ивановичъ со всеми князи русскими... ко Твери... Онъ же пріять послубу и иде къ Великому Новгороду, и кончаша миръ. На ту же осень сыпаша валъ въ Торжку. Той же зимѣ и градъ то ставиша Торжевъ.

1375 г. Князь Дмитрій поидератью во Тѣери... и вси князи рустин... Князь Дмитрій взя миръ съ княземъ Михаиломъ... и тако докончаша ²⁾.

Самое интересное извѣстіе заключается въ послѣдней замѣткѣ, касающейся Торжка, несомнѣнно, написанной человекомъ, близкимъ къ Преображенской церкви:

Въ лѣто 6885 (1377). После взятія наворотъскаго отъ князя Михаила тверскаго поновися вседневная служба у Спаса въ Торжку при благоверномъ великомъ князѣ Дмитріѣ Ивановичѣ и при архиепископѣ наворотодкомъ Алексѣи ³⁾. Поставиша церковь прже сего лѣта въ Торжку Спасъ, каменъ храмъ замышленіемъ и строеніемъ купцовъ наворотодкихъ, а святилъ ю владыка Алексѣй.

Эта замѣтка свидѣтельствуетъ прежде всего о составленіи лѣтописи при каменномъ храмѣ Спаса около 1377 г. Авторъ послѣдней не написалъ въ лѣтописяхъ года его построения, но помнить, что это было при кн. Дмитріѣ Донскомъ и при архіеп. Алексѣѣ. Въ дѣйствительности, каменная церковь Спаса въ Торжкѣ поставлена въ 1364 г.; слѣд., лѣтопись составлена позже этого года. Мы видѣли, что въ описаніи событія 1375 г. авторъ ея слѣдуетъ чужой лѣтописи, но прибавляетъ къ нему, вѣроятно, по памяти, замѣтки о событіяхъ въ Торжкѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняя годъ, стоявшій въ его оригиналѣ, на болѣе ранній (1373), въ теченіе котораго происходили эти событія. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что преданіе о сорока каникахъ было записано въ концѣ семидесятыхъ годовъ XIV в.

Замѣтимъ, что къ лѣтописи Преображенской церкви впоследствии было приписано еще два извѣстія. Лѣтописный рассказъ «О княгинѣ Ульянѣ княжь-Семеновѣ Мѣстиславцѣ Вяземскаго», помѣщаемый подъ 1406 г., относится къ смоленскому князю Юрію, княжившему въ это время въ Торжкѣ; немудрено, что такой рассказъ нашелъ себѣ мѣсто въ

¹⁾ Ibid., IV, 67; III, 89—90, 230; XVI, 95—8.

²⁾ Ibid. IV, 70—1; XVI, 99—101; XV, 434—5.

³⁾ 1358—1389 гг.

лѣтописи этого города; трудно сказать, кому онъ принадлежитъ, такъ какъ въ Отчетѣ Публичной библіотеки онъ не помѣщенъ. Другое извѣстіе, несомнѣнно, было приписано другимъ лицомъ, что видно изъ его безграмотности, а также изъ выраженія «лѣта», вмѣсто—«въ лѣто»; этой замѣтной ованчиваются всѣ лѣтописныя замѣтки:

Лѣта 6940 (1432), въ Петропа говѣйна монастырѹ святого Савы минуло 35 лѣтъ, а смерти великаго (князя?) Михаила 34 лѣта ва Пининовъ день ¹⁾.

Сдѣланный мною выводъ о записи преданія въ концѣ XIV столѣтія подтверждается присутствіемъ въ ней старыхъ словъ, не попадающихся въ памятникахъ позднѣе этого вѣка: притворане, вкладъ (=плата), гривна новая, гривна зѣлота, берковскъ, вотола (въ качествѣ одежды духовныхъ лицъ), бракъ (въ смыслѣ свадебнаго пирѣ ²⁾).

Записанное въ семидесятыхъ годахъ XIV в. преданіе касается двухъ событій: принесенія чаши каликами въ Торжокъ и поднесенія ея Ивану Калитѣ причтомъ Спасской церкви. Московскій князь былъ въ Торжкѣ въ 1383 г.; слѣд., между поднесеніемъ чаши и временемъ записи преданія прошло около 40 лѣтъ, такъ что оно могло сохранить почти въ полной неприкосновенности дѣйствительный фактъ. Но могла быть и другая основа второй части преданія. Оно записано въ городѣ, принадлежавшемъ изъ Новгородской области; Иванъ Даниловичъ называется въ немъ «благовѣрнымъ» княземъ; онъ оказываетъ особое вниманіе церковному причту, предоставляя ему право ходить къ нему самому, а также къ его намѣстникамъ, посадникамъ, по свадьбамъ и пить пиво и медъ, и ограждая неприкосновенность церковниковъ. Слѣдовательно, преданіе было записано при Спасской церкви изъ корыстныхъ видовъ ея причта и могло тенденціозно исказить дѣйствительный фактъ. Не рѣшая этой альтернативы, я замѣчу только, что имя Ивана Калиты было популярно въ Новгородской землѣ въ вызывало особенное сочувствіе сѣвернаго духовенства. Монахъ Антоніева Сѣйскаго монастыря (на С. Двинѣ) пишутъ въ 1339 г. похвалу московскому великому князю, который, по ихъ словамъ, способствовалъ распространенію церковныхъ квѣтъ, «ревнуя правовѣрному царю гречьскому Мануилу»; онъ имѣлъ «правый судъ паче мѣры... по правиломъ моноканунынымъ» ³⁾. Сопоставленіе Калиты съ Мануиломъ и представленіе московскаго князя поборникомъ церковнаго суда по византійскому Номоканону тѣсно сопрягается съ былинной о сорока каликахъ, которые выставляютъ на первый планъ свое право самосуда в, дѣйствительно, казнить одного члена своей дружины со всей жестокостью греческаго свода церковныхъ законовъ ⁴⁾. Вотъ эта парал-

¹⁾ „Отчетъ“, стр. 111.

²⁾ *Срезневскій*, Матеріалы для словаря др.-р. яз. SS. УУ.

³⁾ *Срезневскій*, Свидѣнія и замѣтки о малоросс. и неясн. пам. 1879, стр. 146—7.

⁴⁾ О самосудѣ каликъ упоминается въ *Бѣлморскихъ былинахъ*, 140, 445, 494, 524; въ *Русскихъ былинахъ*, *Тихонравова* и *Миллера*, II, 255; выраженіе „казавъ каликаа“ у *Гиллбердина* (Онежскія быliny, № 173) намекаетъ также на самосудъ.

лель позволяет предполагать, что записавшій преданіе о каликахъ и ихъ чашѣ недаромъ сопоставлялъ два факта, раздѣленные промежуткомъ времени болѣе, нежели въ сто лѣтъ. Если бы между ними не было внутренней связи, онъ, вѣроятно, не изложилъ бы такъ подробно первую часть преданія, рассказывающую исключительно о новгородскихъ каликахъ.

А. Марновъ.

Замѣтка о двухъ лирникахъ Черниговской губ.

Обыкновенно, при упоминаніи лирника, намъ рисуется старикъ, неспособный къ работѣ и добывающій себѣ пропитаніе сборомъ подаяній за его игру и пѣніе, преимущественно духовныхъ стиховъ. Число такихъ старцевъ, по общему убѣжденію, съ каждымъ годомъ уменьшается, также какъ и число бандуристовъ: старые вымираютъ, молодые не являются къ намъ на сцену. Но эти мнѣнія, какъ оказывается, предвзяты и несправедливы. Мнѣ пришлось наткнуться въ г. Глуховѣ на двухъ лирниковъ, доказывающихъ какъ разъ обратное. Вотъ какъ было дѣло.

І. Алексѣй Терентьевичъ Маслюковъ.

Съ улицы послышалось—все ближе и ближе—какое-то заунывное пѣніе; вскорѣ стали доноситься и звуки лиры. Подъ ея аккомпанементъ два голоса тянули—довольно, впрочемъ, складно—псалму:

«Сула-аръ батюшка, князь мыслословый,
Не нада мнѣ зла-ата, не нада и серебра,
Построй мнѣ въ своемъ дворѣ да келію...»

По улицѣ, ощущая пальцами дорогу, шли двое слѣпцовъ-нищихъ и пѣли стихъ про Алексѣя, Божьего человѣка; одинъ изъ нихъ, помоложе, игралъ на лирѣ. За ними усталой походкой тянулись съ высокой палкой въ рукѣ мальчикъ-поводарь. На мою просьбу зайти ко мнѣ старшій нишій отвѣтилъ отказомъ: онъ несъ уже своимъ дѣтямъ собранное подаяніе. Зашелъ младшій съ мальчикомъ.

Алексѣй Терентьевъ Маслюковъ, мѣщанинъ м. Серединой Буды Новг.-Сѣверскаго у. Черниг. г., родился въ 1879 г. Въ дѣтствѣ онъ былъ зрячимъ и до 16-лѣтняго возраста помогалъ своему отцу-кузнецу.

Отецъ и старшій братъ Алексѣя были грамотными; отъ нихъ незамѣтно перенялъ грамоту и послѣдній и въ быстротѣ чтенія перегналъ даже своего брата, окончившаго школу; тогда же научился онъ и писать; пишетъ Маслюковъ еще кое-какъ карандашомъ и теперь. Золотушный отъ природы, Алексѣй къ 16-годамъ сталъ терять зрѣніе; родители его обратились за помощью къ ворожкамъ, и результатъ ихъ лѣченія не замедлилъ дать себя чувствовать: мальчикъ вскорѣ совершенно ослѣпъ и те-

перь еще только отличаетъ свѣтъ отъ темноты. Ослѣпъ онъ какъ-то сразу: «Узявъ кружку воды напыцца; напывсь; потомъ дывлюсь—нема кружки, паче у воду упала... и такъ пошло, пошло... Приижджавъ, годовъ изъ пять тому буде, якійсь докторъ изъ Петербурга, дывывсь меве, да каже, шо уже ничего не вѣишь». И теперь еще не можеть Маслюковъ прииригься съ тяжелой мыслью о потерѣ зрѣнія: «Давъ бы токмо Богъ зреніе, скинувъ бы заразъ рубашку, штаны, усе оддавъ бы, пошовъ бы хотъ на яку роботу. А то теперь, яке мое жытьте! Народъ зробывсь якійсь-то угрюмый: зайдешъ куды,—не ходите, камуть, не шалайтеся! Кидбєця прямо быцца; подмѣтка твого не стѣиить, а смѣица съ тебе, каменюкою кидаетъ, ругаетъ всякими словами. Зайду въ одно село; дня 3—4 похожу, тоди дальше и дальше. Залышнѣго ничево не остаѣица: рубашку заразъ треба помытъ,—давайъ грѣшны; да и не токмо, шо на то—ва вѣ нужны деньги».

Узнавъ, что существуютъ училища, въ которыхъ слѣпыхъ учать ручному труду, Маслюковъ воскликнулъ: «Отъ якъбы попасть у школу таку! Зъ радостю-бъ кинувъ усе и пошовъ бы на роботу».

Первое время послѣ потери мальчикомъ зрѣнія у Алексѣева отца хватало еще средствъ содержать слѣпного сына, но потомъ дѣла пошатнулись, и Алексѣй вынужденъ былъ поступить въ науку въ Глуховъ къ слѣпцу Николаю Иван. Слядюку. Слядюкъ за годъ выучилъ Маслюкова пѣть псалмы и играть на лирѣ. Въ уплату за науку шелъ весь тотъ доходъ, который собиралъ Маслюковъ въ теченіе этого года.—«Лѣбра зовєдъ скинлѣбра, а се вже по-нашему, попростоу, лѣбра. Взата вона одъ 36 струнъ,—була музыка такая у царя Давыда,—а потомъ сошла на 3 струвы, извѣсно, якъ камуть: Господь слѣпцы умудряеть... Доходу лѣбра не доставляе всякого, а такъ, охотнѣй поѣтъся, да якъ малычка вемае, то веселій ходышь зъ вею. Даютъ всѣ-едино, хотъ съ лѣброй, хотъ безъ нейи. Отъ теперь прошлы мы зъ Максимомъ Дубыною чєтыры улыци; заработалы по 12 копѣекъ ва кажвого. Якъ зарабаташъ на денъ, то не ходышь, оддыхашъ, а не хватытъ—взновъ идешъ». Подобную безпечность можно объяснить тѣмъ, что Маслюковъ холостъ и не имѣеть близкихъ родныхъ.

Мальчика-поводаря (лѣтъ 14, везаконор., Артемъ Дихтеровъ, изъ с. Черторыя Глух. у.) нанялъ онъ себѣ отъ Петровскаго заговѣнья до Пасхи за 5 р. на готовой одеждѣ. Артемъ перенялъ много пѣсенъ у Маслюкова, но играть на лирѣ не умѣеть: Маслюковъ еще не имѣеть права учить. Хорошимъ учителемъ считается «дядинька Хвылыпъ» (фамилія его не поминить) въ с. Обложкахъ Глух. у.; онъ учить по 1—2 года съ платой по 10 р въ годъ; ходитъ онъ ва килрось пѣть и знаетъ наизусть псалтырь.

Но и Филиппъ, какъ и Маслюковъ, ве знаетъ никакихъ думъ. На вопросъ, нѣтъ-ли какого-либо извѣстнаго Маслюкову кобзаря или лирника, который бы зналъ думы, Алексѣй вазвалъ «Мыкыхибра Егоровыча Дудкына» (родомъ изъ с. Марчихиной Буды Глуховск. у.), знающаго думу про Алексѣя Поповича; этотъ же Дудкинъ знаетъ пѣсни про Сковороды-

на, Четотку, Дворнику, про Удову и 3 сыновъ (въ данное время Дудкинъ гдѣ-то въ Херсонщинѣ),—Маслюкову же эти пѣсни неизвѣстны. Я прочелъ ему думы, записанныя отъ Вересая; слушатель остался къ нимъ вполне равнодушнымъ; даже дума про бѣгство изъ Азова трехъ братьевъ не произвела на него, повидимому, особеннаго впечатлѣнія. Но зато онъ искренно обрадовался, узнавъ, что у меня есть записи Дворники, Четотки, Теши, Соцького..., и благодарностямъ его не было конца, когда я подарилъ ему нѣсколько брошюръ съ этими пѣснями: «Я уже найду такого специалиста, шо вунъ буде чытать, а я заразъ перейму,—у мене памѣть гарна дуже».

Репертуаръ пѣсней у Маслюкова слѣдующій:

I. *Пѣсни душевнаго содержания*.—а) псалмы: 1) про Алексѣя, Божого человѣка, 2) Лазаря, 3) Пятницу, 4) Сонъ Пресв. Богородицы, 5) Горе мыши, грѣшнику сущу, 6) Ужасныя, человѣче, 7) Когда бъ я зналъ, когда бъ я вѣдалъ свой препослѣдній день, 8) А мы гласъ поемъ и возвищаемъ, на безсмертный часъ помышляемъ, 9) А ще сонце не заходить, 10) Возстань ты, душе, 11) А это въ миру являеть, 12) Свят. Ныколая, 13) другого Ныколая («Возславного чудеса пастеру преславный»), 14) гору Ахонъ, 15) Почаевську Божу Мату («Паслы пастыры...»); б) престолыки: 1) Покрову («Склонитесь вѣки»), 2) Успенію («О пречудная помощнице, пречыстая Мату»), 3) на Преображеніе («Исусе мой прелюбезный...»).

II. *Наружни тисни* (т. е. свѣтскаго характера): 1) По горѣду кожу, руту вѣяту я сажу, 2) Говорылы вражи люде, што я замужъ не пойду, 3) Что по Волги рѣки лѣгка лодка плывѣть, 4) Громъ гремитъ, слава трубомъ, по горахъ Кавказскимъ раздаѣца слава бъ насъ, 5) Дують вѣтры, дують буйны, 6) Бычка (сквернословная), 7) Камарынского и др.

Пѣснями духовнымъ Маслюковъ научился у «дядиньки» Сидюка. Свѣтскія—нѣкоторыя помнитъ съ дѣтства, другія заиѣчаетъ и теперь. Комаринскую, напр., научился пѣть у солдата; играть ее можетъ и «подскрыбочнымъ строемъ, дудочкой», и подъ гармонію.

№ 1. Про Алексѣя, Божого человѣка.

Какъ у славному гради а въ Оврымію
 Какъ было пры царю пры Онохрыю,
 Пры великому князю Евхиміону
 Какъ жилъ себѣ—былъ Евхиміонъ князь
 Изъ своею обручѣною княгиней,
 Да не жиѣли у себе отъ роду дѣтища,
 Ни йидинога любезного чада.
 Што й речеть Евхиміонъ князь своей княгынѣ:
 «Княгыня моя обручѣная,
 Княгыня моя возлюблѣная,
 Давай мы съ тобою Богу молыца,
 Давай мы съ тобою Богу трудца,

Чы не создасть намъ Господь дѣтища
И всё единого любезного чада,
Пре младости лѣтъ на утѣшеніе,
Пры старости лѣтъ на збереженіе,
По смерть живота на вспомяваніе.
Оны въ Божьей церкви ухажды,
Частыйи молебни нанималы:
«Свѣтъ—пресвятая мать Богородица,
Што и свѣтъ-пресвятая Владычица,
Увоздры ты на наше богомоленіе
И на Господнее всё боготружденіе!»
Погрядивъ Евхиѣонъ зъ Божьей церкви,
Забеременила княгыня одъ Духа Святого
И отъ мать-пресвятой Богородицы;
Спорадыла себѣ отъ чрева младенца.
Евхиѣонъ князь израдовался,
По Вримъ по граду проходился,
Собиралъ онъ поповъ и патріарховъ,
Царей, князей и бояровъ
И всѣхъ православныхъ хрыстіанъ:
«Што вы жъ бо, попы и патріархи,
Што вы, цари, князь и бояры,
И всѣ православныи хрыстіане!
Наречите мойму младенцу имя святое».
Нареклы ему имя Алексѣя,
Свѣтъ-предбожого чловѣка.
Становылся Алексѣй на зрощенье;
Одаѣтъ ёго батюшка на изученіе
Святой Божой грамотѣ учыться.
Семи лѣтъ Алексѣй грамотѣ учывся,
Восьмы лѣтъ Алексѣй грамотѣ узався.
Выходило Алексѣю на десять сѣмъ лѣтъ;
Похотѣвъ ёго батюшка оженыты,
Восемнанцати лѣтъ одружыты,
Молодую княгыню за него взять.
Повелы Алексѣя въ Божю церковь,
Становылы Алексѣя среды церкви,
Становылы Алексѣя, обручалы,
Золотыи, царьскыи венцы воздержалы,
Перепойную чашу перепывалы.
Повелы Алексѣя зъ Божой церкви
Икъ тому граду къ Ауримію,
Къ тому князю Евхиѣону.
Евхиѣонъ князь израдовался,
Постречавъ свое чадо съ хлѣбомъ-солою;
Прымалъ онъ свойи белыи руки

Подъ Лексѣвы могучиѣи плечи.
 Уводылы Алексѣя въ каменїи палаты,
 Посадылы Алексѣя за столами,
 Борылы Алексѣя хлѣбомъ-солею.
 Алексѣй хлѣба-соли не вкушаетъ,—
 Всѣ на нищыхъ и убогихъ роздариетъ,
 Дарылы Алексѣя серебромъ и златомъ;
 Алексѣй серебро-злато прынимаетъ
 И всё на Божїи церкви розсылатъ.
 Што у первому часу было нocy
 Повелы Алексѣя до покою,
 Кладовылы Алексѣя на тѣсную ложу.
 Во второмъ часу было нocy
 Устававъ Алексѣй со постели,
 И молився Алексѣй Богу со трудами
 И зъ горячими со слезами:
 «Не дай мни, Господь, на согрѣшенїе,
 Создай мни, Господь, души спасенїе».
 И речеть Алексѣй своей кнѣгыннѣ:
 «Кнѣгынѣ моя обручонная,
 Кнѣгынѣ моя влюблѣнная!
 Давай мы съ тобою Богу молюща,
 Давай мы съ тобою Богу трудяща
 И за оца, и за мать, и за всю кривную родыву».
 Кнѣгынѣ на это сомовчала,
 Отвѣту-прывѣту не сказала.
 Алексѣй на это усердывся,
 Изброшаль изъ себе шовковый поясъ,
 Съ правой руки золотой перстень;
 Надивавъ Алексѣй черную расу,
 Пегрядивъ Алексѣй въ сущую землю
 Къ тому граду къ Іерусалиму,
 Къ той Божой церкви Матерь-Богородицы,
 Доходывъ Алексѣй до сыниго моря;
 Становывся Алексѣй на корабль.
 Тихая погода вознялася;
 Привазывъ Алексѣя самъ Святой Духъ,
 Мать Пресвятая Богородица.
 Устававъ Алексѣй со корабля,
 И входывъ Алексѣй въ Божую церковь;
 Становывсь Алексѣй на колѣнахъ
 По правой руки всё за дверми;
 Молився Алексѣй Богу со трудами
 И зъ горячими со слезами.
 И не много онъ молився—
 Всего тридцать лѣтъ,

Тридцать лѣтъ и чотыры.
И воздѣла Алексѣя Мать Богородица
И речеть ко святому Володычыца;
— За младости Алексѣй Богу молився,
За младости Алексѣй Богу трудився,
Приподобенъ Алексѣй въ церкви быты,
Приподобенъ Алексѣй обѣди службыты,
Каждое пѣяныци сповѣдаца,
Каждой день суботной приобщаца
И вкушать хлѣба-соли поуремменно,
Каждый девъ воскресной по просвыри.—
И речеть ко святому Володычыца:
— Грады ты, Алексѣй, зъ Божой церкви,
Грады ты, Алексѣй, въ свой Времій градъ:
Теперь тебѣ отецъ-матушка не возняють,
Ны княгыня твоя обручоная.—
Поградывъ Алексѣй зъ Божой церкви,
Поградывъ Алексѣй въ свой Авремій градъ.
Доходилъ Алексѣй до сынаго моря,
Становился Алексѣй на корабель.
Тыхая погода вознялся;
Пырыбозылъ Алексѣя самъ Святой Духъ
И Мать Пресвятая Богородица.
Уставалъ Алексѣй со корабля
И входилъ Алексѣй въ свой Авремій градъ.
Тотчасъ ѿго батюшка солучився;
А сынъ въкъ отцу уклывився:
«Сударь батюшка, князь мылослывый!
Создай миѣ, странному, милостыню,
Не ради меня, ради своего сына,
Ради своего сына Алексѣя,
Свѣтъ—предбожого человѣка».
Ивхмиміонъ тотъ князь сопынився;
За слезамы онъ свѣта не бачить,
За рыданіемъ онъ слова не промовить,
И стыха слово промовляеть;
— Страннику, страннику Божий!
Почему жъ ты Алексѣя знаешъ,
Што миѣ радосное слово возвищашъ
Про моего сына Алексѣя,
Свѣтъ-предбожого человѣка?—
«Сударь батюшка, Евхмиміонъ князь!
Какъ же миѣ его, свѣта, не знаты?
Што мы въ одной странѣ пражывалы,
Въ йидинои мы школы обучалысь,
Едину грамоту съ нымъ читалы,

Едину хлѣбъ-соль мы съ нымъ вкушали,
 На единой ложѣ мы съ нымъ спочывали,
 Едину одежду мы съ нымъ носыли,
 Потому я его, свѣта, ѣ знаю,
 Вамъ радостное слово предвозвѣщаю
 Про вашего сына Алексѣя,
 Свѣтъ предбожого человека».

Евхиміонъ князь сопынылся,
 И горячими слезами облився,
 И тихо слово промовляетъ:
 — Самъ я не знаю и не вѣдаю,
 Какую тебѣ, страннику, милостыню дать:
 Или тебѣ накормить хлѣбомъ-солью,
 Или тебѣ надарить серебромъ-златомъ?—
 «Сударь батюшка, князь мыслословный!
 Не нада мнѣ злата, не нада мѣ серебра;
 Построй мнѣ въ свѣтѣ дворъ келію,
 И поставь Божью келію ве такую,
 А поставь Божью келію каменную,
 Поближе своихъ бѣлыхъ каменныхъ палатъ,
 И по правой рукѣ на переходѣ,
 Игдѣ твоимъ рабыни не захождають,
 Перемойной посуды не возмываютъ,
 Возмойной воды не возливаютъ».

Евхиміонъ тотъ князь не дослышавъ,
 Построивъ ему келію не такую,
 Построивъ ему келію дровяную,
 Подале своихъ бѣлыхъ камѣнныхъ палатъ
 И по лѣвой рукѣ, въ переходѣ,
 Игдѣ его рабы всегда захождають,
 И перемойной посуду всегда возмываютъ,
 И возмойную воду возливаютъ.
 Алексѣй на это не угнѣвылся;
 Да изъ радосту Алексѣй Богу молился,
 Да изъ радосту Алексѣй Богу трудился,
 И не много молился—всего тридцать лѣтъ,
 Тридцать лѣтъ и чотыры.
 И освятилася келія Божиимъ Духомъ.
 И возарила Алексѣя смерть-скончаніе.
 Написавше рукопысьмо, переславився.
 Святимъ Божиимъ Духомъ звоны звонили,
 Святимъ Божиимъ Духомъ книги зачиталися,
 Святимъ Божиимъ Духомъ свѣчи зажигалися,
 Святимъ Божиимъ Духомъ ладаны запахли
 По всему по граду по Авримию
 И по всему по царствію по небесному.

Устававъ антрополецъ ¹⁾ икъ заутрени,
 И речеть антрополицъ понамъ и патриархамъ,
 И речеть царимъ, князямъ и боярамъ;
 И всѣмъ православнымъ хрестіанамъ:
 — Штось у нашому гради самъ Святой Духъ:
 Што Святимъ Духомъ звоны зазвонилися,
 Святимъ Божиимъ Духомъ книги зачиталися,
 Святимъ Божиимъ Духомъ свѣчы зажигалися,
 Святимъ Божиимъ Духомъ ладавы запали. —
 Убоимъ антрополецъ у Божую нелію,
 И лежать святѣи моцѣ переславлени,
 А въ рукахъ держать рукописаніе.
 Антрополецъ икъ моцамъ преклонився,
 И горячими слезами выиъ облылся,
 И стыха слово промовляеть:
 — Моцѣ, вы моцѣ, моцѣ святѣи!
 Издавайте вы свое рукописаніе
 И являйте евоѣ вы похождение. —
 Не далось рукописью антрополицу,
 Дамось нысьмо князю Евхиміону.
 Евхиміонъ князь нысьмо прочытае,
 И дочытався своего сына Алексѣя,
 Свѣтъ-предбожого челоуѣка,
 И грядеть ко святому, сыльно плачеть,
 Гробницю слезами облываеть
 И стыха слово промовляеть:
 — Сыну мой, сыну, сыну Алексѣю!
 Почему ты долго жылъ, не сознался?
 То бѣ ты у насъ такъ не страдалъ бы:
 Построилъ бы я тебѣ келію ве такую,
 Построилъ бы я тебѣ вамену: —
 Какъ дослышалась ѿго родная матушка,
 Грядеть ко святому сыну, сыльно плачеть,
 Гробницю слезами облываеть
 И стыха слово промовляеть:
 «Сыну мой, сыну прылюбезный!
 Серцю моему сладость есть болѣзни:
 Почему ты долго жылъ и не сознался?
 То ты бѣ у насъ такъ не страдалъ бы:
 Носылъ бы въ насъ рызу шовкову». —
 Какъ дослышалась его обручная княгыня;
 Грядеть ко святому, сылно плачеть,
 Гробницю слезами облываеть

¹⁾ антрополецъ—антрополицъ (антрополить) значить, отъ якъ у Черниго-
 ви.—Поясненіе пѣвца.

И стыха слово промовляеть:
 «Ой другъ ты мой, другъ возлюбленный!
 Почему ты долго жылъ и не сознался?
 То ты бѣ у насъ такъ не страдалъ бы:
 Ходила бѣ и до тебе всегда тайно,
 Молилися бѣ мы Богу съ тобой вмѣстѣ,
 Простыя бы Господь насъ заедино».
 Съ етимъ понесли Алексѣя хоронить,
 Хоронили святыи мощи а во Времійхъ;
 Спочывають святыи мощи въ Ерусалими гради.
 Немного несли—всего три дня,
 Три дня и три ночи.
 За мыромъ Алексѣя не воззрѣты,
 За мыромъ Алексѣя не проглянуты.
 Евхиміонъ князь назадъ воротился
 Въ свойѣ бѣлыи палаты,
 Набыралъ сребра-злата по карманахъ
 И разбросалъ сребро-злато на сырую землю,
 Чи не обозрыть шыръ на вѣзну,
 А шыръ на вѣзну не обозрылся,
 А въ святымъ мощамъ приложился,
 А изъ святыхъ мощей было прощѣнно:
 Слышимъ Господь даровавъ воззрѣніе,
 Безрукимъ, безногимъ на исцѣленіе,
 А всему мыру на спасеніе
 За Алексѣево богомоленіе,
 За Алексѣево боготружденіе.
 Аминю, аминю, аминю!
 Со святыи упокой. Мы славимъ Тебе,
 Христе Боже нашъ.

№ 2. А ще сонце не заходять.

А ще сонце—сонце не заходять,
 Я спать не ложуса;
 До сповѣди готуюся—
 Богу не молюся.
 Спамятай же, грѣшный человѣче,
 На прежній дары,
 Або какъ возьмутъ твое грѣшное тѣло,
 Положатъ на шары,
 И понесутъ твоѣ грѣшное тѣло
 До глыбокой ямы,
 И упустятъ твое грѣшное тѣло
 Во глыбовую яму,

И насыпають песку на очи,
 То ѿ не глянeshь нево́лы.
 Охъ, не дай, Боже, мнѣ сейчасъ умерты,
 Охъ, мой вѣривой Боже!
 Останёца много сребра ѿ злата,
 Дорогымъ шаты.
 Роздавъ бы я на Божьи на церивы,
 Помершы, не встану;
 Забралъ бы я съ собою на той свѣтъ,
 Тамъ сего не нада.
 Какъ исидеть Михайлъ Архангелъ
 На сіяньскую гору,
 И въ смышласную трубу онъ вострубытъ:
 «Уставайте, праведнии и грѣшнии души,
 Васъ Господь судить буде».
 Преведнымъ душамъ рай прославляеца,
 А грѣшнымъ душамъ адъ растворяеца.

№ 3. Говорылы вражы люды...

Говорылы вражы люды, что я замужъ не пойду.
 Посѣила васылѣчки во зеленому саду.
 Рости, мойи васылечки, да ѿ повыше бурьяну;
 Когда выростете больши, тогда я васъ прополю;
 Пополовше васылѣчки, слѣзюныкы оболю.—
 Выходыла красна дѣвка за новымъ ворота,
 Замлада бѣлы руки въ свойму милому въ варманъ
 А съ жаркана вынимала бѣлой розовый платокъ
 И втырала кары очи ше ѿ румяное лицо,
 А втеравше говорыла:—Теперь вже я не твоя,
 Шукай соби чернавоѣи, штобъ васъ парочка была.—

№ 4. Ишовъ улыцей Варваркою ¹⁾.

Ишовъ улыцей Варваркою
 По признанію съ кухаркою.
 По недѣлямъ, понедѣльникамъ,
 По хорошимъ всё издѣльникамъ.
 Заходылы въ заведеніе.
 Завазавъ чайку двѣ парочки
 Зли себѣ и зли вухарочки,
 Повигѣлъ узять бутылочку
 Угостити свою милочку;

Давъ двадцать рублей бумажками,
 Полтора рубля монетами:
 Подай порцію съ катлетами!
 Фиврали двадцать дивятаво—
 Это было на Касьянова—
 Провожала мужа пьянова;
 Вона въ тотъ день была сказница:
 Гдѣ мой милый безобразница?
 Пресвятая Бог-родице,
 Гдѣ жъ мой милый скороходица?
 А въ прекрасномъ вабакъ-кабакъ,
 И побивъ своимъ смазнымъ сапоги,
 На гармошечку тыли-тыли-тыли!

II. Ягоръ Ёсыповычъ Охременко.

Это—парень 19 лѣтъ, родомъ изъ с. Литвиновичи Глуховск. у., холостъ, одинокъ, слѣпой отъ рожденія; опредѣленнаго мѣстожителства теперь не имѣетъ, а ходитъ по Глухову и разнымъ селамъ Глуховскаго у. Въ дѣтствѣ слѣпому мальчику не приучали ни къ какой работѣ, а лѣтъ 10 онъ, по желанію отца, поступилъ въ науку къ слѣпцу Хведоту Зазирскому, жившему въ томъ же селѣ и умершему уже лѣтъ шесть тому назадъ. Проживъ у Зазирскаго года два, Охременко научился пѣть нѣсколько псалмъ и сталъ самостоятельно ходить собирать милостыню. Годъ тому назадъ онъ купилъ себѣ «лѣбу» въ с. Березѣ Глуховск. у. у мастера Федора Григорьевича Ходорыча, который продаетъ ихъ рубля по два за штуку. (Гораздо лучшія лампы выдѣлываются въ Глуховѣ на Усовкѣ по 5 р.). Доходу ламра Охременку не прибавила; пѣвцу самому веселѣе съ нею ходить. Слушатели, по словамъ Охременка, мало интересуются содержаніемъ пѣсней: что ни пой, ни въ все равно; дасть тебѣ копейку, и отправляйся дальше. Зарабатываетъ Егоръ рублей по 10 въ мѣсяцъ. Своему поводарю—сиротѣ изъ того же села Литвиновичи, Павлу Базырову, Охременко платитъ по 6 р. въ годъ.

Репертуаръ пѣсенъ у Охременка не великъ: псалмы про Лазаря, Алексѣя Б. человека, Миколая («Охъ хто-хто Миколай любить»), Пятницу, Сонъ пресв. Богородицы, Горе мынѣ грѣшнику, Когда бъ я зналъ; нѣсколько «наружныхъ» пѣсенъ, которыя распѣваютъ на улицѣ да на огородахъ дѣвчата,—и все. Зазирскій зналъ больше псалмъ; умѣлъ онъ пѣть и сатирическія пѣсни (Чечотку, Тещу, Хому и Ярему); Охременко ихъ не знаетъ.

№ 1. Горе мынѣ, грѣшнику...

Горѣ мынѣ грѣшнику суши,
 Горе мынѣ блѣгійи-дѣлныи мощи!
 Какъ я предъ судъ Божий явлюся,

Такъ я со святыми уселюся.
 Отступыхомъ отъ Бога злобою,
 Грѣхъ возлюбивъ самыхъ собою.
 Темноть плачѣть и въ свѣтѣ каханой,
 А въ свѣтѣ благодати не маю;
 Совлѣкуся съ первои одежды,
 Облѣшуся въ Божей надежды,
 Памалюся безсмертному Владыки;
 Недостоенъ быты человекъ;
 Адайдю я далече на страну.
 Какъ мынѣ бѣдному сатварыты,
 Какъ прыдетъ Господь усѣхъ судыты?
 Горе мынѣ грѣшному суще,
 Горѣ мынѣ блбгійи-дѣльныйи мощи!

№ 2. Сонъ Богородицы.

Да и сонъ Богородицы явися.
 И свѣтъ-Матерь Марья пресвятая,
 Што изъ вечера Матушка мало спала,
 Да нештожко воснула, сонъ выдѣла
 Да про свое Чадіе пресвятотое:
 Какъ бы я симбе Чадіе спорадыла,
 Да и спорадышы, спеленыла,
 Да шелковымъ поясомъ спывывала.
 Залатою рывою лыкъ покрывала,
 Какъ у славному гради нѣвъ Ирусалыми
 На святой рики было на Иордани,
 На Сіанской гори было на вертепійи
 Выросло тоиъ древо прывосвятотое;
 Што на томъ древи прывсвятотъ да на кинпарысовоимъ
 Пречудовный Хрыстось образъ явывся;
 Онъ явывшыся, сонъ прамовывся:
 «Што я и сонъ втѣтъ, Матушка, знаю,
 Сонъ вонстину, Дѣва, рассуждаю;
 Што какъ быть мнѣ, Матушка, на крестѣ роспиаому,
 Што быть мнѣ збѣенному, муки скривавленному,
 Да во груди кашѣмъ прагруженному
 И руде-нове гвоздемъ прыбѣенному,
 Тростю по глави разбѣенному,
 Да терновый винець на главу наложыль еси».

Какъ расплачеца Матерь пресвятая,
 Какъ расплачеца Матерь Марія:
 — Ой Сыну мой, Сыну, Царь и небной мой!
 На каго мнѣ, Матерь пресвятую, спокладаешъ?

На каго Дѣву привосвятую спокладаешъ?—
 Што пророкъ (=прорѣкъ) Іисусъ Хрыстосъ Матерь Марію:
 «Не плачь, не рыдай, Матерь Марія!
 Не йдину тебе, Матушка, спокладаю,
 Не йдину Дѣву привосвятую оставляю:
 Спакидаю тебе, Матушка, оставляю,
 Спакидаю тебе, Матушка, ва святого Іоанна Богослова,
 На хторого сына, на друзи Хрыстова;
 Павудова тѣло соймуть,
 Кровь ёго святую разольють,
 Тагда я, Матушка, изнаграждуся
 И у новому гроби сплажуся,
 Самъ у плащаныцю запышуся,
 Самъ на небеса вознесуся
 Съ сими грозными херовымамы,
 Съ сими страшными серахвымамы,
 Со своими дванацати апостольми;
 По твою, Матушка, душу автели сошлють,
 А по мощи твои сами со небесъ сойдуть;
 Икъ святымъ твоимъ мощамъ прыклонюся,
 Преклонывшися къ святымъ мощамъ, Матушка, самъ працюся:
 Прасты, Матушка Марія,
 Прасты, Дѣва пресвятая!
 Напышу я твой лыкъ, Боже, ва икони,
 Поставлю твой образъ на престоли,
 Во святой Бежіей церкви Матери въ собори
 Передъ Царскими вратами,
 Передъ чудовными образами:
 Што туда будутъ, Матушка, люде прыхаждаты
 И службы и молебны будутъ наныматы,
 Земляныи поклоны будутъ уклоняты,
 Васкавыи свѣчи будутъ зажыгаты,
 И тебе будутъ, Матушка, велычаты,
 И во векъ Суса Крыста будутъ прославляты».
 И хто жъ этотъ сонъ, Боже, выслушае,
 Господь ему гриховъ уменьшае.
 Хто жъ этотъ сонъ, Боже, перепойме,
 Избавленъ будетъ царства небесного,
 Наслѣдованъ будетъ царства небесного,
 Удобенъ вонъ быты у раю пресвѣтлому.
 Вѣрнымъ Богъ даруе ва спасеніе,
 Безвѣрнымъ Богъ даруе вѣчную муку,
 А мы сѣихи поемъ: аминя!
 Мы жъ славыи тебе, Хрысте Боже нашъ!

А. Малинка.

Замѣтна о пѣснѣ „Ванька-Ключникъ“.

Эта старинная русская пѣсня въ настоящее время распѣвается фабричными и мастеровыми промышленнаго центрального района ¹⁾ совѣмъ въ томъ видѣ, въ какой она извѣстна по записямъ Бярѣвскаго, Рыбникова, Шейна и др. Текстъ современной русской пѣсни «Ванька-Ключникъ» близко подходитъ къ балладѣ того же названія, написанной В. Брестовскимъ, авторомъ «Петербургскихъ Трущобъ», въ первоначальномъ видѣ въ 1861 г. ²⁾. Затѣмъ уже онъ, при выпускѣ своихъ «Стихотвореній» ³⁾ отдѣльно, много прибавилъ, и нѣкоторые мѣста измѣнилъ.

Привожу сначала текстъ такъ, какъ онъ былъ напечатанъ впервые въ журналѣ «Время».

1. Словно ягодка лѣсная,
И укрыта и спѣла,
Свѣтъ-княгиня молодая
Въ княземъ теремѣ жила.	8. «Гой, холопыя, вы подите,
Быть на дыбѣ вамъ въ огнѣ!
Вы подите, приведите
Ваньку-Ключника ко мнѣ!»
2. У княгини * * *
мужъ ревнивый,
Хоть и сѣдъ, а нравомъ врутъ,
Царской милостью спѣсивый,
Вѣдалъ Думу лишь да судъ.	9. Охъ, ведутъ * * *
ему Ванюшу,
Вѣтеръ кудри Ванѣ бьетъ;
А княгиня-то всю душу
За Ванюшу отдастъ!..
3. А у князя * * *
Ваня-Ключникъ
Кудриватый, удалой,
Ваня-Ключникъ—злой разлуч-
никъ
Мужа стараго съ женой.	17. «Ты скажи * * *
ли мнѣ, Ванюшка,
Какъ съ княгиней жилъ досель?»
— «Охъ, то вѣдаетъ подушка
Да пуховая постель!»
4. Хоть не даривалъ * * *
княгинѣ
Ни монистъ, ни кумачу,
А вѣдь льнула же къ дѣтишѣ,
Что сорочка ко плечу!	18. Ай и хмѣль-то * * *
былъ угаренъ,—
Такъ позволь же мнѣ скорѣй,
Спѣть въ послѣдній разъ, боя-
ринъ,
Пѣсню милости твоей:
5. Целовала, * * *
миловала,
Подносила къ чарѣ хмѣль,
И тайкомъ съ собою клала
Что на княжью постель.	19. «Много тамъ * * *
было попито
«Да поругано тебя,
«А и въ-краснѣ-то пожито,
«И цѣловано, любя!»
6. Да извѣстнымъ * * *
наговоромъ,
Князь дознался всю вину,—
Какъ дознался, такъ съ покоромъ
И замкнулъ на ключъ жену.	20. «На кровати, въ волю * * *
княжьей,
«Тамъ полежано у насъ
«И за грудь-ли, грудь лебяжьей
«Было хватано не разъ!» —

¹⁾ Я слышалъ въ Московской и Ярославской губ.

²⁾ Журналъ „Время“ 1861 г.

³⁾ Стихотворенія В. Брестовскаго. Изд. Сиб. 1862 г. А. Озерова и К^о. Т. I

21. — «Ай да пѣсня!.. видно хвата! 22. Вѣтеръ Ванюшку качаетъ,
Исполать, за то люблю! — Что былинку на мѣшѣ,—
Вы повѣсьте-ка, ребята, А княгиня умираетъ
На шелковую петлю!» Во свѣтлицѣ, на ножѣ...

Въ собраніи же стихотвореній Брестовскаго (изд. 1862 г.) сдѣланы слѣдующія дополненія:

7. И дознался изъ передней, 13. Но молчкомъ—молчитъ Ивашка,
Отъ ревнивыхъ отъ очей, И опять его ведутъ:
Что отъ самой отъ послѣдней Въ дыркахъ мокрая рубашка,
Сыночъ дѣвушки своей. Будри ключьями встаютъ;
* * * * *
10. «Отвѣчай-ка, сыночъ ты вражій, 14. —Кандаль на рѣзвыхъ ножкахъ,
Разскажи-ка, варваръ мой, А идетъ онъ, словно въ рай,
Какъ гулялъ ты въ спальнѣ княжеской Только хлюпаетъ въ сапожкахъ
Съ нашей княжеской женой? Кровь ручьями черезъ край...
* * * * *
11. — «Ничего, сударь, не знаю, 15. Видитъ—два столба кленовыхъ,
Я не въдаю про то!».. Перекладника на нихъ:
«Ну, не знаешь, допытаю! — Знать, ужъ мукъ не будетъ но-
А застѣнокъ-то на что?..» — выхъ,
Знать, готовятъ про другихъ,—
* * * * *
12. И рабѣтуютъ въ застѣнкѣ — 16. «Отведу же я, молъ, душу,
Только кости, знай, хрустятъ! Распотѣшугъ предъ концомъ —
Перешиблены колѣнны, Ужъ пускай же, князь. Ванюшу
Локти сверчены назадъ. Хоть вспомянешъ ты добромъ!»..

Выпущена совершенно 18-ая строфа, а измѣнены:

Въ строфѣ 9-ой послѣднія двѣ строчки, напечатанныя такъ:

Вѣсть шелкову рубашку,

Къ бѣлу-тѣлу такъ и льнетъ.

Въ строфѣ 5-ой сказано вмѣсто словъ:

«Подносила къ чаркѣ хмѣль» —

— Обвивала словно хмѣль.

Остальные измѣненія незначительны и касаются только отдѣльных словъ; такъ, напримѣръ: въ 1-ой строфѣ вмѣсто «княземъ» напечатано «бѣликомъ»; въ 2-ой—вмѣсто «судъ» — «януть»; въ 9-ой—вмѣсто «Ванюшу» — «Ивашку»; въ 21-ю—вмѣсто «пѣсня» — «сказка» и вмѣсто «На шелковую» — «да шелковую».

Ф. Красильниковъ.

О былинахъ на Печорѣ.

А. Д. Григорьевъ въ отчетѣ о своихъ поѣздкахъ въ Архангельскую г. сообщая, что, какъ можно было узнать изъ опросовъ, «старшины» помнятъ между прочимъ и на Печорѣ (см. Извѣстія Олг. р. яз. и слов.

Н. А. Н., т. V, кн. 2-ая). Это сообщеніе вполне подтверждается теперь статьей г. Н. Ончукова, помѣщенной въ № 9311 «Нов. Вр.» отъ 4-го февраля текущаго года, съ которой безыинтересно познакомиться.

Лѣтомъ прошлаго года г. Ончукову пришлось быть въ селѣ Усть-Цыльмѣ, на Низовой Печорѣ; явился онъ не спеціально для записыванія былинъ, но, услышавъ отъ крестьянъ, что старины о богатыряхъ поются въ самомъ селѣ, рѣшился проверить, дѣйствительно ли это былины, или что-нибудь другое. Въ первое же воскресенье черезъ посредство хозяина квартиры г. Ончуковъ приглаемъ къ себѣ «пѣвцуновъ-знатоковъ» старины и послѣ предварительныхъ пустыхъ разговоровъ завелъ рѣчь о «старинахъ», и гости согласились ему снѣтъ ихъ. Пока хозяинъ отправился за виномъ, чтобы пѣвцы могли для храбрости промочить горло, въ набѣ шла бесѣда о старинѣ: «Все было не такъ въ старину-то, ахъ-ма! Старинщики хорошіе вымираютъ, старины забываются... Пѣсию новыя начинаютъ появляться какія-то смѣшныя, куцыя, точно топоромъ ихъ рубятъ, отбѣгаютъ концы (частушки). А по старинному, заведешь старину, когда изъ двора выйдешь, дорога двадцать верстъ, а на дорогу хватить. Ёдешь и поешь, и выводишь, а самому жалостно, да хорошо и товарищу, если съ тобой онъ, не скучно. Поешь другой разъ и надорвешь сердце, и поплачешь, а дорога и прошла незамѣтно». Ожиданія г. Ончукова не были обмануты: пѣсию дѣйствительно оказались былинами. «Когда пѣвцу кончили первую былинну, говоритъ онъ, то стало совершенно ясно уже, что Печорскія былины не только прекрасно сохранились качественно и удержали свой, можетъ быть, очень древній напѣвъ, но и уцѣлѣли въ большомъ количествѣ». Автору удалось записать только 7 былинъ, такъ какъ вскорѣ наступилъ Петровъ день, когда все взрослое населеніе отправляется на покосъ и на ловлю сѣмги, и этнографу пришлось превратить такъ удачно начатое дѣло, «снѣтъ въ виду дальнѣйшихъ записи напередки». Жаль, что авторъ мало сообщаетъ свѣдѣній о состояніи былинной традиціи въ Усть-Цыльмѣ, умалчивая о томъ, сколько тамъ «старинщиковъ», каковъ ихъ репертуаръ, какіи именно былины онъ записалъ и т. п. Судя по тому, что одинъ изъ пѣвцовъ, Дмитрій Дуркинъ («лѣтъ 40, высокій, здоровый мужикъ съ большимъ лбомъ и съ бородой лопатой») знаетъ, по собственнымъ его словамъ, до 70 штукъ былинъ, и другой пѣвецъ, старикъ, до 50; можно надѣяться въ будущемъ на новое пополненіе нашего эпоса.

Приведу теперь начало былинны о Мамаевомъ побойцѣ въ томъ видѣ, какъ оно печатается г. Ончуковымъ.

Аи бѣжала-ле Калика Перекожая

А отъ того отъ моря отъ студеного,

Алатыря камешка, Алатыря;

Она по три лня бѣжить, по три ночи.

5. Прибѣжала Калика ко маткѣ Клесей-рѣкѣ ¹⁾,

¹⁾ Надо бы „Къ Лесей-рѣкѣ“, вѣроятно, вм. Енисей-рѣки.

- Захотѣла Калика тутъ попить, помысь,
Она попить, помысь и тутъ огня добыть,
Огня добыть, платье повмысушить.
Не успѣла Калива опочиниться ¹⁾,—
10. Накатается вдругъ туча темная,
А бы темна туча, туча грозная;
Навалилася орда невѣрная;
Прибѣгаль собаки Кудреванко-царь;
Онъ со тѣмъ со зятѣмъ, со Кыршиномъ,
15. Онъ со тѣмъ со сыномъ, со Миршинъ;
У его, собаки, силы множество.
Прибѣгаль собака къ Класей-рѣкъ;
Онъ мосты мостилъ тутъ калиновы,
Перекладыны, кладеть дубовыя,
20. Переносится собака, перевозится...
Становилъ собака на поле Куликово;
Ставилъ онъ шатры да чернобрѣхаты.
У его, собаки, силы множество:
Отъ того отъ пару лошадиного,
25. Отъ того отъ духу человѣческа
А и поблѣкло красно солнышко,
Помертвѣлъ батюшко свѣтелъ мѣснцъ,
А и потерялся-де тутъ да звѣзды частыя,
Звѣзды частыя, да зори ясныя...
30. А и силы у собаки числа-сѣмѣту нѣтъ...
Кабы самъ онъ, собака, заговорщикъ злой;
А и сталъ онъ по силы поѣзживать,
Кабы сталъ онъ силу заговаривать—
Не брала чтобы силу сабля вострая,
35. Не ложила бы палица бубѣвая
Не кололо бы копейцо бурзомещное...

Конечно, трудно сказать что-нибудь определенное на основаніи одного отрывка, но сразу бросается въ глаза сходство именъ царя и его зятя съ именами ихъ въ старинѣ о Василіи Пьяницѣ, записанной А. Марковымъ («Вѣломорскія былины», стр. 409): Кудреванко-Царь и зять его Кыршикъ). Имена Кыршинъ и Миршинъ—парные, т. е. представляютъ образованіе такого же рода, какъ Бастрѣкъ-Мастрѣкъ и т. п. Странное начало былины можно объяснить какъ искаженіе зачина былины о Василіи Пьяницѣ, которой присвоенъ древній зачинъ, изображающій бесѣду туровъ и турацы. Важно названіе поле—Куликово, сохранившееся также въ петербургскомъ варіантѣ этой былины (*Киртескій*, I, стр. 58).

Н. В. В.

¹⁾ Отъ слова „опочинъ“=„опочивъ“, обыкновенно употребляющагося въ былинахъ (опочивъ держать).

Критика и библиографія.

В. Г. Богоразъ. *Очеркъ матеріальнаго быта оленныхъ чукчей, составленный на основаніи коллекцій Н. Л. Гондатти, находящихся въ этнографическомъ музее Императорской Академіи Наукъ. Съ XXV таблицами рисунковъ въ концѣ текста.* (Сборникъ музея по антропологии и этнографіи при Императорской Академіи Наукъ). Спб. 1901 г. 65 стр. + XXV таблицъ.

Настоящая книга представляетъ весьма крупный вкладъ въ русскую этнографическую литературу и даетъ подробное и отчетливое понятіе о всѣхъ сторонахъ матеріальной жизни одного изъ племенъ крайняго сѣверо-востока Сибири. Въ связи съ предшествовавшими работами того же автора, основанными на близкомъ и продолжительномъ знакомствѣ съ даннымъ народомъ, она впервые даетъ намъ систематическое и строго научное представленіе о чукчахъ, о которыхъ въ литературѣ раньше имѣлись довольно случайныя и разрозненные свѣдѣнія.

Работу г. Богоразъ отнюдь нельзя назвать простымъ описаніемъ коллекцій этнографическаго музея Академіи Наукъ, и заглавіе не вполне вѣрно опредѣляетъ содержаніе «Очерка», говоря, что онъ составленъ на основаніи коллекцій Н. Л. Гондатти. Личное знакомство автора съ описываемымъ народомъ играло несравненно большую роль, чѣмъ изученіе собранныхъ другимъ коллекцій, и безъ него было бы положительно невозможно такое обстоятельное и отчетливое описаніе, какое мы имѣемъ въ настоящей книгѣ. Съ одной стороны, только такое знакомство и даетъ возможность разбраться въ коллекціи и оцѣнить, какъ слѣдуетъ, назначеніе каждаго отдѣльнаго предмета, а съ другой, г. Богоразъ затрогиваетъ въ своемъ описаніи многіе такіе факты, которые не могутъ быть иллюстрируемы никакими коллекціями. Такимъ образомъ, правдѣе было бы сказать, что книга составлена преимущественно на основаніи личныхъ наблюденій, а коллекціи этнографическаго музея послужили для нея лишь матеріаломъ для иллюстрацій.

Книга состоитъ всего изъ двѣнадцати главъ: «Пища», «Одежда», «Украшенія», «Жилище», «Утварь», «Оружіе», «Орудія», «Оленеводство», «Охота», «Игры и игрушки», «Идолы и домашнія святилища», «Востанія издѣлія». Рисунки, приложенные къ книгѣ, достаточно обильны (266 предметовъ на 25 таблицахъ) и по своему исполненію вполне удовлетворительны. Можно было бы пожелать большей отчетливости и

большихъ размѣровъ рисунку 2-му таблицы XIX; на этомъ рисункѣ, представляющемъ снимокъ съ чукотской карты рѣки Анадыра, совершенно не вышлѣ изображенные на ней олени и охотники за ними, людскія жилища и лѣса, медвѣди и т. п., о которыхъ говорится въ текстѣ (стр. 55).

Не довольствуясь описаніемъ чукотскаго быта, авторъ постоянно проводитъ параллель между бытомъ чукчей и бытомъ ихъ ближайшихъ соседей, ламутовъ, коряковъ и др.; изъ рисунковъ тоже очень многіе, иногда цѣлыя таблицы, представляютъ изображенія предметовъ обихода этихъ народовъ. Разумѣется, что отъ такого сравнительнаго описанія матеріальной культуры чукотъ, значеніе книги еще больше увеличивается.

Въ заключеніе необходимо указать очень существенный корректурный недочетъ. Вторая половина 56-й страницы совершенно искажена и, повидимому, набрана съ какого нибудь случайно попавшаго и несправленнаго чернового листка. Благодаря этому она отчасти повторена вторично на 57-й стр., а въ прочихъ строкахъ номера рисунковъ, даваемые въ текстѣ, не сходятся съ номерами, представленными на таблицѣ XIX.

А. Максимовъ.

В. И. Юхельсонъ. *Матеріалы по изученію юкагирскаго языка и фольклора, собранные въ Колымскомъ округѣ. Часть I-ая. Образцы народной словесности юкагировъ (тексты съ переводами).* Изданіе Императорской Академіи Наукъ (Труды Якутской энциклопедіи, сваряженной на средства И. М. Сибирякова. Отдѣлъ III. Томъ IX. Часть III.) Спб. 1900 г. VIII+XV+240 стр.

Нѣтъ сомнѣній, что изслѣдованія В. И. Юхельсона надъ юкагирами представляютъ самый крупный фактъ въ исторіи русской этнографіи за послѣднее время, такъ какъ можно сказать, что г-ну Юхельсону удалось открыть совершенно новый и необслѣдованный народъ. То что можно найти объ юкагирахъ у прежнихъ авторовъ (Врангеля, Августиневича и Майделя) на столько скудно, что не можетъ собственно говоря идти въ счетъ, тѣмъ болѣе, что даже и эти скудныя свѣдѣнія относятся не столько къ юкагирамъ, сколько къ нѣкоторымъ смѣшаннымъ племенамъ, живущимъ съ ними въ сосѣдствѣ. Настоящихъ юкагировъ этнографы уже готовы были признать вымершимъ народомъ, и вѣдугъ оказалось, что они не только существуютъ, но и сохранили въ полной неподдѣльности свою своеобразную культуру. Насколько интересны для этнографа юкагиры, можетъ служить примѣромъ хотя бы тотъ фактъ, что они одни изъ всѣхъ народовъ сѣверной Азіи сохранили такой любопытный институтъ, какъ материнское право.

Настоящая книга г. Юхельсона имѣетъ прежде всего особую цѣнность для лингвистовъ, и на этомъ обстоятельстве нѣтъ никакой надобности останавливаться. Достаточно указать на то, что юкагирскій языкъ былъ раньше извѣстенъ только по нѣсколькимъ отрывочнымъ и къ тому же невѣрно записаннымъ фразамъ, собраннымъ бар. Майделемъ и дру-

гнии путешественниками¹⁾. Только теперь и является возможность действительного серьезного изучения юкагирского языка и надо надеяться, что специалисты-лингвисты не замедлят воспользоваться новым богатым материалом и помогут нам решить загадку о происхождении этого народа.

Приводимые г. Юхельсоном материалы не только важны, как образцы народного творчества, но и как лингвистические материалы. Съ внешней стороны народное творчество юкагировъ представляет много своеобразия, и прежде всего бросается въ глаза одна черта, подчеркиваемая самимъ г. Юхельсономъ, это сухость и схематичность разсказа. Среди собранныхъ въ книгѣ произведеній юкагирскаго творчества есть и очень коротенькія, есть и сравнительно очень длинныя, но суха они одинаково. Юкагиръ старается всячески избѣгать лишнихъ отступленій, не относящихся непосредственно къ дѣлу описаній, вводныхъ подробностей и т. д.; однимъ словомъ, онъ старается какъ можно сжѣтѣе передать самую фабулу разсказа, несколько не заботясь объ ея украшеніи. Часто онъ ведетъ разсказъ отрывочными фразами, съ пропусками, предоставляя самому слушателю восполнить недостающее и оживить по мѣрѣ силъ, сухую фабулу.

По содержанию собранные г. Юхельсономъ материалы отличаются большимъ разнообразіемъ; здѣсь есть и сказки (27 номеровъ), и историческія преданія, и разсказы о современномъ бытѣ, и шаманскіе тексты, и пѣсни, и формулы сватовства, и номенклатуры родства и т. д.; отсутствуютъ вполнѣ лишь космогоническія сказанія, изъ нихъ не удалось записать ни одного. Про сказки можно думать, что многія изъ нихъ заимствованы юкагирами у соседей, и за такое предположеніе говорить не только то, что сюжеты большинства юкагирскихъ сказокъ можно встрѣтить и у другихъ народностей сѣверо-востока Сибири, но и то болѣе вѣское соображеніе, что черты быта, рисуемыя въ этихъ сказкахъ, сплошь да рядомъ непохожи ни на древніе, ни на современный юкагирскій бытъ. Такъ, для юкагирской семьи характерно отсутствіе калыма и переселеніе мужа въ домъ жены, а въ сказкахъ очень часто мужъ покупаетъ жену у тестя и беретъ ее къ себѣ въ домъ (сказки 5-я, 6-я, 7-я, 12-я). Съ большимъ вѣрностью бытовые особенности юкагировъ сохранились въ историческихъ преданіяхъ, которыя, впрочемъ, очень интересны и помимо того, что представляютъ извѣстныя воспоминанія о былыхъ отношеніяхъ между племенами и отдѣльными родами, о пришествіи русскихъ и т. д. Такъ, напримѣръ, чрезвычайно интересно и во многихъ отношеніяхъ поучительно преданіе о первоначальномъ крещеніи юкагировъ (стр. 84—86). Шаманскіе тексты, заклинанія и формулы сватовства тоже весьма важны и интересны, чего нельзя сказать про пѣсни и загадки, очень слабо представленныя въ сборникѣ; такъ, загадокъ всего записано только четыре. Система родства у юкагировъ записана г. Юхель-

¹⁾ Можно также указать статью С. М. Шаргородскаго — Объ юкагирскихъ письменахъ. Съ таблицей рисунковъ. „Землеузнаніе“ 1895 г., кн. 2—3, стр. 135—148.

сономъ съ образцовой обстоятельностью и отличается большою оригинальностью. Старшаго брата матери юкагиры называютъ такъ же, какъ дѣда, старшую сестру отца такъ же, какъ бабу, но зато младшій братъ матери, старшій братъ отца, младшій братъ отца, младшая сестра отца, старшая сестра матери и младшая сестра матери всѣ имѣютъ каждый особое для себя названіе. Такое строгое обособленіе отцовскихъ родственниковъ отъ материнскихъ тѣмъ болѣе интересно, что эскиман, въ связи съ которой обыкновенно наблюдается подобная черта, у юкагировъ нѣтъ.

Большинство матеріаловъ записано на верхне-колымскомъ нарѣчій, наиболѣе чистомъ, и только нѣсколько номеровъ представлены двумя параллельными текстами: на верхне-колымскомъ нарѣчій и на тундреномъ, испытавшемъ вліяніе тунгусскаго языка. Подлиннымъ текстамъ всегда слѣдуютъ русскіе переводы, снабженные обильными примѣчаніями.

Какъ видимъ, работа г. Юхельсона, по своему богатому содержанію представляетъ крупный интересъ для самыхъ разнообразныхъ отраслей этнографіи, и можно лишь пожелать, чтобы и другіе собранные имъ среди юкагировъ матеріалы были изданы поскорѣе и съ такою же тщательностью, какъ настоящій выпускъ.

А. Максимовъ.

Ермоловъ, А. *Народная сельскохозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ. I. Всенародный мѣсяцесловъ.* Спб. 1901. 8°. IX+620 стр. Ц. 3 руб.

Авторитетный знатокъ русскаго сельскаго хозяйства, его практическихъ и научныхъ положеній, А. С. Ермоловъ является теперь передъ читателемъ съ своимъ въ высшей степени интереснымъ трудомъ по народнымъ пословицамъ. Въ этомъ трудѣ сгруппированъ цѣлый рядъ явленій въ сельскохозяйственной жизни народа, освѣщенныхъ не поучительнымъ опытомъ интеллигентнаго агронома и не какими-либо изысканіями агрономической науки вообще, а простою мудростью самого народа, сказавшагося въ его пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ.

Въ послѣднее время, кажется, все ярче и ярче обнаруживается въ русскомъ просвѣщенномъ человѣкѣ сознаніе, что ни съ какими благими цѣлями или результатами науки нельзя подойти къ народу, не зная самаго народа: во-первыхъ, потому, что у него есть свои званія, которые надо или разрушить или признать, прежде чѣмъ давать новыя, во-вторыхъ, потому, что эти его знанія часто бываютъ такъ основательны, детальны, точны, что сама наука нуждается въ нихъ.

Въ рѣчи, произнесенной авторомъ разбираемой книги при открытіи 1-го метеорологическаго съѣзда въ Петербургѣ, онъ привѣтствуетъ объединеніе общихъ усилій русскихъ ученыхъ метеорологовъ и въ то же время выражаетъ пожеланіе, чтобы при такомъ объединеніи наука не забыла своей старшей годажи, во довынѣ, въ сожалѣнію, пребывающей еще въ загонѣ сестры—вѣковой народной мудрости, являющейся результатомъ вѣками накопленнаго, почти безсознательнаго, изъ рода въ родъ передаваемого опыта и наблюденія, производимаго не точными физиче-

скими приборами, но повседневнымъ общеніемъ съ природой чуткаго къ ея явленіямъ, съ которыми связаны всѣ его жизненные интересы, простого земледѣльца-крестьянина». Они выразились въ цѣломъ рядѣ примѣтъ, пословицъ и поговорокъ, и авторъ называетъ ихъ «колыбелью вашей настоящей науки». (2—3 стр.). Народная религія, поэзія, семейно-правовыя отношенія уже давно служатъ источникомъ разныхъ научныхъ изысканій, теорій и размышленій о влияніи исторической культуры на укладъ народной жизни; но народная мудрость въ пословицахъ для этого еще почти не бралась въ соображеніе. Ни изслѣдованія Снегирева, ни собранія Сахарова, Шейна, Максимовича, Щурова, Чубинскаго, Михельсона и др., ни «Толкованія» Даля не имѣли въ виду этой связи народной мудрости и современнаго научнаго критерія. Правда, можно указать на прекрасные сборники А. А. Боринскаго («Народная Русь»), П. К. Симоны («Старинные сборники русскихъ пословицъ XVII—XIX ст.»), А. В. Смоленскаго («Чувашскія примѣты») и нѣкоторые другіе; но всѣ они, при большихъ достоинствахъ содержащагося въ нихъ этнографическаго матеріала, лишены такой систематической группировки, которая одно, другое, третье мудрое народное изреченіе ставила бы не въ узкія рамки эпохи, быта или племени, а развернула бы на обширномъ пространствѣ многихъ эпохъ, многихъ племенъ, многихъ послѣдовательно-связанныхъ условій быта. Въ такомъ видѣ для сжатой, не рѣдко какъ бы отъ чего-то оторванной мысли легко находится ея надлежащее мѣсто. Этими путемъ авторъ думалъ «подерѣпить то, что подмѣтилъ и забрѣнилъ своимъ мѣткимъ словомъ русскій простолудинъ,—такимъ же опытомъ и наблюденіемъ земледѣльцевъ другихъ странъ, при другихъ условіяхъ климата, почвы, хозяйственной обстановки, но въ области этой же кормилицы и русскаго и чужеземнаго крестьянина — матери-природы». (3 стр.). Конечно, не къ чему напоминать, насколько этотъ сравнительный методъ сопоставленій оказался полезнымъ во многихъ другихъ вопросахъ этнографической науки.

Что касается самой обработки имѣвшихся у автора матеріаловъ, то онъ самъ указываетъ, что не могъ «взять на себя научной разработки, такъ какъ подобная работа требуетъ и слишкомъ много времени и такихъ спеціальныхъ познаній, которыми я (авторъ) не обладаю». (стр. 7). Позволительно сомнѣваться, чтобы вообще вступило время «научно разработать» такой матеріалъ. Сколько другихъ этнографическихъ данныхъ нужно для этого, такихъ данныхъ, которыхъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ: хотя-сколько-нибудь научно-основательная исторія религіи, семейнаго и общественнаго быта, экономическихъ теченій, народныхъ и политическихъ передвиженій—все это должно быть разработано прежде, потому что все это есть матеріалъ, надъ которымъ оперировала народная мудрость.

Такимъ образомъ, полная систематическая сводка пословицъ, примѣтъ и поговорокъ, которую предпринималъ уважаемый авторъ, является единственной возможной научной работой въ этой области, научной, потому что это требуетъ большихъ знаній, научной опытности и умѣнія изъ разрозненныхъ частей составить цѣлое.

Авторъ и здѣсь указываетъ, что его трудъ не можетъ претендовать и на полноту, но и въ томъ огромномъ матеріалѣ, которымъ онъ пользовался, нельзя не указать на такую, напр., цѣнную въ отношеніи полноты особенность, какъ на слѣдующую: сначала авторъ хотѣлъ собрать пословицы и примѣты только на погоду и на урожай; но, набившись «кладземъ народной мудрости», онъ расширилъ рамки своего труда, «счелъ себя не въ правѣ подходить въ этому дѣлу съ какими бы то ни было предвзятыми субъективными взглядами», «не сталъ даже отдѣлять пшеницу отъ плевелъ, а сталъ собирать и систематизировать все, приди къ тому убѣжденію, что, быть можетъ, тотъ уровень научныхъ знаній, которыми мы можемъ теперь располагать, недостаточенъ еще для того, чтобъ безошибочно отбирать одно доброе зерно». (8 стр.).

По содержанію весь трудъ А. С. Ермолова разсчитанъ на три части (собственно двѣ, съ двумя подотдѣлами въ первой). I. Всенародный мѣсяцесловъ. II. Народныя сельскохозяйственныя пословицы, поговорки и примѣты—своего рода народный оракулъ или угадчикъ. III. Сюда «войдетъ то, что характеризуетъ сельскохозяйственный годъ въ его совокупности, весь циклъ народной сельскохозяйственной жизни, и затѣмъ тутъ же будутъ приведены пословицы, поговорки и примѣты на солнце, мѣсяцъ, звѣзды, на разныя явленія природы, громъ, дождь, вѣтры, туманъ, утро, вечеръ, день, ночь, на почву, урожай, на животныхъ, на растенія и т. п.» (стр. 9). Такъ какъ разбираемый выпускъ помѣченъ просто цифрой I, безъ указанія подраздѣленія, то, надо полагать, что второй выпускъ придется отмѣтить цифрой II, а вторую часть или 3-й выпускъ, цифрой III. Впрочемъ, это несущественный вопросъ.

Итакъ, всѣ эти 620 страницъ убористой печати посвящены «всенародному мѣсяцеслову». Кстати, отмѣтимъ здѣсь одно общее интересное явленіе: народы Зап. Европы, живя теперь по новому стилю, въ пословицахъ руководствуются старымъ стилемъ; авторъ убѣдился въ этомъ на такихъ явленіяхъ, какъ равноденстіе, солнцестояніе и т. п. Матеріалъ расположенъ такъ, что мѣсяцы, числа идутъ въ хронологическомъ порядкѣ; кромѣ того, времена года, праздники, посты и другія годовичныя перемѣны тоже послѣдовательно проходятъ одинъ за другимъ. «Мудрость» русскаго человѣка доминируетъ все время; во, кромѣ того, пословицы и другія славянскія, а также русскія и другія инородцевъ, народовъ Зап. Европы впадаютъ, особенно тамъ, гдѣ чувствуется что-нибудь или недосказанное, или неубѣдительное у русскаго сельскаго хозяина. Получается цѣлая наглядная картина жизни, которую яркой, сжатой и выразительной мыслью рисуетъ простой человѣкъ. Скажемъ больше: этотъ обильный фактический матеріалъ въ такой систематической группировкѣ легко будитъ отвлеченную мысль этнографа, зоветъ ее къ спеціальнымъ вопросамъ этнографіи и, если не разрѣшаетъ ихъ, зато даетъ весьма сильный толчокъ къ тому. Особенно это надо сказать относительно религіозныхъ воззрѣній на природу въ связи съ экономическимъ бытомъ. Здѣсь тѣ разнообразныя гипотезы, которыя существуютъ въ наукѣ, являются какъ бы на смотръ и значительно должны видоизмѣнить или подкрѣпить свои положенія.

Вообще, почтенный трудъ А. С. Ермолова, очень важный и своевременный не только для сельскохозяйственной, но и для этнографической науки, долженъ встрѣтить полное сочувствіе у русскаго читателя. Объ одномъ можно пожалѣть, что въ концѣ не приложенъ «указатель» предметный, географическій и т. д., столь необходимый въ такихъ изданіяхъ. Впрочемъ, б. м., онъ и нѣбѣдетъ въ виду, когда выйдетъ послѣдній выпускъ. Указатель источниковъ (на русскомъ, польскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ и англійскомъ языкахъ), приложенный въ концѣ 1-го выпуска на четырехъ страницахъ, еще больше подтверждаетъ уже высказанный здѣсь отзывъ о солидности и полезности этого выпуска.

Вл. Б.

Тумановъ, Г. М., князь. *Земельные вопросы и преступность на Кавказѣ*. Спб. 1901 г.

Экономическіе и социальнo-политическіе вопросы на Кавказѣ еще не имѣютъ достойнаго изслѣдователя въ то время, какъ географически и этнографически названный край изученъ достаточно. Авторъ вышеупомянутаго сочиненія восполняетъ существующій въ кавказовѣдѣніи пробѣлъ, касающійся изученія «человѣка и жгучихъ вопросовъ въ жизни» на основаніи свѣжихъ матеріаловъ и непосредственнаго знакомства съ бытошъ края. «О вопіющихъ нуждахъ современнаго Бавказа» кн. Г. М. Тумановъ помѣщалъ статьи частью въ «Вѣстникѣ Евр.» и «Рус. Мысли», частью же въ редактируемой имъ тифлисской газетѣ «Новое Обозрѣніе». Нынѣ онъ эти отдѣльныя разбросанныя статьи соединилъ въ одну книгу подъ заглавіемъ: «Земельные вопросы и преступность на Кавказѣ». Связь между этими двумя факторами авторомъ установлена яркими доказательствами: земельная неурядица, отсутствіе окончательнаго размежеванія, слабое развитіе выкупныхъ сдѣлокъ временно-обязанныхъ крестьянъ съ бывшими помѣщиками, самоуправство при распредѣленіи общественной воды, неудовлетворительность разрѣшенія вопроса о хизанахъ (чиншеники грузинскіе) и неопредѣленность сословныхъ правъ обуславливаютъ саморасправу и разбои, вызываемые неудовлетворительнымъ чувствомъ справедливости и неудовлетворительными имущественными требованіями. Основное положеніе автора — «неудовлетворенность экономическихъ интересовъ является единственнымъ мотивомъ многихъ и многихъ преступленій на Кавказѣ» — не подлежитъ никакому сомнѣнію и на разрѣшеніе этого вопроса прежде всего должно быть обращено вниманіе.

А. Хахановъ.

Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. XXXVII. 1901 г., вып. IV и V.

Весь 4-й выпускъ занятъ исключительно письмами къ секретарю начальника Тибетской экспедиціи, П. К. Козлова, и одного изъ его спутниковъ, фельдфебеля Иванова. Помѣщенные въ этомъ выпускѣ письма охватываютъ какъ разъ наиболѣе интересный, по крайней мѣрѣ въ этнографическомъ отношеніи, періодъ дѣятельности экспедиціи, а именно —

ей пребывавіе въ Восточномъ Тибетѣ, въ бассейнахъ рѣкъ Хуанъ-хэ, Ян-цзы-цзяна и Меконга. Экспедиціи пришлось близко сталкиваться съ мѣстными населеніемъ и, какъ сообщаетъ письмо отъ іюня 1901 г., ею «получено много интересныхъ свѣдѣній по этнографіи и исторіи обитателей Кама», т.-е. тангутовъ, живущихъ въ горной области рр. Ян-цзы-цзяна и Меконга и подчиненныхъ вѣдѣнію Синичскаго губернатора. Такъ какъ эти тангуты почти совершенно не обследованы въ этнографическомъ отношеніи, то можно надѣяться, что когда будутъ опубликованы подробные результаты экспедиціи П. К. Козлова, они составятъ цѣнное приобрѣтеніе для этнографіи. Пока въ своихъ предварительныхъ замѣткахъ П. К. Козловъ преимущественно подтверждаетъ то, что уже было извѣстно о тангутахъ-камъ изъ работъ покойнаго Н. Г. Пржевальскаго, но кое-что новое можно найти даже и въ этихъ замѣткахъ. Такъ, напримеръ, Пржевальскій просто ограничивается указаніемъ на существованіе у тангутовъ полиандріи, Козловъ же сообщаетъ, что наряду съ полиандріей встрѣчается, у богатыхъ разумѣется, и полигнія.—5-й выпускъ «Извѣстій» тоже весь цѣлкомъ посвященъ одной статьѣ, а именно отчету Г. Н. Потанина о «Поездкѣ въ среднюю часть Большого Хингана лѣтомъ 1899 года». Г. Н. Потанину приходилось проходить по мѣстамъ, еще не посѣщавшимся европейцами и представляющимъ значительный географическій интересъ. Этнографическіе результаты поѣздки менѣе значительны; краткость времени, отсутствіе продолжительныхъ остановокъ и еще болѣе недовѣрчивое отношеніе къ путешественникамъ мѣстнаго населенія были существенной помѣхой для собранія этнографическихъ свѣдѣній. Кое-что все таки удалось собрать, между прочимъ и о баргутахъ, одномъ изъ наименѣе извѣстныхъ подраздѣленій монголовъ. Г. Н. Потанинъ думаетъ, что основу баргутовъ составляютъ омонголившіеся тунгусы, къ которымъ лишь впоследствии присоединились дѣйствительные монголы. Насколько основательно такое предположеніе, покажутъ, разумѣется, лишь болѣе детальныя изслѣдованія.

А. Максимовъ.

Извѣстія Оренбургскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Вып. 16 й. Оренбургъ. 1901 г.

Изъ статей этнографическаго содержанія наибольшій интересъ представляетъ маленькая замѣтка А. Н. Добросмыслова, «Салы у киргизовъ». Салами въ старину назывались у киргизовъ особые щеголи, посвятившіе себя ухаживанію за женщинами. Нарядившись въ изысканный костюмъ и на богато украшенной лошади «салъ» отправлялся въ какой-нибудь аулъ, извѣстный красотою своихъ дѣвушекъ. Здѣсь по срединѣ аула онъ оставалъ коня и, держа его за поводъ, ложился на землю, оставаясь въ такомъ положеніи иногда болѣе сутокъ, пока дѣвушки не поднимали его и не относили на рукахъ въ кибитку. Въ кибиткѣ салъ проводилъ за разными увеселеніями ночь съ дѣвушками или съ одной дѣвушкой, но передъ разсвѣтомъ долженъ былъ покинуть аулъ, оставивъ при этомъ всѣ свои одежды, украшенія и коня съ уборомъ; одежда и украшенія

шли дѣвушкамъ, а лошадь хозяину вбѣгивъ, такъ что салъ возвращался домой пѣшкомъ и въ одной рубашкѣ. Такія похождения продолжались до тѣхъ поръ, пока салъ не проживалъ всего своего состоянія.—Кромѣ этой статьи, необходимо отмѣтить обстоятельную работу А. А. Петрова, «Библиографическій перечень книгъ, статей и замѣтокъ, касающихся черемисъ», не свободный, къ сожалѣнію, отъ существенныхъ пробѣловъ: не упомянуты, напр., статья Мендіарова въ Этногр. Обозр., статья А. Ф. Бомова въ Уфимск. Губ. Вѣд. 1889 г. и т. д.; г. Петровъ не включилъ въ свой указатель даже и нѣкоторыхъ изъ тѣхъ работъ, которыя отмѣчены Е. И. Якушкинымъ въ его „Обычномъ Правѣ“. Кромѣ того, указателю сильно вредитъ полное отсутствіе указаній на содержаніе и цѣнность отдѣльныхъ статей; несомнѣнно, что авторъ могъ бы до извѣстной степени дать и оцѣнку если не всѣхъ, то многихъ работъ, и этимъ бы онъ во много разъ увеличилъ цѣнность своего указателя.—Въ приложеніи къ «Извѣстіямъ» печатается обширное изслѣдованіе А. И. Добросмыслова „Тургайская область. Историческій очеркъ“, дающее много матеріаловъ для исторіи киргизовъ и ихъ отношеній къ русскимъ, но затрогивающее попутно и другіе народы: калмыковъ, башкиръ и т. д.

А. Максимовъ.

Tiersot Julien (*Chanson d'amour des paysans des Alpes françaises*). (Статья въ февральской книжкѣ 1902 г. «La Grande Revue»).

Жюльенъ Тьерсо (Julien Tiersot), издавшій въ 1889 году интересную книгу о французской народной пѣснѣ¹⁾, до сихъ поръ не перестаетъ заниматься собираніемъ и изученіемъ народныхъ пѣсней. Результатомъ его занятій появилась вышеупомянутая интересная статья.

Въ ней авторъ разбираетъ пѣсни, записанныя въ провинціяхъ Дофинъ (Dauphiné) и Савойя (Savoie), при чемъ замѣчаетъ, что пѣсни эти не могутъ считаться исключительною принадлежностью этихъ провинцій, такъ какъ онѣ, измѣняясь лишь въ незначительной степени, поются во многихъ мѣстностяхъ Франціи.

Разсматриваемыя пѣсни сохранились въ устной передачѣ и лишь очень немногія попадаютъ записанными въ различныхъ сборникахъ; пѣсни эти, несмотря на нѣкоторую небрежность формы и несвязность въ мысляхъ, отличаются жизненностью, искренностью чувства, образностью выраженій, красотой непосредственности. Вліяніе природы мѣстности отозвалось на характеръ разбираемыхъ пѣсней: тѣ, которыя поются въ провинціи Дофинъ—на сѣверѣ,—отличаются сдержанностью и нѣкоторою блѣдностью красокъ, между тѣмъ какъ пѣсни Савойи отражаютъ въ себѣ блескъ южной природы и звучатъ тонами провансальской поэзіи. Нѣкоторыя пѣсни отличаются выдержанною литературною формою, такъ что наводятъ на мысль объ участіи въ ихъ сложеніи невѣдомыхъ поэтовъ, которыя было не чуждо знаніе стихосложенія.—

¹⁾ Julien Tiersot: Histoire de la chanson populaire en France. Paris. 1889.

Лирическія пѣсни, приводимыя Тьерсо, изображаютъ зарожденіе чувства любви, которое еще неопредѣленно и неясно:

Rossignolet du bois, rossignolet sauvage!
Apprends-moi ton langage, apprends moi-z-à parler,
Apprends-moi la manière comment il faut aimer.

Выразительницами сильного чувства служатъ серенады (ébaudes, прован альскія aubades), носящія ясныя слѣды провансальской поэзіи. Обычай пѣть серенады подъ окнами любимой дѣвушки ¹⁾ въ настоящее время исчезъ, но самыя серенады сохранились въ большомъ количествѣ и поются народомъ. Обыкновенно онѣ представляютъ собою діалогъ между дѣвушкой и юношей съ сентиментальнымъ или шутивымъ оттѣнкомъ:

Belle faites moi un bouquet
Qui soit de rose et de muguet.
Nous le lierons

Nous l'attacherons
Avec un fil d'argent
Que nos amours y soient dedans.

Серенады носятъ также специальное названіе «Les réveille», такъ какъ онѣ начинались по большей части со словъ: «réveillez-vous (пробудись) по адресу любимой дѣвушки. Во всѣхъ этихъ пѣсняхъ постоянно упоминается соловей, къ которому обращаются поющіе. Въ пѣсняхъ, воспевающихъ любовь, рѣдко говорится о бракѣ, съ другой стороны, въ свадебныхъ пѣсняхъ не упоминается про любовь. Въ этомъ сказывается вліяніе провансальской поэзіи, которая никогда не соединяла понятіе любви съ бракомъ.

Ссоры влюбленныхъ, постепенное охлажденіе, разлука—служатъ, темами лирическихъ пѣсенъ, приведенныхъ авторомъ. Такія пѣсни отличаются грустнымъ характеромъ, заключаютъ въ себѣ жалобы на то, что «l'amour n'est qu'un badinage l'amour n'est qu'un passetemps»; полны тоскливыхъ обращеній къ птицамъ, бабочкамъ.—Диалогическая форма преобладаетъ, причемъ на шутные упрёки получаютъ равнодушные, иногда довольно грубые отвѣты.—Многія пѣсни изображаютъ печальный конецъ отвергнутаго поклонника, заливающего свою печаль виномъ.

Несмотря на то, что пѣсни провинцій Савойи и Дофинэ подѣли вліяніемъ современныхъ понятій и особенностей быта нѣсколько измѣнились, по опредѣленію автора, всё онѣ относятся къ далекимъ временамъ, нѣкоторые изъ нихъ восходятъ къ 15 в. Такая живучесть пѣсни можетъ быть объяснена любовью народа къ родной поэзіи и художественнымъ изображеніемъ тѣхъ чувствъ, которыя и теперь, какъ и прежде, волнуютъ, тревожатъ и радуютъ человеческое сердце.

E.

Edmond Douité. *Mahomet Cardinal*. Chalons-sur-Marne. 1899.
Работа названнаго автора знакомитъ насъ съ интересной формой средне-

¹⁾ Серенады пѣлись цѣлымъ хоромъ, при звукѣ скрипки или др. инструмента, и слушались всѣми желающими.

вѣковой легенды о Мухаммедѣ, которая сохранилась въ романѣ *Kenart le Contrefait* (состав. въ первой половинѣ 14 в. Jean Leclerc'омъ von Troyes). По этой легендѣ Мухаммедъ былъ очень ученымъ и краснорѣчивымъ кардиналомъ; ему было поручено обратить сарацинъ въ христіанство. Онъ согласился на это подъ условіемъ быть со временемъ папой. Сарацины были обращены въ христіанство, но Мухаммедъ папой не сдѣланъ; тогда онъ своимъ краснорѣчіемъ заставилъ сарацинъ опять стать язычниками. Дутте указываетъ, что приведенная легенда стоитъ въ связи съ личностью монаха Bahiga, отъ котораго, по преданію, Мухаммедъ получилъ познаніе о Богѣ.

E.

Heinrich Schurtz. *Urgeschichte der Kultur*. Leipzig und Wien. 1900 г.

Названная книга представляетъ собою интересный матеріалъ по исторіи культуры. Въ ней отведенъ обширный отдѣлъ, касающійся религій, суевѣрій, магіи, колдовства, мѣровъ, представленій о загробной жизни у различныхъ народовъ. Книга написана легкимъ языкомъ и чтеніе ея можетъ дать интересные свѣдѣнія по исторіи сравнительной культуры; въ ней мелочамъ, утомляющимъ вниманіе, отведено мало мѣста.

E.

Sell, Rev. E. *Essays of Islam*. London. 1901.

Названной книгѣ предшествовали труды того же автора «The Faith of Islam» и «The Historical Development of the Quran». Въ этихъ работахъ авторъ предлагаетъ свѣдѣнія о развитіи ислама въ Персіи, Битаѣ, о различныхъ сентяхъ мусульманъ, объ историческомъ развитіи корана и о современномъ состояніи ислама.

E.

Hildebrand, Rudolf. *Materialien zur Geschichte des deutschen Volkslieds*. 1-я часть. Das ältere Volkslied. Leipzig 1900.

Гильдебрандъ, любитель и знатокъ народной поэзіи, приступилъ къ печатанію своихъ университетскихъ чтеній, касающихся вѣмецкой народной пѣсни. Первая часть его труда посвящена разбору старинныхъ народныхъ пѣсней. Здѣсь авторъ приводитъ образцы древнихъ пѣсней, связанныхъ съ обычаями народными, причемъ отмѣчаетъ 16 вѣкъ, какъ время особеннаго развитія пѣсни. Гильдебрандъ считаетъ народную пѣсню открытою силою какъ въ общественной, такъ и въ духовной жизни народа, крѣпко связанною съ бытомъ и съ міровоззрѣніемъ народными. Приводя историческія, бытовые, дѣтскія пѣсни, авторъ отмѣчаетъ особенности техническихъ приѣмовъ: напр., частое употребленіе розы, какъ символа. Книга Гильдебранда снабжена словаремъ собственныхъ именъ и предметовъ. (Deutsche Rundschau, янв. 1902).

E.

Памятная книжка Вятской губерніи на 1902 годъ.

Это полезное изданіе ежегодно даетъ, помимо специальныхъ справочныхъ свѣдѣній, нѣкоторыя статьи и замѣтки, относящіяся къ этнографіи. Такъ, здѣсь помѣщена статья *А. С. В-на*: Вятскій Успенскій монастырь при преп. Трифонѣ (по подлинному документу 1601 г.). Съ предисловіемъ и поясненіями. Здѣсь, между прочимъ, приводятся выдержки изъ сказаній объ отношеніяхъ преп. Трифона къ Григорію Огрешеву. Даны поясненія слованъ: алтабашъ, басмыный, ворворка, зенденъ, кулига, курья, перевѣсье, тека (тцка, цка), тябло, шти (ш-сти) и др.—Далѣе статья *того же автора*: «Почитаніе Николы Можайскаго въ XVII вѣкѣ», интересна по матеріаламъ, относящимся къ Вятскому краю. *А. Буевскій* помѣстилъ продолженіе своей статьи: «Эпизоды изъ жизни основателя Вятской семинаріи. IV. Архіерейство по Вятѣ (1733—1737)» (см. календарь 1899—1901 гг.). Эта статья можетъ быть важна для бытовыхъ справокъ, которыя такъ часто нужны даже въ вопросѣ о бытовыхъ основахъ былинныхъ сюжетовъ.—*В. Ф. Кудрявцевъ* помѣстилъ продолженіе своего очерка (см. пап. кн. 1901 г.): «Старина, памятники, преданія и легенды Прикамскаго края». Эта часть очерка посвящена почти исключительно Ананьинскому могильнику.

Пожелаемъ редакціи календаря продолжать обогащеніе его подобными статьями и матеріалами.

Вл. Б.

Памятная книжка Смоленской губерніи на 1902 годъ.

Въ этой книжкѣ *Я. А. Пилецкій* помѣстилъ очеркъ «Промыслы государственныхъ крестьянъ Смоленской губерніи въ 1850-хъ годахъ». Очеркъ этотъ разработанъ по даннымъ, собраннымъ въ 1850 г. чинами Министерства Госуд. Имуществъ для цѣлей кадастраціи. Представляя изъ себя рядъ цифръ, они дѣлаютъ очень достовѣрными выводы, построенные на нихъ. Населеніе и разселеніе, занятія и землевладѣніе, отход на заработки, урожай и другія экономическія выгоды, разные виды промысловъ извозчики, деревенскіе ремесленники и кустари, сельскохозяйственные рабочіе и пастухи, плотники, рабочіе въ баркахъ и плотахъ, землекопы, фабричныя и заводскія рабочіе, торговцы и предприниматели—все это, основанное на цифрахъ, представлено въ цѣлой картинѣ народнаго быта. Далѣе—*М. Н. Неклюдовъ* и *С. П. Писаревъ* въ очеркѣ «О раскопкахъ въ Смоленскѣ» даютъ описаніе собранію предметовъ, найденныхъ въ 1900 г. при сооруженіи электрической станціи на берегу Днѣпра. Авторы систематизируютъ ихъ, какъ «остатки новѣйшей эпохи», «эпохи до нашествія французовъ въ Смоленскъ», «Польской эпохи», «Московского владычества въ Смоленскѣ», «Литовскаго періода», «Княжеской эпохи» и «Языческаго періода Смоленска». Къ статьѣ приложены таблицы снимковъ съ описываемыхъ коллекцій. Представляемъ судить о нихъ и о самомъ описаніи специалистамъ-археологамъ.

Вл. Б.

ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ.

Archiv für Religionswissenschaft. 1932 г. Fünfter Band. Erstes Heft. *Julius von Nagelein*: Bild, Spiegel und Schatten im Volksglauben. Изложение вървань, поварій, обычаевъ и обрядовъ, связанныхъ съ зеркаломъ, изображеніемъ человека и его тѣнью у народовъ различныхъ странъ. Изображеніе человека, его тѣнь и его отраженіе въ зеркалѣ въ върваніяхъ народа имѣютъ тѣннственную связь съ душою человека и вліаніе на нее. Варованіе въ непосредственное отношеніе тѣни къ человѣческой душѣ порождаетъ убѣжденіе въ существованіи двойниковъ. Приведенныя поварія имѣютъ интересъ потому, что выясняютъ общ-народныя воззрѣнія на жизнь души, на ея связь съ тѣломъ и на ея загробное существованіе.

Естествознаніе и Географія. 1931. 5. *Эриксонъ, Э. В.* На Акуръ (очеркъ).—7. *Ело жес.* Въ Сайгонѣ (очеркъ).—9—10 *Рейнъ, Г.* пров. Отъ Баку до Батума.

Жизнеписная Россія 1932. (съ 53 номера) 53 и 54 *Рукавишниковъ, Г.* Гдѣ лучше и чего говорить по-русски? — 53, 54, 55, 56. *Порошинъ И.* Вокругъ Валаго озера. Путевые очерки.—53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63. *Сулима: По Лѣнѣ.* Путевые очерки (прод. см. „Э. Об.“ кн. 52).—58. *Кокшайскіе муз. кавты.* (Русс. нар. тѣны).—59. *Торювъ, А.* Посидѣлки. Этнографич. очеркъ.—62. *Рукавишниковъ, Г.* Еще о „посидѣлкахъ“.—63. *Таджики* (Типы русск. Туркестана).—64. *Старый Мулла* (Этн. альбомъ).—Женщины съ острова Мюна въ національныхъ костюмахъ и прическахъ (Этн. альбомъ).—*Надеждинъ Н.* Переворотъ въ народной пѣснѣ.—65. *Литовскіе типы* (Этн. альбомъ).—66. *Узбекская женщина изъ Кокана.* (Этн. альбомъ).—65. *Шмурло Е. Ф. проф.* Взеръ по Иртышу. Путевые очерки (не ок.)

Журн. Мин. Нар. Просв. 1902. Янв. *Н. П. Павловъ - Сильванскій.* Феодальныя отношенія въ удѣльной Руси (окончаніе, см. июльскую кн. за 1901 г.)—*С. К. Шамбинаго.* Старинныя о Святогорѣ и поэма о Клеви-повѣ.—*В. И. Могдестовъ.* Вспоминая о пр. В. Гр. Вслндовскіиъ.—Рец. *П. А. Лаврова* на 1) Словянско-русск. словарь. Горница 1901, 2) Грамматикъ словянскаго языка. Горница 1900, составленные *М. Хостинкомъ.*—*Н. П.* Разборъ труда *С. Г. Вилинскою* „Сказаніе черноризца Храбра о писмѣнахъ славянскихъ“. Одесса. 1901.—Рецензія на: 1) Лѣтопись зантій Археологической комиссіи за 1895—99 гг. Вып. XII. Тома за 1900 г. Вып. XIII. С.-Пб. 1901. 2) Брошюру *Д. К. Тренева,* Иконы царскаго изографа Симона Ушнкова въ Моск. Новоушннскій мон. Съ прил. 5 фототипій. М. 1901. 3) *В. Н. Перетцъ.* Матеріалы къ исторіи апокрифа и легенды. II. Къ исторіи дунника. Введеніе и сравнительные тексты. Доп. къ исторіи Громница и указ. къ вып. I и II С.-Пб. 1901 (Отт. изъ „Изв. отд. р. яз. и сл. И. А. Н. т. VI). 4) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. XXIX. Тбилисі 1901.—*И. В. Нетушилъ.* Легенда о близнецахъ Ромулъ и Ремъ. Февр. *А. В. Семска.* Розенкрейцеры и сочиненія имп. Екатерины II прогнѣи масонства.—*Е. Ф. Шмурло.* Польскій источникъ о воцареніи Петра Великаго (о памятникахъ, извѣстность подъ заглавіемъ „Diariusz zabuystwa tyrańskiego senatrow moskiew-

skich w stolicy roku 1682 u o obraniu dwóch cardw Ioanna u Piotra"). — С. О. *Ольденбург*. Новый русский труд по истории буддизма 'о работѣ И. А. Подгорбунскаго, Буддизмъ, его исторія и основныя положенія его ученія. Вып. I. Очеркъ исторіи буддизма. Иркутскъ, 1900, — напечатанный въ № 3. Трудовъ Вост. - Сиб. Отд. Имп. Р. Геогр. О.). — М. А. *Веневитиновъ* (+ 83 сент. 1901 г., некрологъ и замѣтка о трудахъ покойнаго по археологии) И. В. *Петушило*. Легенда о близнецахъ Ромулъ и Ремъ (окончаніе въ март. кнѣжкѣ). Мартъ. В. И. *Сергеевичъ*. Древности русскаго земледѣлія. IV (см апрѣльск. кн. за 1901 годъ). — Ю. В. *Готье*. Изъ исторіи хозяйственныхъ описаній Московскаго у. въ XVI—XVII вв. — С. К. *Буличъ*. Разборъ труда В. И. *Петра*, „О составѣ, строикѣ и ладахъ въ древне-греческой музыкѣ“. Кіевъ 1901. — В. М. *Истрикъ*. Рецензія на книгу проф. П. В. *Владимирова*. Древняя русская литература Кіевского періода XI—XIII вв. Кіевъ 1900.

Земледѣліе. Периодическое изданіе Географическаго Отдѣленія И. О. Д. Е., А. и Я. 1901. кн. I—II *Богоявленскій, Н. В.* Въ верховьяхъ Аму-Дарьи (съ 8 рис.). Есть свидѣнія о населеніи (таджикнхъ). — *Андрусовъ, Н. И.*: Поездка въ Дагестанъ глгоу 1898 г. (съ 15 рис.). Есть свидѣнія объ аварцахъ. — *Хаджи-Селимъ - Гирей Султановъ*: Священная область мусульманъ въ Аравіи (съ 2 рис.). Авторъ, изучившій шаригатъ, т. е. науку о мусульманской религіи и ея законахъ, въ глуши Башкиріи у башкирскаго муллы, рѣшилъ побывать и въ странѣ Могомета въ Аравіи. Изъ этого путешествія авторъ вынесъ много интересныхъ воспоминаній, которыя и предлагаются въ настоящемъ очеркѣ. — Древность земли. (Эта небольшая замѣтка, написанная по поводу рѣчи проф. А. И. *Соколова* „Возрастъ Земли“). — *Адлеръ, Б.*: Лейпцигскій этнографическій музей. (Авторъ обращаетъ особое вниманіе на обиліе коллекцій музея и научность современной его постановки). — Географія и отечествовѣдѣніе въ реорганизованной средней школѣ. (Замѣтка касается спорнаго вопроса о содержаніи этого курса и преподаванія его).

Миссіонерское Обозрѣніе 1902 г. 2. — „Новая секта хехулитовъ или каюковъ“, Н. *Булакова*. — Секта распространена преимущественно среди финляндскаго простонародья, но приняла и въ чисто - русское населеніе Петербурга и его окрестностей. Одной изъ главныхъ особенностей секты служатъ покаянія и отпущенія грѣховъ на общихъ собраніяхъ сектантовъ (отсюда простонародное названіе „каюки“ отъ слова „каяться“). Въ нѣкоторые общины хехулитовъ исповѣдь и отпущеніе грѣховъ соединяется съ обрядами, поражающими посторонняго наблюдателя своимъ реализмомъ; такъ, въ дер. Ку-но, Ямбургскаго уѣзда, въ собраніе приносится небольшая кадочка; каждый изъ присутствующихъ подходитъ къ этой кадочкѣ и, наклонясь надъ ней, шепотомъ исповѣдуетъ свои грѣхи; послѣ того наставникъ покрываетъ верхъ кадочки полотномъ, тщательно и крѣпко уязываетъ это полотно бечевкой, затѣмъ эту кадочку, „наполненную грѣхами“, выноситъ вонъ и зарываетъ въ землю гдѣ либо въ укромномъ мѣстѣ“.

Наблюдатель 1901. 6. *Хаджи-Селимъ-Гирей Султановъ*. Наблюденія надъ жизнью казанскихъ татаръ. — М. В. Сибирскіе сектанты (этнографическій очеркъ). О скопцахъ въ Якутской области; описаніе радѣній; приводятся пѣсни.

Ива. 1902. Ежемѣс. литерат. приложенія 1-2. В. А. *Мошкова*. У могиласкихъ блд. руссовъ. Путевыя впечатлѣнія.

Revue de deux mondes. 1901 г. 1 и 15 ноября. *André Bellessort*: Voyage au Japon. Въ беллетристическомъ очеркѣ даются свидѣнія о бытѣ японцевъ, особенностяхъ японской семейной жизни, нравахъ японской женщины и характерѣ ея воспитанія.

Русское Богатство. 1902. 1. *Горнфельдтъ, А. Г.*: Книга о языкѣ Гоголя. (I. Мавде-льштамъ. О характерѣ Гоголевскаго стиля. Глава изъ исторіи русскаго литературнаго языка. Гельсингфорсъ 1902). 3. *Арицбашевъ, М.* Купріяны. Разсказы I-VIII Не оконч. Деревенскій бытъ ярко обрисованъ въ этомъ разсказѣ. — *Шеицовъ, С.* „Молочные бунты“ въ Сибири и ихъ причины. (Послѣднія не только экономическія, но и суевѣрно-религіозныя).

Русская Мысль. 1902. 1 и 3. *Семенов, С. Т.*: Изъ исторіи одной деревни. (Записки волоколамского крестьянина). Добросовѣстный очеркъ, наглядно рисующій экономическое положеніе деревни въ отношеніи къ частному и общинному хозяйству, а также отхожіе промыслы на фабрикѣ и въ городѣ.—1 и 2. *Вольфензонъ, Б.* Изъ жизни еврейскаго пролетаріата.—2 и 3. *Уманскій, А.* Бытописатель переходнаго времени. (О литературной дѣятельности Г. И. Успенскаго).—3. *Доснаръ-Затольскій, М. В.*: Историческій процессъ русскаго народа въ русской исторіографіи.—4. *Русова, С. В.*: Современная провансальская литература. (Говоря о децентрализационномъ движеніи въ Провансѣ, авторъ видитъ его въ освобожденіи языка, возстановленіи народной провансальской литературы и т. п., останавливаясь особенно на дѣятельности Мистрала).—*Голышевъ, В. А.*: Памяти Гляба Ивановича Успенскаго.

Ярославск. еп. вѣд. 1899. 51—2. *В. Преображенскій*. Полемическія сочиненія противъ латинянъ, какъ одинъ изъ моментовъ вліянія церкви на образованіе русскои народности. 1900. 1. *А. Титовъ*. Вепрева пустынь въ Ростовскомъ уѣздѣ (бывшій монастырь). Историческій очеркъ. — Исторія поминаній. 3. *Ар. Израилевъ, прот.* Водружальный крестъ. 4. *И. Н.* О церемоніи открытія „святыхъ дверей“ на всеобщій юбилей 1899—1900 г. (въ Римѣ). 10. О юбилей П. А. Гильтебрандта (біогр. оч.).

Новости этнографической литературы.

Адамъ, П. Византия. М. 1902. Ц. 1 р.

Арханъ гравовъ Мордвиновыхъ. Томы первый и второй. Предисловіе и примѣчаніе В. А. Бильбасова. Спб. 1901. Ц. кажда. тому 5 р.

Библиографическіе матеріалы, собранные Андреемъ Поповымъ. XXV. „Словно кратко“ въ защиту монастырскихъ внищствъ. Съ предисловіемъ А. Д. Григорьева. М. 1902. 4^о. XXX+68, стр. Ц. 50 к.

Бобринскій, А.—ія, А.—тевичъ, гр. Сента Исмаиля въ русскихъ и бухарскихъ предѣлахъ Средней Азии. Географическое распространение и организация. М. 1902. 8^о. 18 стр. (Оттискъ изъ „Этн. Обзорнія“).

Бобринцевъ-Пушкинъ, А. М. Судъ и раскольники-сектанты. Спб. 1902. Ц. 1 р. 35 к.

Богорадъ, В. Г. Матеріалы по изученію чукотскаго языка и фольклора, собранные въ Колымскомъ округѣ. Ч. I. Образцы народной словесности чукотъ. Тексты съ переводомъ и пересказомъ. Спб. 1900. 4^о. XXXVI+417 стр.

Барисовъ, В. А. Древнее поселеніе близъ деревни Старый Урматъ, Каз. уѣзда. Каз. 1901. („Иза. Общ. Ист., Арх. и Этн.“).

Бородинъ, М. (собралъ). Финляндія въ русской печати. Матеріалы для библиографіи. Спб. 1902. Ц. 2 р.

Брауновскій, С. Н. Письма Сильвестра Медвѣдова. Спб. 1901. Ц. 50 к.

В. Д. К. Кавказская музыка. Библиографическія замѣтки. Тифл. 1900. 8^о 46 стр.

Его же. Наглядъ и пѣнцо. (Груинская мелодія. Статьи гг. Багдасарянца, Папавяна, Мошорьяна и Тьерсо объ армянской музыкѣ. Музыка кавказская на выставкѣ в др.). Оттискъ.

Васильевъ, А. Объ исконныхъ творческихъ началахъ и бытовыхъ особенностяхъ русскаго народа. Петроградъ. 1902. Ц. 20 к.

Введенскій, А. Ф., проф. Религіозное сознаніе язычества. Опытъ философской исторіи естественныхъ религій. Томъ I. М. 1902. Ц. 3 р.

Ветверъ, Г. Римъ. Исторія и культура римскаго народа. Вып. IV. Спб. 1902. Ц. по податку 6 р. съ перес. 7 р.

Герихъ, Л. (фонъ). Краткій очеркъ военнаго искусства въ древніе вѣка. Изд. 2-е, дополн. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Глаголевъ, С. С. Религіи Китая. М. 1901. Ц. 35 к.

Головачевъ, П. М. Сибирь. Природа, люди, жизнь. Изд. Ю. Н. Базановой. М. 1902. 8^о. 300 стр. 66 рис., 2 карты. Ц. 1 р.

Готтеновъ, Ф. Исторія вѣшной культуры. Одежда, домашняя утварь, поленія и военныя орудія народовъ древнихъ и новыхъ временъ. Томъ II, вып. I (11—61). Подписная цѣна за 20 вып. 20 р., съ перес. 25 р.

Дитмаръ (фонъ). Карлъ. Поездка и пребываніе въ Камчаткѣ въ 1851—1855. Спб. 1901 Ц. 7 р. 75 к.

Добротворский, П. Вь глуши Башкири. Разказы, очерки и наброски изъ башк. жизни. Екатеринбургъ. 1901. Ц. 50 к.

Замотинъ, И. М. Преданіе о Вадиѣ Новгородскомъ въ русской литературѣ. Воронежъ. 1901. Ц. 75 к.

Ивановъ, И. М. Русскіе кустари. Научно-популярный очеркъ. Спб. 1902. Ц. 60 к.

Юхальсонъ, В. И. Матеріалы по изученію юкагирскаго языка и фольклора, собранные въ Колымскомъ округѣ. Ч. I. Образцы народнаго творчества юкагировъ. Тексты съ переводомъ. Спб. 1900. 49. XV+240 стр.

Картевъ, Н. Философія культурной и социальной исторіи новаго времени (1300—1800). Введение въ исторію XIX вѣка. Изд. 2-е. Спб. 1902. Ц. 60 к.

Каманинъ, И. Очеркъ гетиманства Петра Сагайдачнаго. Съ приложеніями. Киевъ. 1901. Ц. 1 р.

Китицынъ, П. А. Заселеніе Устинской волости Костромской губерніи. Каз. 1901. („Изв. Общ. Ист., Арх. и Этн.“).

Ключковъ, М. Указатель словъ и выраженій, встрѣчающихся въ Судебникахъ 1497, 1550 и 1589 гг. Подъ ред. проф. М. Дьякова. Юрьевъ. 1902. Ц. 25 к.

Монъ, Ф. Я. Историческій очеркъ минусинскаго музея за 25 лѣтъ (1877—1902). Каз. 1902. 260+VIII стр.

Норсановъ, В. В., д—ръ мед. Пять лѣтъ въ Пекинѣ. Изъ наблюденій надъ бытомъ и жизнью китайцевъ. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Кузнецовъ, И. Д. Терскіе казаки и ихъ рыбные промыслы. Очеркъ съ иллюстраціями въ текстѣ. Спб. 1901. Ц. 20 к.

Куланж-де, Фюстель. Исторія общественнаго строя древней Франціи. Перев. подъ редакц. И. И. Гревса. Томъ I. Римская Галлія. Спб. 1901. Ц. 3 р.

Кулишаръ, М. Мнѣ о ритуальномъ убійствѣ у евреевъ. (Возникновеніе и развитіе его). М. 1901. Ц. 20 к.

Лазаревскій, Ал. Описаніе Старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Томъ III. Полкъ Прилуцкій. 1901. Ц. 3 р.

Левицкій, Ор. Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII столѣтія. Киевъ. 1902. Ц. 2 р.

Лядовъ, Анат. 35 пѣсенъ русскаго народа для 1 голоса съ сопровожденіемъ е.-п. възъ собранныхъ въ 1894—5 гг. И. В. Некрасовымъ и Ѳ. М. Истоминамъ. Издаю съ Высочайшаго соизволенія пѣсенною комиссіей И. Р. Г. О. Спб. 63 стр. Ц. 2 р.

Ляпуновъ, С. 35 пѣсенъ русскаго народа для 1 голоса съ сопровожденіемъ е.-п. изъ собранныхъ въ 1893 г. С. М. Ляпуновымъ и Ѳ. М. Истоминамъ. Изд. съ Высочайшаго соизволенія пѣсенной комиссіи И. Р. Г. О. 94 стр. Ц. 2 р.

Ляскоронскій, В. Г. Гильомъ Левассеръ-де-Бопланъ и его историко-географическіе труды относительно Южной Россіи. Киевъ. 1901. Ц. 4 р.

Магницкій, В. К. Чувашинъ-этнографъ Спридонъ Михайловичъ Михайловъ (къ исторіи этнографіи). Каз. 1901. („Изв. Общ. Ист., Арх. и Этн.“).

Максимейко, Н. А. Сеймы литовскаго русскаго государства до люблинской уніи. 1569 г. Харьковъ. 1902. Ц. 2 р.

Малинна, Ал. Н. Сборникъ матеріаловъ по малорусскому фольклору. (Черниг., Волынск., Подл. и вѣкот. др. губерній). Черниговъ. 1902. XXI+388 стр.

Малицкій, Н. Г. Мусульманскій сонникъ. Казань 1902. 89. 36 стр. (Уч. Зап. Каз. Univ. 1901).

Матеріалы для изученія быта переселенцевъ, водворенныхъ въ Тобольской губ. за 15 лѣтъ (съ конца 70-хъ годовъ по 1893 г.). 2 т. Москва 1893—1895 гг. Ц. 1 р.

Михтень, М. С. Несколько словъ о бесермянахъ. Каз. 1901. - („Изв. Общ. И. А. и Э.“).

Н. П. Изъ коллекцій Казанскаго Городскаго Музея. (I. „Описание Иерусалима“ въ народн. картинахъ. II. Рукопись съ повѣстью о Брунцвицъ. III. Рукопись съ „Исторіей о храброемъ рыцарѣ Францисъ Венціанъ и о прекрасной королевнѣ Ренцвентъ). Каз. 1901. („Изв. Общ. Ист., Арх. и Этн.“).

Надендинъ, П. П. Кавказскій край. Природа и люди. Изд. 3-е, просмотр. и дополн. Ц. 2 р. 50 к.

Некрасовъ, М. В. 50 пѣсень русскаго народа для мужск. хора, собранныхъ И. В. Некрасовымъ, Ѳ. М. Истоминимъ въ 1894—7 гг. Издано съ Высочайшаго соизволенія пѣсенной комиссіей И. Р. Г. О. СПб. 51 стр. Ц. 75 к.

Никифоровъ, Д. Сокровища въ Москвѣ. М. 1901. Ц. 4 р. 50 к.

Отчеты о засѣданіяхъ Императорскаго общества любителей древней письменности въ 1899—1900 г. съ приложениями. Спб. 1901. Ц. 60 к.

Памятная книжка Вятской губерніи на 1902 г. (Со статьями: 1) А. С. В.—изъ Вятскій Устинскій монастырь при преп. Трифонъ (по подлинному документу 1601 г.) 2) *Его же*: Почитаніе Николы Можайскаго на Вяткѣ въ XVII в. 3) В. Ф. *Будрылецъ*: Старина, памятники, преданія и легенды Прикамскаго Края (продолж.).

Памятная книжка Семипалатинской области на 1902 г. со статьями: 1) В. фонъ Гернъ: Киргизскія пословицы. 2) Ф. Зобнинъ: къ вопросу о невольникахъ, рабахъ и тюленгутахъ въ киргизской степи (См. отъѣвъ въ „Этн. Обзор.“ ян. 52). 3) Н. Коншинъ: Матеріалы для исторіи Степного края: III. „О заграничныхъ обстоятельствахъ“. IV. Замѣтка о киргизскихъ родахъ и султанахъ въ Каркаралинскомъ краѣ) 4). А. Букейхановъ. Изъ переписки киргизскихъ хановъ, султановъ и проч.

Памятная книжка Смоленской губерніи на 1902 г. Со статьями: 1) Я. А. Пилецкій: Промыслы государственныхъ крестьянъ смоленской губерніи въ 1850-хъ годахъ. (8^о. 36 стр. 2) М. Н. Неклюдовъ и С. П. Писаревъ: О раскопкахъ въ Смоленскѣ. 8^о. 33 стр. и 2 таблицы рисунковъ).

Пантусовъ, Н. Н. Изъ замѣтокъ о путешествіи по Алтынь-Эмельской волости (Копальскаго уѣзда Семирѣч. обл.) Каз. 1901. („Изв. Общ. Ист., Арх. и Этн.“).

Петровъ, А. 50 русскихъ народныхъ пѣсень, переложенныхъ для 3-голоснаго и 4-голоснаго смѣшаннаго хора. Для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ. Издано съ Высочайшаго соизволенія пѣсенной комиссіей И. Р. Г. О. Спб. 56 стр. Ц. 75 к.

Пирлингъ, Н. Изъ смутнаго времени. Статьи и замѣтки. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Плотниковъ, А. Ѳ. Нарымскій край. Историко-статистическій очеркъ. (Записки Имп. Русск. Геогр. О.—ва по отдѣленію Статистики. Т. X, вып. 1-й, изд. подъ ред. Н. В. Латкина). Спб. 1901. 8^о. II+366+17 стр. и 1 геогр. карта въ масштабѣ 50 верстъ въ англ. дюймѣ.

Потанинъ, Г. Н. Пѣздка въ среднюю часть Хингана лѣтомъ 1899 г. (Изв. И. Русск. Геогр. О.—ва, т. 37, 1901. вып. V). Спб. 1901, 4^о. 483 стр. и карта.

Программа для собиранія народныхъ пѣсень и другихъ музыкально-этнографическихъ матеріаловъ. Сост. подъ ред. А. Л. Маслова. Изданіе Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. Ѳ.: Труды Музыкально-Этнографической Комиссіи, Вып. 1. М. 1902. 8^о. 8 стр. Безплатно. (Адресъ: Москва, Дашковскій Этнографическій Музей—Н. А. Янчуку).

Розановъ, В. В. Религія и культура. Сборникъ статей. Изв. 2-е Спб. Ц. 1 р. 20 к.

Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжнина, органъ за всестранно изучане на етнография Бѣлгария. Издава Министерството на Народно Просвѣщеніе. Книга XVIII. Соеня 1901. 8^о. I. Наученъ отдѣлъ. II+818+59+190 стр. 1 фототип. 2 геогр. карты, 10 статист. таблицъ. II. Матеріала. 201 стр. Ц. за двата отдѣла 5 лева.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изд. Управл. Кавк. уч. окр. Вып. XXIX Тифлисъ. 1901. Стр. X+148+220+96+162+58.

Сборникъ статей по классической египтологіи въ честь Петра Васильевича Никитина. Спб. 1901. Ц. 2 р.

Сказочное сокровище забытаго уголка. Собрание румынскихъ сказокъ съ рис. Перев. А. И. Яценко-Ирсакаго. Стр. 183. Ц. 80 к.

Славяновѣдѣніе въ поврежденныхъ изданіяхъ. Систематическій указатель статей, рецензій и замѣтокъ на 1900 г. Спб. 1901. Ц. 1 р. 20 к.

Словарь русскаго языка, составленный Вторымъ Отдѣленіемъ Имп. Академіи Наукъ. Вып.: Закрѣплять—Записать. Спб. 1902.

Соболевскій, А. И., проф. Великорусскія народныя пѣсни. Томъ VІІ. Спб. 1902. Ц. 3 р.

Срезневскій, И. И. Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ. Томъ II, вып. 4-й Спб. 1902. Ц. 1 р.

Столяевскій, П. Описаніе старинныхъ книгъ Публичной Самарской Александровской Библіотеки (1724—1825 г.). Самара. 1901. 12°. IV+2 нен.+180 стр. (Такъ встрѣчаются: „Грамматика Черемисскаго яз., 1775 г.; Разсужденіе о русскомъ языкѣ Е. Стаевича, 1808).

Суковскій, О. В. О шаманствѣ въ Минусинскомъ краѣ. Каз. 1901. (Изв. Общ. Ист., Арх. и „Этн.“).

Тамъ. Очерки и рассказы. Т. II. 1902. 8°. 6+312 стр. Ц. 1 р.

Харламповичъ, Н. В. Къ вопросу о просвѣщеніи на Руси въ до-монгольскій періодъ. Львовъ 1902. Ц. 25 к.

Хрѣновъ, Н. А. Поэты изъ народа. Избранныя стихотворенія русскихъ народовъ, поэтовъ, съ приложеніемъ свѣдѣній о жизни ихъ и 7 портр. М. 1902. Ц. 60 к.

Чернышевъ, В. Матеріалы для изученія говоровъ и быта Мещевскаго уѣзда: 1. Говоръ деревни Калужина. (Пѣсни, сказки, загадки, по записямъ Андрея Косогоорова). 2. Говоръ села Шалова. (Пѣсни и сказки по записямъ Ивана Кортюкова) Въ приложеніи письмо ак. Ѳ. Е. Корша объ удареніяхъ въ русскихъ пѣсняхъ и стихахъ. Спб. 1901. 8°. VІІІ+216 стр.

Чехъ, М. С. Рассказы изъ старо-кавказской жизни. Спб. 1901 г. Ц. кажд. т. 1 р. 25 к.

Штукенбергъ, А. А. Матеріалы для изученія мѣднаго (бронзоваго) вѣка восточной полосы Европейской Россіи. Съ четырьмя таблицами. Казань 1901. („Изв. Общ. Ист., Арх. и Этн.“).

Зигельгардтъ, А. П. Черноземная Россія. Очеркъ экономическаго положенія края. 1902. 8° 233+XXXII+2 стр., карты, чертежи и фототипы. Ц. 2 р.

Ясинскій, А. Н. Очерки и изслѣдованія по социальной и экономической исторіи Чехіи въ средніе вѣка. Томъ I. Основы социального строя чешскаго народа въ эпоху господства обычнаго права. Юрьевъ. 1901. Ц. 2 р. 50 к.

Его же. Причина паденія древней Ливоніи. Ю. 1898. Ц. 40 к.

Его же. Сокращеніе чеховъ успѣхамъ германизации на берегахъ Балтійскаго моря. Ю. 1898. Ц. 25 к.

Его же. Чешское свидѣтельство XIV вѣка о русскомъ металлическомъ производствѣ. Ю. 1901. Ц. 10 к.

Boguslański, E. Metoda i środki poznania czasów przedhistorycznych u przelosci Słowian Krakow-Warszawa. 1901. VI+100 стр. Ц. 80 к.

Вѣстники. Языковѣдѣнія, словесности, людознѣнства и древности славянскихъ. Věstník slovanské filologie a starožitnosti s podporou carské Akademie věd v Petrogradě, Akademie české pro vědu a umění, c. k. Ministerstva kultury a vyučování ve Vídni. Vydávají. L. Niederle, F. Pastrnek, J. Poltka, J. Zubaty. Ročník. I. Praha. 1901. 262 str.

Czermark, W. Martini Cromeri Polonia sive de situ, populis, moribus, magistratibus et Republica regni Poloniei libri duo. 1578 Krakow 1901. XIII+160 (wydawnictwa Akad. Um. w Krakowie. Biblioteka Pizarszow Polakish. T. 40).

Dorsey George, A. Recent. progress in anthropology at the field Columbian Museum. (From the American Anthropologist (N-S.) Vol. 3. 1901).

Hall. The oldest. civilisation of Greece, staudies of the Mycenaean age. London. 1901.

Hesse-Wartegg, E. von. Samóa, Bismarkarchipel und Neuguinea. 8°. 329 S. und. 2 Karten.

Melodje ludowe litewskie, zebrane przez ś. p. księdza *Antoniego Juszkiewicza*, opracowywane przez ś. p. *Oskara Kolberga* i. ś. p. *Izydora Kopernickiego*, a ostatecznie opracowane, zredagowane i wydane przez *Zygmunta Noskowskiego* i *Jana Baudouin'a de Courtenay*. Część I. (Z portretami braci Juszkiewiczów. Kraków. 1900. 4°. XLIV + 247 str. (Wydawnictwo Akademji Umiejętności).

Nederle. Slovanske starozitnosti. Díl I. Puvoda počátky národa slovanskeho. Svezak I. Praha. XV + 205 str. (Bibliotéka Historická).

Soukup, Jan. Památky, obyčeje a pověry Kovářské. Praga. 1902. („Česky Lid“).

ХРОНИКА.

Филиппъ Діомидовичъ Нефедовъ.

Некрологъ.

12-го марта въ 11 час. вечера скончался извѣстный писатель Ф. Д. Нефедовъ. Родомъ изъ Иванова-Вознесенска, получивъ тамъ и начальное образованіе, Ф. Д. всю жизнь провелъ больше съ народомъ, чѣмъ въ шумныхъ столицахъ. Но мысль его всегда стремилась къ свѣту; ею онъ руководился и самъ и другихъ руководилъ. Уже въ качествѣ вольнослушателя, онъ прослушалъ лекціи на юридическомъ факультетѣ московскаго университета; потомъ отдался чтенію, любилъ посѣщать литературные кружки; больше же всего его влекло къ изученію народа и литературной работѣ. Еще въ 1859 г. появился его этнографическій очеркъ „Изъ путевыхъ замѣтокъ“ (въ „Костр. губ. Вѣдом.“), въ 1868 г. въ „Отеч. Зап.“ появился его рассказъ „Дѣвичникъ“, въ 1871 г. въ „Вѣстникъ Европы“ — „Святки“. Въ 1872 г. въ „Русс. Вѣд.“ печатались его очерки „Наши фабрики и заводы“. Къ этому же времени относится и первое собраніе его очерковъ „На міру“. Въ 1874 г., въ качествѣ члена-сотрудника Этнографическаго Отдѣла, Ф. Д. сталъ работать въ нашемъ Обществѣ и совершилъ потомъ рядъ этнографическихъ поѣздокъ по Россіи: въ Ряз. губ., на Уралъ, въ центальныя губ. и т. д. Въ „Трудахъ Этнографическаго Отдѣла“ (кн. IV, 1877 г.) помѣщены его „Этнографическія наблюденія по Волгѣ и ея притокамъ;“ въ „Трудахъ“ Антроп. отдѣла — Очерки Приуралья, мѣстныхъ древностей и башкиръ. Объ этн. изслѣдованіи Костромской губ. имъ помѣщенъ былъ отчетъ въ „Извѣстіяхъ“ Общества Люб. Естествознанія, т. 37; тамъ же, т. 51, вып. 1-й — Отчетъ о поѣздкѣ въ Таврическую и Владимирскую губернію. Но далеко не всѣ этнографическіе матеріалы Ф. Д. Нефедова, собравшіеся у него за долготѣлнй періодъ скитаній, напечатаны. Большое собраніе пѣсенъ, причитаній, сказокъ, легендъ, повѣстей, обрядовъ и другихъ наблюденій не увидѣло печати. Во вниманіе къ такимъ плодотворнымъ трудамъ,

Ф. Д. был избран нашимъ Обществомъ сначала въ дѣйствительные, а потомъ и въ непремѣнные члены.

Не будемъ здѣсь говорить о такихъ же многолѣтнихъ и цѣнныхъ археологическихъ работахъ покойнаго. Они какъ бы дополняли его этнографическіе труды во время его частыхъ поѣздокъ по Россіи.

Какъ писатель-беллетристъ, Ф. Д. былъ также всецѣло этнографомъ и, несмотря на свою нѣкоторую идеализацію, порой восторженность и даже чувствительность, воспроизводилъ бытовые сюжеты изъ народной жизни страждущихъ, забытыхъ, удрученныхъ, такъ вѣрно и глубоко-сознательно, что являлся въ этомъ родѣ однимъ изъ популярнѣйшихъ писателей у молодежи, особенно провинціальной; нѣкоторые же его рассказы („Безоброчный“, „Перевозчикъ Ванюша“) весьма распространены и у читателей изъ народа.

Въ жизни Ф. Д. былъ скорѣе неудачникомъ. Рѣдко улыбалась ему судьба. Но онъ всегда работалъ и вѣрилъ въ свой трудъ. Среди молодежи его приятно было видѣть почти такимъ же, какъ и всѣ, молодымъ по духу; среди деревенской глуши — добрымъ сосѣдомъ, услужливымъ другомъ, прекраснымъ собесѣдникомъ. Умеръ онъ въ возрастѣ около 60-ти лѣтъ. Да не умрутъ собранныя имъ сокровища народнаго міропониманія и пролитый имъ свѣтъ художественной мысли.

Вл. Б.

Ш. Летурно.

(Некрологъ).

9-го февраля сего года скончался въ Парижѣ одинъ изъ наиболѣе популярныхъ писателей по соціологіи и исторіи культуры, Шарль Летурно. Летурно родился въ 1831 г., получилъ медицинское образованіе и нѣкоторое время занимался врачебной практикой, но потомъ весь отдался чисто теоретическимъ интересамъ. Отчасти онъ работалъ по общимъ вопросамъ біологіи и фізіологіи (сюда принадлежатъ его работы „La physiologie des passions“, „La biologie“ и т. д.), интересовался физической антропологіей, но широкую извѣстность доставили ему лишь работы по этнографической соціологіи или во соціологической этнографіи, къ которымъ онъ приступилъ сравнительно очень поздно, имѣя безъ малаго пятьдесятъ лѣтъ отъ роду.

Первымъ его трудомъ въ этой области и, пожалуй, лучшимъ его произведеніемъ была извѣстная книга „La sociologie d'après l'ethnographie“, вышедшая въ свѣтъ въ 1880 г. Въ свое время она была встрѣчена очень сочувственно критикой, выдержала въ

подлинникъ 2 изданія и переведена на разные европейскіе языки и между прочимъ имѣется и на русскомъ языкѣ, даже въ двухъ различныхъ переводахъ.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы у Летурно не было предшественниковъ или чтобы онъ шелъ совершенно новой дорогой. Не говоря уже про „Основанія социологіи“ Спенсера, широко воспользовавшагося этнографическими фактами, можно указать цѣлый рядъ авторовъ, изслѣдовавшихъ общественныя отношенія у первобытнаго человѣка и тѣмъ самымъ рѣшавшихъ социологическіе вопросы на почвѣ этнографическихъ данныхъ. Но кое-что новое Летурно всеже вноситъ, и это новое не такъ ужъ мало, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Разумѣется, что для всякаго специалиста безусловно очевидно громадное социологическое значеніе работъ Мэна, Бахофена, Макъ Ленана и другихъ историковъ первобытнаго общества, выступавшихъ на литературное поприще раньше Летурно, но для читателя неспециалиста необходимо было подчеркнуть это значеніе и ту тѣсную связь, которая существуетъ между социологіей и этнографіей. Эту именно задачу Летурно и выполнилъ. Одинъ изъ его критиковъ, Л. Гумпловичъ (Социологія и политика, стр. 104), дѣлаетъ Летурно упрекъ, что онъ излишне ввелъ въ заглавіе своей книги слово „социологія“, „такъ какъ книга заключаетъ лишь то, что до сихъ поръ называлось этнографіей, народовѣдѣніемъ, также антропологіей“. Последнее въ значительной степени вѣрно, но именно тотъ фактъ, что Летурно назвалъ свою книгу не какъ-нибудь иначе, а именно „Социологіей, основанной на этнографіи“, и показываетъ, что французскому ученому была видна вся великая важность для социологіи этнографическихъ данныхъ, и своей книгой онъ сумѣлъ указать на эту важность широкимъ кругамъ читающей публики.

Да и помимо этого, „Социологія“ Летурно является очень полезной работой. Она представляетъ сжатый, очень популярный и удобочитаемый обзоръ довольно богатаго, хотя и не особенно хорошо систематизированнаго этнографическаго матеріала. Широкихъ обобщеній въ ней нѣтъ, но Летурно самъ въ предисловіи отрицаетъ ихъ возможность въ настоящее время. Свою задачу онъ формулируетъ очень скромно: „Мы задумали послѣдовательно описать лишь главные проявленія человѣческой дѣятельности у важнѣйшихъ расъ, сопоставляя ихъ, гдѣ возможно, съ аналогичными явлениями, наблюдаемыми у животныхъ“, и эта задача имъ выполнена очень удовлетворительно. Читатель, во всякомъ случаѣ, получаетъ довольно отчетливое представленіе о различныхъ сторонахъ жизни разнообразныхъ человѣческихъ расъ.

Начиная съ 1887 г. въ дѣятельности Летурно наступаетъ періодъ наибольшаго оживленія; почти ежегодно онъ выпускаетъ въ свѣтъ по объемистой книгѣ, посвященной разработкѣ того или другого изъ вопросовъ излюбленной имъ науки, этнографической

соціологія. Вотъ названія нѣкоторыхъ изъ этихъ работъ: „L'évolution de la morale“ (1887), „L'évolution du mariage et de la famille“ (1888), „L'évolution de la propriété“ (1889), „L'évolution politique“ (1890), „L'évolution juridique“ (1891), „L'évolution religieuse“ (1892), „L'évolution littéraire“ (1894), „La guerre dans les diverses races humaines“, „L'évolution de l'éducation“, „L'évolution de la commerce“, „L'évolution de l'esclavage“ (1897), „La psychologie ethnique“ (1901 г.) и т. д. Въ своемъ цѣломъ всѣ эти книги представляютъ какъ бы новое, переработанное и расширенное до громадныхъ размѣровъ изданіе однотомной „Соціологія“, но нельзя сказать, чтобы цѣлое отъ этого выиграло. Правда, по своимъ научнымъ приемамъ Летурно нисколько не измѣнился и остался одинаковымъ въ различныхъ своихъ книгахъ, но присутствіе ему недостатки, имѣющіе сравнительно мало значенія въ „Соціологія“, предназначенной для широкихъ круговъ публики, несравненно ощутительнѣе въ специальныхъ монографіяхъ, къ которымъ приходится предъявлять болѣе строгія требованія.

Научными изслѣдованіями книги Летурно назвать нельзя, потому что онѣ представляютъ лишь обзоръ фактовъ, не подвергнутый никакой обработкѣ, и лишены всякихъ выводовъ. Уже характеренъ тотъ фактъ, что различныя „эволюціи“ у Летурно нисколько не связаны во-едино и онѣ даже не дѣлаютъ ни малѣйшей попытки установить какія бы то ни было взаимоотношенія даже между наиболѣе крупными фактами. Да, по правдѣ сказать, это было бы очень трудно при тѣхъ результатахъ, къ которымъ Летурно приходилъ по поводу исторіи развитія любого изъ изслѣдованныхъ имъ институтовъ. Эти результаты чрезвычайно бѣдны и безсодержательны и въ большинствѣ случаевъ сводятся къ слишкомъ общей и ничего не говорящей ссылкѣ на прогрессивную эволюцію или къ указанію на разнообразіе формъ данныхъ явленій. Очень характерна въ этомъ отношеніи его книга „L'évolution du mariage et de la famille“. Здѣсь Летурно, съ одной стороны, постоянно ссылается на улучшеніе съ ходомъ эволюціи семейныхъ отношеній, но именно только ссылается, а не только не объясняетъ, но даже не прослѣживаетъ детально этого явленія. Съ другой же стороны, мы находимъ заявленіе, что на первоначальныхъ стадіяхъ развитія человѣкъ прибѣгалъ къ самымъ разнообразнымъ формамъ семьи и брака; чѣмъ обуславливалось такое разнообразіе, остается совершенно неизвѣстно.

Только что названная книга интересна для насъ и въ другомъ отношеніи. Какъ извѣстно, исторія семьи и брака у первобытныхъ народовъ вызвала большую литературу, и съ этой литературой Летурно знакомъ очень плохо. Даже труды Бахофена онъ знаетъ лишь по изложенію Жиро Телона, другіе же нѣмецкіе авторы, писавшіе по исторіи семьи, остались ему совершенно неизвѣстны, а ихъ было не мало (Бастіанъ, Постъ, Каутскій, Липпертъ, Дар-

гунъ и др). Въ виду этого Летурно, возражая часто противъ тѣхъ или другихъ обобщеній въ данной области, предпочитаетъ не называть имени, а говорить о „des sociologistes, trop théoriciens“. Другими авторами онъ зато пользуется слишкомъ усердно, заимствуя у нихъ цѣлый рядъ фактовъ не безъ указанія источника (Магъ Леннанъ, Жиро Телонъ, отчасти Леббокъ).

Такимъ образомъ, все значеніе книгъ Летурно сводится къ ихъ фактическому содержанію, и поэтому цѣнность ихъ очень не одинакова въ зависимости отъ того, насколько разработанъ въ наукѣ данный вопросъ. Однѣ изъ нихъ и въ самый моментъ появленія своего на свѣтъ не имѣли значенія, такъ какъ были уже лучшія работы по этому предмету, такова только что названная *L'évolution du mariage et de la famille*. Другія какъ *L'évolution de l'esclavage*, имѣли въ свое время нѣкоторое значеніе, но потомъ утратили его въ виду появленія новыхъ сводныхъ работъ. Наконецъ, третьи и теперь представляютъ полезныя справочныя работы, хотя и страдающія очень существенными недостатками, но являющіяся единственными въ своей области.

Какъ сводка матеріаловъ, книги Летурно страдаютъ прежде всего полнѣйшею случайностью подбора фактовъ. Особенно рѣзко выступаетъ это обстоятельство въ почти полномъ, за очень малыми исключеніями, незнакомствѣ его съ богатѣйшей нѣмецкой литературой. Подборъ англійской и французской литературы тоже крайне далекъ хотя бы отъ самой приблизительной полноты. При такихъ условіяхъ вполне естественно, что множества народовъ даже и имени не встрѣтишь у Летурно, о другихъ же приведены случайные разрозненные факты. Критическая провѣрка отдѣльныхъ сообщеній, разумѣется, совершенно отсутствуетъ, а потому пользоваться данными Летурно всегда надо съ осторожностью.

Но было бы ошибкой судить и эти произведенія Летурно лишь съ спеціально научной точки зрѣнія, такъ какъ ихъ читаютъ опять-таки не одни спеціалисты, а несравненно болѣе широкіе круги вообще образованной читающей публики. Этому способствуетъ не только замѣчательно простое и занимательное изложеніе Летурно, не только широкая важность затрогиваемыхъ имъ темъ, но и весь позитивно-гуманный складъ его ума. Во всѣхъ его книгахъ, на какія бы темы онъ не были написаны, всегда можно найти двѣ черты: вѣру въ свѣтлое лучшее будущее, ожидающее человѣчество, и неустанное стремленіе къ точному позитивному знанію, враждебному всякой метафизикѣ. Эти черты невольно подкупали читателя и заставляли его многое прощать ученому; онъ освѣщали и дѣлали интереснымъ предметъ, который безъ того показался бы, можетъ быть, сухимъ и скучнымъ, заставляли внимательнѣй слѣдить за аргументаціей автора и такимъ образомъ вводили въ кругъ извѣстныхъ вопросовъ. Насколько популярныя книги Летурно, мы можемъ судить потому, что многія

изъ нихъ существуютъ въ русскомъ переводѣ, хотя русская публика вообще очень мало интересуется соотвѣтственными вопросами; такъ, на русскій языкъ, вромѣ уже упомянутой „Соціологіи“, переведены: „Эволюція собственности“, „Эволюція морали“ (переводъ уничтоженъ цензурой), „Литературное развитіе“, „Эволюція воспитанія“, „Эволюція торговли“, „Эволюція рабства“, и т. д.

Въ заключеніе необходимо упомянуть про практическую дѣятельность Летурно въ качествѣ одного изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ Парижскаго антропологическаго общества и профессора антропологической школы. Въ связи съ положительными сторонами его книгъ эта дѣятельность обезпечиваетъ за покойнымъ французскимъ ученымъ глубокую признательность со стороны всѣхъ, кому дороги интересы этнографіи и родственныя ей науки. Если онъ и не двинулъ ихъ сильно впередъ, зато никто больше него не поработалъ надъ распространеніемъ ихъ вширь, надъ привлеченіемъ къ нимъ интереса и сочувствія большихъ массъ читающей публики. Это заслуга не малая, и за нее можно помянуть покойнаго добрымъ словомъ.

А. Максимовъ.

Двѣнадцатый археологическій съѣздъ будетъ открытъ въ Харьковѣ 15-го августа 1902 года. Правила этого съѣзда такія же, какъ и правила XI-го кіевскаго съѣзда. Закроется съѣздъ 27-го августа. При съѣздѣ предполагается открыть выставки предметовъ доисторической эпохи, историческихъ и этнографическихъ. Между прочимъ, проф. А. Н. Красновъ представилъ краткую программу Этнографической выставки, долженствующей заключать въ себѣ матеріалы по исторіи культуры южно-русской народности (изъ губ. Харьковск., Курск., Екатериносл., Воронеж., Черниг., Таврич., Донск. обл., Куб. обл. и др.) съ цѣлью отмѣтить видоизмѣненія культуры подъ вліяніемъ географическихъ перемѣтъ, пережитой старины и вліяніе сосѣднихъ народностей, а равно антропологическія данныя и памятники духовной культуры. Проф. Н. П. Дашкевичъ (изъ Кіева) предлагаетъ разослать приглашенія къ собиранію остатковъ стараго казацкаго эпоса („думы“), какіе могли уцѣлѣть до настоящаго времени, и свидѣній о послѣднихъ кобзаряхъ, а равно старинныхъ историческихъ легендъ и преданій (мѣстныхъ). Предполагается составить археологическія карты губерній: Харьковской (проф. Д. И. Багалъй), Воронежской (Л. М. Савеловъ), Черниговской и Полтавской (проф. Д. Я. Самоквасовъ), Курской (В. К. Трутовскій), Кубанской обл. (Г. Д. Фелицынъ или В. М. Сысоевъ).

Въ программѣ съѣзда въ отдѣлѣ „Древности первобытныя“ отмѣтимъ вопросы: 4. Н. Е. Бранденбургъ: слѣды печенѣговъ на Днѣстрѣ и 8 Ө. Г. Мищенко: скинскіе курганы и извѣстія древнихъ о скинахъ.

Въ отдѣлѣ „Древности историко-географическія и этнографическія“ — вопросы: 3) В. В. Ивановъ: Мевлипы и ихъ говоръ; 7) В. Θ. Миллеръ: къ вопросу объ Алланахъ; 8) Θ. Г. Мищенко: пріемы этнографіи у древне-греческихъ историковъ; 11 и 12) Н. Θ. Сумцовъ: Мѣстныя названія Харьковской губ., какъ матеріалъ для изученія старины, и Арханческія черты въ орнаментѣ писанокъ; 16) М. Г. Халанскій: о древне-русскихъ переводахъ географическихъ терминновъ и названій.

Въ отдѣлѣ „Памятники искусствъ и художествъ, нумизматики и сфрагистики“ — вопросы 6 и 7) Е. К. Рѣдинъ: а) матеріалы къ исторіи древне-русскаго искусства, б) русскія лицевыя рукописи Козьмы Индикоплова въ связи съ византийскими.

Въ отдѣлѣ „Бытъ домашній, хозяйственный, общественный, юридическій и военный“ — вопросы — 2) Д. И. Багалъй: Цехи и братства въ лѣвобережной и слободской Украйнѣ; 7) В. В. Ивановъ: Новѣйшіе матеріалы по этнографіи и обычному праву Харьковской губ.; 23) Н. Θ. Сумцовъ: о выдѣленіи въ заговорахъ древнѣйшихъ бытовыхъ мотивовъ. Кромѣ того, нѣсколькими авторами поставлены вопросы по исторіи землевладѣнія въ Слободской Украйнѣ, у донскихъ казаковъ, въ рязанскомъ уѣздѣ и др.

Въ отдѣлѣ „Памятники языка и письма“ вопросы: 3, 4, 5, 6 и 7) А. А. Кочубинскій: а) время появленія славянскаго (кирилловскаго) письма въ румынской письменности; б) время появленія народнаго элемента въ славянскихъ текстахъ румынъ; в) критическая провѣрка этимологій въ лексическихъ трудахъ румынской науки (Massimu, Hâsdeu и др.); г) роль малорусскаго языка въ старѣйшей письменности румынъ; д) румынскій элементъ въ лексическомъ составѣ малорусскаго языка; 8) А. В. Лонгиновъ: значеніе Траяна въ русской исторіи, русскомъ правѣ и русской поэзіи. 9 и 10) В. Θ. Миллеръ: а) народный эпосъ на Бѣломъ морѣ (по новымъ записямъ былинъ); б) пересмотръ вопросовъ, вызываемыхъ личностью Ильи Муромца и былинами о немъ; 11, Н. Θ. Сумцовъ: отраженія каменнаго вѣка въ народныхъ сказаніяхъ, преданіяхъ, повѣрхьяхъ и обрядахъ; 14, 15, 16, 18, и 19) М. Г. Халанскій: О народныхъ говорахъ въ Курской губ., о происхожденіи славянскаго эпического стиха, о происхожденіи имени и прозвища Ильи Муромца, объ употребленіи члена въ русскомъ языкѣ, сказанія о Маркѣ проклятомъ въ малорусской поэзіи

Въ отдѣлѣ „Древности классическія, восточныя, византийскія и западно-европейскія“ — вопросы: 7) В. М. Сысоевъ: обзоръ древне-греческихъ колоній на восточномъ берегу Азовскаго и Чернаго морей; 8, 9, и 10) М. Г. Халанскій: о Руссахъ и русскомъ князѣ Іліасѣ въ германскомъ эпосѣ, Южно-славянскія пѣсни о смерти Марка Кралевица и рассказъ въ *Chanson de Roland* о смерти Роланда, объ отношеніяхъ южно-славянскаго германскаго

эпоса къ нѣмецкимъ средневѣковымъ рыцарскимъ поэмамъ; 11) Э. Р. Фонъ-Штернъ: точное опредѣленіе района культурнаго вліянія греко-римскаго міра на народы юга Россіи по совокупности археологическихъ и историческихъ данныхъ.

Въ отдѣлѣ „Памятники археографическіе поставлены вопросы объ архивахъ губернскихъ, монастырскихъ, областныхъ и друг.

Кромѣ того, ва сѣздѣ желательнo получить отвѣты на цѣлый рядъ „запросовъ“, изъ которыхъ приводимъ нѣкоторые:

Возможно ли установить погребальные типы кочевниковъ въ курганахъ южныхъ степей отъ Днѣпра до Дона? О происхожденіи русскаго казачества вообще и запорожскаго въ частности? Кто были „севрюки“, упоминаемые въ актахъ XVII и начала XVIII вв., вмѣющихъ въ виду Черниговскую область? Почему въ Москвѣ XVI—XVII вв. называли жителей южной Россіи „черкасами“ — нѣтъ ли связи между этимъ названіемъ и тождественнымъ съ нимъ названіемъ сѣверныхъ кавказскихъ горцевъ? Какіе изъ говоровъ и повѣрій населенія средней Волги (отъ Нижняго-Новгорода до Казани) сохранились доселѣ съ точнымъ сходствомъ и въ населеніи верхняго и средняго Дона? Образованіе отечественнаго стиля архитектуры въ связи съ историческими условіями русской жизни? Тувемность малорусскаго языка? О происхожденіи древнихъ македонянъ? О финикійскомъ вліяніи на грековъ?

Новые „вопросы“ и „запросы“ могутъ быть присылаемы въ Предварительный Комитетъ сѣзда на имя гр. П. С. Уваровой—Москва, Берсеневка.

Лица, предложившія „вопросы“, вмѣстѣ съ тѣмъ принимаютъ на себя обязанность представить по нимъ сѣзду докладъ или сообщеніе.

Б.

Третій международный конгрессъ американистовъ. Очередной (III-й) международный конгрессъ американистовъ, какъ видно изъ разосланнаго недавно Американскимъ музеемъ естественной исторіи циркулярнаго письма, будетъ происходить съ 20-го по 25-е октября (по новому стилю) въ г. Нью-Йоркѣ. Главную цѣлью конгресса является желаніе собрать всѣхъ, интересующихся вопросами этнологіи и доисторической археологіи обѣихъ Америкъ, чтобы они, такимъ образомъ, могли „расширить свои свѣдѣнія въ этихъ отрасляхъ знаній, какъ чтеніемъ докладовъ, такъ и преніями по различнымъ вопросамъ“.

Матеріалъ, подлежащій изученію и обсужденію гг. конгрессистовъ, редактированъ организаціоннымъ комитетомъ въ слѣдующихъ двухъ подраздѣлахъ: 1) Первобытныя расы Америки; ихъ происхожденіе, распредѣленіе, исторія и физическая характеристика; ихъ языки, обычаи, религіи, изобрѣтенія; 2) Исторія первыхъ сношеній стараго свѣта съ Америкой.

Засѣданія конгресса будутъ происходить въ зданіи Американскаго музея естественной исторіи. Сообщенія будутъ допущены на языкахъ: англійскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ и испанскомъ. Чтеніе сообщеній не должно превышать получасового срока. Члены конгресса, имѣющіе прочесть какое-либо сообщеніе, приглашаются заявить заблаговременно заглавія и краткое содержаніе своихъ рефератовъ. Доложенные на конгрессѣ рефераты будутъ изданы въ „Proceedings“ конгресса.

Желающіе записаться членами конгресса, должны внести членскій взносъ въ три американскихъ доллара, дающій право на полученіе всѣхъ официальныхъ изданій конгресса.

Адресъ генеральнаго секретаря организационнаго комитета слѣдующій: Mr. Marchall H. Saville, general secretary of the commission of organisation of the International Congress of Americanists, American Museum of Natural History, New York (U. S. A.). Адресъ казначея: Mr. Harlan I. Smith, American Museum of Natural History, New York (U. S. A.).

М.

6-й этнографическій концертъ Этнографическаго отдѣла, устроенный состоящей при Отдѣлѣ музыкально-этнографической комиссіей 20-го апрѣля 1902 г., помимо вокальнаго отдѣленія (великорусскія, малорусскія и кавказскія пѣсни), на этотъ разъ обогатился еще и инструментальнымъ отдѣленіемъ: исполнены были русскія мелодіи на гусляхъ и свирѣли, малорусскія—на лирѣ и сопилкѣ, польскія и болгарскія—на дудочкѣ и „диплѣ“ (двойной свирѣли), еврейскія—на скрипкѣ, кавказскія—на саламури съ аккомп. ударныхъ инструментовъ дайры и доли, а также на зурнѣ съ аккомп. доли и другія.

Чердынскій музей древностей, недавно основавшійся для историко-археологическаго изученія Камско-Волжскаго края, въ настоящее время озабоченъ проектомъ основанія при музеѣ „Общества любителей археологіи, исторіи и этнографіи Чердынскаго края“. Уставъ о-ва выработанъ и представленъ на утвержденіе. („Изв. Общ. Ист. и Этн. при Каз. Унив.“ 1901, XVII, 5—6).

Тверской историко-археологическій съѣздъ, какъ предполагается, долженъ состояться въ 1903 году. Имѣются въ виду изслѣдователи древностей Новгородско-Ростово-Суздальскаго края.

Коллекція предметовъ буддійскаго культа, собранная въ Китаѣ кн. Э. Э. Ухтомскимъ, пріобрѣтена Этнографическимъ Отдѣленіемъ русскаго музея императора Александра III за 100.000 рублей.

Это замѣчательное собраніе въ нѣкоторой части своей экспонировалось на послѣдней парижской выставкѣ. О значеніи этой коллекціи специально написано сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ, съ массою рисунковъ, д-ромъ Грюнведемъ, извѣстнымъ знатокомъ буддизма.

Выставка народныхъ музыкальныхъ инструментовъ и демонстрація ихъ. Секретарь пѣсенной комиссіи Императорскаго русскаго географическаго общества В. И. Гоффе (Инженерная, 4) обращался съ просьбою ко всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, имѣющимъ въ своемъ распоряженіи народные музыкальные инструменты, какъ вышедшіе изъ употребленія, такъ и нынѣ существующіе (варганы, гусли, рожки, жалѣйки, гудки, кобзы, бандауры, лиры, цимбалы, дуды, торбаны, канклеты, зурны и проч.) не отказать временно предоставить ихъ въ распоряженіе пѣсенной комиссіи для пополненія коллекціи инструментовъ въ витринѣ на всероссійской кустарно-промышленной выставкѣ, имѣвшей открыться 3-го марта этого года въ Таврическомъ дворцѣ въ Петербургѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ комиссіи было желательно получить свѣдѣнія о лицахъ, играющихъ на этихъ инструментахъ и могущихъ публично выступать на предположенныхъ народныхъ концертахъ („Р. В.“).

„Мнѣнія новѣйшихъ ученыхъ о происхожденіи румынъ“ — подъ такимъ заглавіемъ А. Я. Яцимирскій прочелъ докладъ въ Славянской комиссіи Московскаго Археологическаго общества. Румынскіе ученые приходятъ къ выводу, что румыны — прямые потомки римскихъ колонистовъ. Самое названіе „румыны“ и $\frac{1}{3}$ латинскихъ словъ въ румынскомъ языкѣ — какъ бы подтверждаютъ это. Не всѣ западно-европейскіе ученые держатся того же взгляда на румынъ, видя въ нихъ народность, смѣшанную изъ многихъ этническихъ элементовъ и сильно романизованную. Нѣкоторые славянскіе изслѣдователи видятъ въ румынахъ элементы славянскаго племени и даже остатки скифовъ; славянскіе элементы въ румынскомъ языкѣ, къ тому же, мало чѣмъ уступаютъ, по количеству и качеству, элементамъ романскимъ. Своего опредѣленнаго мнѣнія о происхожденіи румынъ не высказалъ, однако, и г. Яцимирскій. Итальянцы ли, вообще ли пролетаріатъ изъ римскихъ провинцій, кельты ли или другія этническія группы были зародышемъ румынской національности — этотъ вопросъ остается открытымъ.
